W 62
260

№ 62/260 Inv

А. ТИТОВЪ.

СИБИРЬ

ВЪ XVII ВѢКѢ

Сборникъ старинныхъ русскихъ статей

о

Сибири и прилежащихъ къ ней земляхъ.

Съ приложеніемъ снимка со старинной карты Сибири.

ИЗДАЛЪ

Г. Юдинъ.

МОСКВА.
Типографія Л. и А. Снегиревыхъ. Остоженка, Савеловскій переулокъ, собств. домъ.
1890.

W 62/260

А. ТИТОВЪ.

СИБИРЬ

ВЪ XVII ВѢКѢ.

Сборникъ старинныхъ русскихъ статей

о

Сибири и прилежащихъ къ ней земляхъ.

Съ приложеніемъ снимка со старинной карты Сибири.

ИЗДАЛЪ

Г. Юдинъ.

МОСКВА.
Типографія Л. и А. Снегиревыхъ. Остоженка, Савеловскій переулокъ, собств. домъ.
1890.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе. 1

I. О человѣцѣхъ незнаемыхъ на восточной странѣ и о языцѣхъ розныхъ. . . . 1

II. Роспись Сибирскимъ городамъ и острогомъ. 7

III. Чертежъ всей Сибири, збиранный въ Тобольскѣ по указу царя Алексѣя Михаиловича. 23

IV. Списокъ съ чертежа Сибирскія земли. 39

V. Описаніе новыя земли, сирѣчь Сибирского царства. 55

VI. Сказаніе о великой рѣцѣ Амурѣ, которая разгранила русское селеніе съ Китайцы. 103

VII. Historia de Sibiria 115

Исторія о Сибири (переводъ предшествующей статьи). 161

Указатель 217

Въ приложеніи: карта Сибири, снятая И. К. Прютцомъ въ 1669 году съ чертежа, составленаго П. И. Годуновымъ въ 1667 году.

Настоящій сборникъ издается, благодаря просвѣщенному содѣйствію Геннадія Васильевича Юдина.

Данное сборнику названіе — „Сибирь въ XVII вѣкѣ“ — означаетъ его содержаніе только приблизительно, ибо первая изъ помѣщенныхъ здѣсь статей относится къ болѣе раннему времени, но на нее можно смотрѣть какъ на необходимое введеніе къ остальнымъ. Съ другой стороны, изъ семи включенныхъ въ нашъ сборникъ статей, только шесть суть памятники старинной русской письменности,— седьмая же писана по латыни; тѣмъ не менѣе, помѣщеніе сей послѣдней вслѣдъ за другими статьями вполнѣ оправдывается, какъ однородностью содержанія, такъ и тѣмъ, что это латинское сказаніе составлено въ Россіи. Такимъ образомъ содержаніе настоящаго сборника представляетъ собою неразрывное цѣлое: онъ заключаетъ въ себѣ тотъ кругъ свѣдѣній о Сибири, которыя находились въ распоряженіи русскаго правительства и были въ обращеніи среди русскаго общества до начала

XVIII вѣка. Расположивъ издаваемые нами памятники въ хронологическомъ порядкѣ, мы тѣмъ самымъ даемъ читателю возможность прослѣдить ходъ постепеннаго накопленія этихъ свѣдѣній. Желая соблюсти въ нашемъ сборникѣ полноту, мы сочли полезнымъ помѣстить въ немъ, вмѣстѣ со статьями, доселѣ не изданными, и такія, которыя уже существуютъ въ печати.

Изъ напечатанныхъ нами статей видно, что Сибирь, не смотря на свои необъятныя пространства и на едва преодолимыя препятствія, которыя представляла сама природа для ея занятія, такъ быстро вошла въ составъ Русскаго государства, что въ теченіе шестидесяти лѣтъ русскимъ людямъ стала извѣстна вся страна отъ Уральскихъ горъ вплоть до Восточнаго океана. Занятіе Сибири въ концѣ XVI вѣка было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всего прежняго хода русской жизни: русская колонизація, углубляясь на востокъ, постепенно дошла до Уральскаго хребта и, наконецъ, переступила за него, руководимая, съ одной стороны, промышленными цѣлями, добываніемъ пушного звѣря и металловъ, а съ другой — сознаніемъ необходимости создать на восточной границѣ государства оплотъ противъ дикихъ инородцевъ. Занятіе Сибирскихъ земель происходило постепенно и строго систематично: какъ только занималась та или другая мѣстность, она тотчасъ была укрѣпляема острогами и заселяема

сперва служилыми людьми, а затѣмъ и вольными промышленниками. Вмѣстѣ съ занятіемъ той или другой мѣстности составлялось и описаніе ея; большая часть напечатанныхъ нами статей имѣетъ именно такое офиціальное происхожденіе.

Въ составъ нашего сборника входятъ слѣдующія статьи:

1) „О человѣцѣхъ незнаемыхъ на восточной странѣ и о языцѣхъ розныхъ“.—Статья эта составлена, по всей вѣроятности, въ исходѣ XV вѣка и представляетъ собою наиболѣе раннее русское описаніе нѣкоторыхъ мѣстностей западной Сибири и народовъ, въ ней обитавшихъ. Характеръ сообщаемыхъ въ ней извѣстій представляется, по первому впечатлѣнію, нѣсколько сказочнымъ, но ближайшее изслѣдованіе ея содержанія, сдѣланное недавно профессоромъ Дм. Н. Анучинымъ [1]), заставляетъ смотрѣть на это сказаніе какъ на весьма цѣнный историческій памятникъ. „Въ немъ“, говоритъ г. Анучинъ,—„мы находимъ первый сколько-нибудь связный разсказъ о народахъ по нижнему теченію рѣкѣ Оби и по рѣкѣ Тазу, объ Юракахъ, Каменскихъ Самоѣдахъ и другихъ племенахъ, имъ родственныхъ, первые слухи о странахъ въ верховьяхъ Оби, о нѣкоторыхъ племенахъ тюрко-мон-

[1]) См. статью *Дм. Н. Анучина*: „Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака“ въ XIV-мъ томѣ издаваемыхъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ „Древностей“.

гольскихъ, ихъ бытѣ, древней разработкѣ алтайскихъ копей, нѣмомъ торгѣ, шаманствѣ и т. д. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ статья представляетъ интересъ и для общей этнологіи или исторіи первобытной культуры: здѣсь мы встрѣчаемъ извѣстія о людоѣдствѣ, о стрѣльбѣ изъ желѣзныхъ трубокъ, одну изъ древнѣйшихъ легендъ о мертвомъ городѣ и т. д. Наконецъ, статья заслуживаетъ вниманія и въ историко-географическомъ отношеніи въ виду того, что нѣкоторыя данныя ея дали матеріалъ для иностранныхъ картъ XVI вѣка, и что отсюда, по видимому, были заимствованы понятія о странахъ Molgomzaia, Baida и о Каменскихъ Самоѣдахъ". Текстъ этого сказанія напечатанъ нами по рукописи XVI вѣка, хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ: Погод. № 1572. Въ вышеупомянутомъ трудѣ г. Анучина также помѣщенъ текстъ этого сказанія, но по другимъ рукописямъ, впрочемъ въ редакціи сходной съ нашею.

2) „Роспись Сибирскимъ городамъ и острогомъ".—Роспись эта заключаетъ въ себѣ списокъ городовъ, остроговъ, зимовьевъ и тѣхъ рѣкъ, на которыхъ эти укрѣпленія были построены. Здѣсь указывается разстояніе одного начальнаго пункта отъ другого, измѣряемое днями ѣзды на лошадяхъ и собакахъ или же водянымъ путемъ въ дощаникахъ и стругахъ; есть также указаніе на то, сколько гдѣ считалось служилыхъ людей въ укрѣпленныхъ мѣстахъ,

кто держалъ ямскую гоньбу и по какимъ дорогамъ. Судя по упоминаемымъ въ росписи населеннымъ пунктамъ, она составлена не позже 1640 года. Текстъ росписи, издаваемый впервые, заимствованъ изъ рукописи Императорской Публичной Библіотеки: Погод. № 1604, гдѣ, къ сожалѣнію, конца статьи не имѣется; но другихъ списковъ этого памятника доселѣ не извѣстно.

3) „Чертежъ всей Сибири, збиранный въ Тобольскѣ по указу царя Алексѣя Михаиловича“.— Статья эта имѣетъ важное значеніе, потому что заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о первой картѣ Сибири, составленной по распоряженію русскаго правительства. Карта эта была начертана по указу царя Алексѣя Михайловича стольникомъ и воеводой Петромъ Ивановичемъ Годуновымъ въ 1667 году въ Тобольскѣ по показаніямъ „всякихъ чиновъ людей“, знавшихъ „подлинно городки и остроги, и урочища, и дороги, и земли, и какіе ходы отъ города до города, да отъ слободы до слободы, и до котораго мѣста и дороги, и земли, и урочища, и до земель въ скольку дней и сколку ѣзду и верстъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, П. Ив. Годунову было поручено построить „по высмотрѣ“ въ Тобольскомъ уѣздѣ между слободами крѣпости, нужныя для обезопашенія отъ находа непріятелей, и опредѣлить, „по сколку человѣкъ въ которой крѣпости посадить драгунъ“, какъ велико разстояніе той или

другой крѣпости до извѣстнаго мѣста и даже до Китая. Къ сожалѣнію, подлинникъ Годуновскаго чертежа не сохранился, а уцѣлѣло только его описаніе, заключающееся въ издаваемой статьѣ. Въ ней, какъ и въ „Росписи Сибирскимъ городамъ и острогомъ", разстояніе между нанесенными на карту поселеніями опредѣляется, за исключеніемъ болѣе близкихъ и потому болѣе извѣстныхъ, днями сухопутной ѣзды или же водой. Текстъ этой статьи издается нами впервые; онъ заимствованъ изъ рукописи Румянцовскаго музея № CCXCIV [1]).

4) „Списокъ съ чертежа Сибирскія земли".— Статья эта заключаетъ въ себѣ описаніе второго чертежа Сибири, составленнаго въ 1672 году и нынѣ утраченнаго, подобно первому. Издаваемая статья представляетъ большой интересъ по сравненію съ предшествующею, почему и помѣщается въ настоящемъ сборникѣ, хотя она уже была напечатана извѣстнымъ изслѣдователемъ Сибири покойнымъ Гр. Ив. Спасскимъ во „Временникѣ Общества Исторіи и древностей россійскихъ" за 1849 годъ, № 3. Статья эта находилась въ принадлежавшемъ Спасскому рукописномъ сборникѣ XVII вѣка и не извѣстна въ другихъ спискахъ; гдѣ находится нынѣ рукопись Спасскаго—также не извѣстно.

---

[1]) Въ описаніи этой рукописи въ извѣстномъ трудѣ Ал. Хр. Востокова составленіе Годуновскаго чертежа отнесено къ 1658 году, вѣроятно, вслѣдствіе опечатки.

5) „Описаніе новыя земли, сирѣчь Сибирского царства". — По опредѣленію Ал. Хр. Востокова, статья эта составлена послѣ 1683 года. Въ ней описаніе Сибирскихъ земель соединяется съ историческими извѣстіями о занятіи ея Русскими, но, какъ замѣтилъ еще Востоковъ, покореніе Сибири описано здѣсь „не согласно съ достовѣрнѣйшими лѣтописями Строгановскою и Саввы Есипова. Разсказываемыя здѣсь обстоятельства частію сходны съ сказаніемъ Ремезовской лѣтописи, частію же и собственнаго изобрѣтенія" неизвѣстнаго по имени сочинителя. Впрочемъ, интересъ этой статьи заключается не въ историческихъ извѣстіяхъ, въ ней помѣщенныхъ, а въ свѣдѣніяхъ географическихъ и этнографическихъ. Тутъ изображены нравы сибирскихъ туземцевъ, а также религіозныя вѣрованія и обряды Китайцевъ; есть даже извѣстіе о прибытіи іезуитовъ въ Китай и объ ихъ дѣятельности тамъ. Текстъ этой статьи, впервые издаваемой нами, взятъ изъ рукописи Румянцовскаго музея № CCXCIV.

6) „Сказаніе о великой рѣцѣ Амурѣ, которая разграничила русское селеніе съ Китайцы".—Статья эта, представляющая описаніе рѣки Амура и его побережій во время обладанія Русскими, за нѣсколько лѣтъ до присвоенія той страны Китайцами въ 1689 году, является необходимымъ дополненіемъ къ предшествующимъ памятникамъ; поэтому она и

перепечатана нами изъ „Вѣстника Русскаго Географическаго Общества“ 1858 г., кн. 2, гдѣ она была помѣщена Гр. Ив. Спасскимъ по единственному списку, находившемуся въ той же его рукописи, которая содержала въ себѣ вышенапечатанное описаніе чертежа Сибири 1672 года.

7) „Historia de Sibiria“ (Исторія о Сибири).— Эта статья весьма замѣчательна, какъ по своему богатому фактами содержанію, такъ и по личности автора. Сочинитель „Исторіи о Сибири“ не названъ въ подлинникѣ, но это несомнѣнно знаменитый славянскій патріотъ XVII вѣка, уроженецъ Хорватіи, католическій священникъ Юрій Крижаничъ. Какъ извѣстно, онъ пріѣхалъ въ Москву въ 1659 году, а въ 1661 былъ отправленъ въ ссылку въ Тобольскъ, гдѣ и оставался до 1676 года. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ онъ, конечно, могъ собрать много свѣдѣній о Сибири. Изъ „Исторіи“ видно, что авторъ ея былъ ревностный католикъ, живалъ въ Римѣ и былъ тамъ знакомъ съ Іоанномъ Карамуелемъ, извѣстнымъ испанскимъ богословомъ того времени; все это примѣняется къ Юрію Крижаничу, который учился въ Римѣ и въ сочиненіяхъ своихъ упоминаетъ о своихъ сношеніяхъ съ Карамуелемъ [1]). Всего же болѣе принад-

1) Юрій Крижаничъ и его литературная дѣятельность. Историко-литературный очеркъ *Арсенія Марковича*. Варшава. 1876, стр. 25.

лежность „Исторіи о Сибири“ Крижаничу доказывается тѣмъ, что почеркъ поправокъ въ рукописяхъ ея совершенно сходенъ съ почеркомъ Крижанича, который извѣстенъ по снимку, изданному П. Ал. Безсоновымъ. „Исторія о Сибири“ сохранилась въ двухъ спискахъ, находящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ (лат. Q. IV, № 65 и № 66). Она издается въ латинскомъ подлинникѣ на основаніи сличенія этихъ двухъ списковъ и въ новомъ русскомъ переводѣ. Въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“ 1822 года былъ уже помѣщенъ Гр. Пв. Спасскимъ латинскій текстъ этого сочиненія съ переводомъ, но какъ изданіе подлинника, такъ и переводъ, были сдѣланы на столько неудовлетворительно и не полно, что мы сочли необходимымъ исполнить этотъ трудъ сызнова. Притомъ, Спасскому осталось неизвѣстнымъ имя знаменитаго сочинителя „Исторіи о Сибири“.

Прилагаемый къ нашему сборнику снимокъ со старинной карты Сибири составляетъ, по нашему мнѣнію, существенное дополненіе къ помѣщеннымъ здѣсь статьямъ. Какъ видно изъ шведской надписи на картѣ, она есть копія съ чертежа Сибири, сдѣланнаго стольникомъ и воеводой Петромъ Ивановичемъ Годуповымъ въ 1667 году. Копію эту снялъ въ 1669 году К. Н. Прютцъ (C. J. Prütz), сопровождавшій въ Москву шведскаго посланника Фрица Кронмана. Копія Прютца приложена къ

хранящейся въ Стокгольмской королевской библіотекѣ рукописи Прютца, называемой „Itinerarium per nonnullas Russiae et Poloniae partes“ (въ 4-ку 146 страницъ). О копіи своей Прютцъ говоритъ слѣдующее: „Приложенная карта великаго княжества Сибирскаго и окрестныхъ странъ снята мною 8-го января 1669 года въ Москвѣ, на сколько возможно было тщательно, съ весьма небрежно сохранившагося подлинника, которымъ меня лишь на нѣсколько часовъ ссудилъ князь Иванъ Алексѣевичъ Воротынскій“. Этотъ князь Воротынскій былъ однимъ изъ видныхъ бояръ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Сочиненіе Прютца до сихъ поръ не издано, а равно оставалась неизвѣстною и помѣщенная въ немъ карта Сибири, между тѣмъ какъ она чрезвычайно интересна для старинной русской картографіи, ибо даетъ намъ понятіе о первомъ русскомъ чертежѣ Сибири, не сохранившемся въ Россіи. Она служитъ ближайшимъ объясненіемъ къ статьѣ, помѣщенной въ настоящемъ сборникѣ подъ № 3-мъ. Мы получили возможность издать эту карту, благодаря благосклонному разрѣшенію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, которому точный снимокъ съ нея былъ доставленъ шведскимъ ученымъ Г. Стриндбергомъ черезъ посредство академика Як. К. Грота.

Приложенный къ нашему сборнику указатель заключаетъ въ себѣ личныя имена, названія геогра-

фическія и этнографическія, а также бытовые предметы, упоминаемые въ напечатанныхъ здѣсь историческихъ памятникахъ.

Въ заключеніе настоящаго введенія позволяемъ себѣ выразить желаніе, чтобы всѣ статьи, помѣщенныя въ нашемъ изданіи, подверглись такому же полному и тщательному изученію, какъ сказаніе „О человѣцѣхъ незнаемыхъ на восточной странѣ“, столь прекрасно изслѣдованное профессоромъ Дм. Н. Анучинымъ.

А. Титовъ.

I.

О человѣцѣхъ незнаемыхъ на восточной странѣ и о языцѣхъ розныхъ.

(По рукописи Императорской Публичной Библіотеки, Погод. № 1572, лл. 112—114 об.).

I.

О человѣцѣхъ незнаемыхъ на восточной странѣ и о языцѣхъ розныхъ.

На восточной странѣ, за Югорьскою землею, надъ моремъ, живутъ люди Самоѣдь, зовомыи Малгонзеи. Ядь ихъ мясо оленье да рыба да межи собою другъ друга ядять. А гость къ нимъ откуду пріидеть, и они дѣти свои закалаютъ на гостей да кормять; а которой у нихъ гость умреть, и они того снѣдаютъ, а въ землю не хоронять, а своихъ такожъ. Сіи жъ людіе не великіи возрастомъ, плосковиды, носы малы, но рѣзвы велми и стрѣлцы скоры и горазди. А ѣздятъ на оленехъ и на собакахъ; а платье носятъ соболіе и оленіе, а товаръ ихъ соболи.

Въ той же странѣ, за тѣми людми, надъ моремъ, живутъ иная Самоѣдь такова: Липная словетъ; лѣтѣ мѣсяцъ живутъ въ морѣ, а на сухѣ не живутъ того дѣля: того мѣсяца понеже тѣло на нихъ трескается, и они тотъ мѣсяцъ въ водѣ лежатъ, а на берегъ не могутъ вылезти.

Въ той же странѣ, за тѣми людми, надъ моремъ, есть иная Самоѣдь: по пупъ люди мохнаты до долу, а отъ пупа вверхъ—какъ и прочіи человѣци. А ядь ихъ рыбы и мясо; а торгъ ихъ соболи, да песцы, да лижы, да оленьи кожы.

Въ той же странѣ, за тѣми людми, надъ тѣмъ же моремъ, иная Самоѣдь такова: вверху рты, ротъ на темени, а не говорятъ; а видѣніе въ пошлину человѣци; а коли ѣдятъ, и они крошатъ мясо или рыбу да кладутъ подъ колпаки или подъ шапку, и какъ почнутъ ясти, и они плечима движутъ вверхъ и внизъ.

Въ той же странѣ, за тѣми людми, есть иная Самоѣдь такова, какъ и прочіи человѣци; по зимѣ умираютъ на два мѣсяца, умираютъ же тако: какъ гдѣ застанетъ котораго въ тѣ мѣсяцы, то тутo и сядетъ, а у него изъ носа вода изойдетъ, какъ отъ потока, да вымерзнетъ къ земли; и кто человѣкъ иные земли невѣдаіемъ то толко отразитъ, у него спхнетъ съ мѣста, инъ умретъ, то уже не оживетъ; а не сопхнетъ съ мѣста, то той оживетъ и познаетъ и

речетъ ему: „О чемъ мя еси, брате, поуродовалъ?“ А оживаютъ, какъ солнце на лѣто поворотится. Такоже на всякъ годъ оживаютъ и умираютъ.

—Въ той же странѣ, въ верху Оби рѣки великіа, есть такова земля: Балдъ именуется; лѣса на ней нѣтъ. А людіе на ней, какъ и прочіи человѣци, живутъ въ землѣ, а ядятъ мясо соболи; а иного у нихъ звѣри никоторого нѣтъ, опроче соболіа. А носятъ платіе соболіе и рукавицы и ногавицы, а иного платіа у нихъ нѣтъ, ни товару никоторого; а соболи жъ у нихъ черны велми и великы; шерсть жива соболи по земли ся волочитъ.

Въ той же странѣ есть такова Самоѣдь: въ пошлину аки человѣци, но безъ головъ; рты у нихъ межъ плечима, а очи въ грудехъ. А ядь ихъ головы сырые оленьи; и коли имъ ясти, и они головы оленьи взметываютъ собѣ въ ротъ на плечи и на другый день измещутъ изъ себя туда же. А не говорятъ. А стрѣлба жъ у нихъ такова: трубка желѣзна въ рущѣ, а въ другой рущѣ стрѣлка желѣзна, да стрѣлку ту вкладываетъ въ трубку да бьетъ молоткомъ въ трубку ту. А товару у нихъ никоторого нѣтъ.

Въ верхъ тоя жъ рѣки Оби великіа, въ той же странѣ, есть иная Самоѣдь: ходятъ по подземелью иною рѣкою день да ночь со огни, и выходятъ на езеро, и надъ тѣмъ езеромъ свѣтъ пречюденъ, и градъ великъ стоитъ надъ тѣмъ

же езеромъ, а посада нѣтъ у него; и коли поѣдетъ кто ко граду тому, и тогда шумъ великъ слышати въ градѣ томъ, какъ и въ прочихъ градѣхъ; и какъ пріидутъ въ него, ино людей въ немъ нѣтъ, ни шуму не слышати никотораго, ни иного чего животна, толико во всякихъ дворѣхъ ясти и пити много всего и товару всякого, кому что надобеть, и прочь отходять; а кто безъ цѣны возметъ и какъ прочь отойдетъ, и товаръ у него изгинетъ, обрящется паки въ своемъ мѣстѣ; и какъ прочь отходятъ отъ града того, и шумъ паки слышати, какъ и въ прочихъ градѣхъ.

Во восточной же странѣ есть иная Самоѣдь, зовома Каменьская: облежитъ около Югорьскіе земли. А живутъ по горамъ по высокимъ, а ѣздятъ на оленехъ и на собакахъ, а платіе носятъ соболіе и оленіе; а ядь ихъ мясо оленье да собачину и бобровину сыру ядятъ, а кровь пьютъ человѣчю и всякую. Да есть у нихъ таковы люди лѣкари: у которово человѣка внутри нездорово, и они брюхо рѣжутъ да нутръ вымаютъ. Да въ той же Самоѣди видали, кажутъ, Самоѣдь же, старые люди съ горы подлѣ море мертвыхъ своихъ идутъ плачюци множество ихъ, и за ними идеть великъ человѣкъ, палицею желѣзною погонял ихъ.

II.

Роспись Сибирскимъ городамъ и острогомъ.

(По рукописи Императорской Публичной Библіотеки, Погод. № 1604, лл. 858—865 об.).

II.

Роспись Сибирскимъ городамъ и острогомъ.

Которой городъ или острогъ надъ которою рѣкою стоитъ, и сколко отъ которова города до города или до острогу зимнимъ и лѣтнимъ сухимъ путемъ лошадми ѣзду и нартами на собакахъ, и водянымъ путемъ, въ дощаникахъ и въ стругахъ, ходу, по сказкѣ тоболскихъ и иныхъ Сибирскихъ городовъ служилыхъ людей, и какіе люди до коихъ мѣстъ ямскую гонбу и на сколко дорогъ гоняютъ,—и то писано въ сей росписи порознь, по статьямъ.

Городъ Верхотурье стоитъ надъ Турою рѣкою. Съ Верхотурья къ Туринскому острогу водянымъ путемъ Турою рѣкою внизъ воды до усть Тагила рѣки въ дощаникахъ ходу 3 дни;

а отъ усть Тагила рѣки до Туринсково острогу ходу пол-3 дни; а въ легкихъ судѣхъ съ Верхотурья до Туринсково острогу ходу 4 дни. А назадъ изъ Туринсково острогу до Верхотурья вверхъ воды въ дощаникахъ ходу 9 дней, а въ легкомъ суднѣ 5 дней. А зимнимъ и лѣтнимъ сухимъ путемъ до Туринсково острогу лошадми ѣзду 4 дни, а наскоро 3 дни.

Острожекъ Тагилской стоитъ надъ Тагиломъ рѣкою въ Верхотурскомъ уѣздѣ; а ѣзду до него зимнимъ и лѣтнимъ сухимъ путемъ. лошадми, 1 день; а водянымъ путемъ внизъ воды Турою рѣкою до усть Тагила рѣки въ дощаникахъ ходу 3 дни, а Тагиломъ рѣкою вверхъ воды до Тагилсково острожку ходу 3 жъ дни.

Острожекъ Нейвинской стоитъ надъ Невьею рѣкою въ Верхотурскомъ уѣздѣ; а ѣзду до него съ Верхотурья зимнимъ и лѣтнимъ сухимъ путемъ, лошадми, 3 дни. А водянымъ путемъ съ Верхотурья на Невью не ходятъ.

Да съ Верхотурья жъ до Пелыми зимнимъ и лѣтнимъ сухимъ путемъ ѣзду 5 дней. А водянымъ путемъ съ Верхотурья на Пелымъ въ судѣхъ не ходятъ.

А которыя гонцы гоняютъ изъ Сибирскихъ городовъ: изъ Тоболска, изъ Тюмени, изъ Туринсково острогу ко государю, къ Москвѣ, для скорого государева дѣла, въ осень или по по-

слѣднему пути, и тѣ гонцы гоняютъ съ Верхотурья на Чюсовую, на Строгановы острожки, а для подводъ и судовъ и гребцовъ съ Верхотурья налегкѣ посылаютъ одново человѣка съ Соли-Камской, и суды и гребцы отъ Соли-Камской привозятъ по Камѣ рѣкѣ на усть Чюсовой рѣки, потому что на Чюсовой яму нѣтъ, а Строгановы подводъ и судовъ и гребцовъ не даютъ. А ѣздятъ съ Верхотурья на Чюсовую сухимъ путемъ до подволочья со вьюками 3 дни, а отъ подволочья водянымъ путемъ внизъ по Чюсовой рѣкѣ до Камы рѣки ѣзду 3 жъ дни. А съ усть Чусовой рѣки на подводахъ въ судѣхъ, которые суды привозятъ и гребцовъ отъ Соли-Камской, внизъ рѣки до Лашпова ходу 8 дней; а отъ Лашпева до Казани сухимъ путемъ 30 верстъ. А до Соли-Камской съ Верхотурья лѣтнимъ сухимъ путемъ со вьюками ѣзду по 8 и по 10 дней, и по 2 недѣли, и больши, а налегкѣ, наскоро, по 5 и по 6 дней, а зимнимъ путемъ по 5 жъ и по 6 дней, а наскоро 4 дни. А отъ Соли-Камской Камою рѣкою внизъ воды въ легкихъ судѣхъ ходу 10 дней; а отъ Камы рѣки Волгою рѣкою до Казани вверхъ воды 5 дней. Да съ Верхотурья жъ черезъ Устюгъ Великой до Москвы зимнимъ путемъ, лошадми, ѣзду наскоро 3 недѣли. А которые гонцы гоняютъ изъ Казани, и тѣ гонцы мимо Строга-

новыхъ острожки не гоняютъ и Чюсовскимъ волокомъ на Верхотурье не пріѣзжаютъ, потому что ямъ на Чюсовой не устроенъ: подводъ имать негдѣ. А гоняютъ съ Верхотурья ямскую гонбу верхотурскіе ямскіе охотники на 4 дороги: къ Соли-Камской и на Чюсовую, и въ Туринской острогъ, и на Пелымь.

Острогъ Туринской стоитъ надъ Турою рѣкою. Изъ Туринсково острогу на Тюмень водянымъ путемъ, въ дощаникахъ и въ лодьяхъ, внизъ воды Турою рѣкою до усть Ницы рѣки ходу пол-3 дни, а отъ усть Ницы рѣки, Турою жъ рѣкою, до Тюмени ходу пол-2 дни; а въ легкомъ стругу изъ Туринского острогу до Тюмени ходу 2 дни. А назадъ съ Тюмени въ Туринской острогъ по Турѣ рѣкѣ вверхъ воды, въ дощаникахъ и въ лодьяхъ, ходу 9 дней, а въ малыхъ судѣхъ 6 дней; а зимнимъ и лѣтнимъ путемъ изъ Туринсково острогу до Тюмени лошадми ѣзду 3 дни. А на Пелымь до Пелымсково уѣзду до Табаринской волости лѣтнимъ сухимъ путемъ лошадми ѣзду 3 дни; а отъ Табаринской волости до Пелыми ѣзду 5 дней. [А отъ Туринсково острогу до] *) Пелыми лошадми ѣзду 8 дней. А водянымъ пу-

*) Слова, заключенныя въ скобки, находятся на послѣдней строкѣ листа, который обрѣзанъ; видны только верхушки буквъ.

темъ отъ Табаринской волости до Пелыми вверхъ воды по Тавдѣ рѣкѣ въ дошаникахъ ходу 7 дней, а въ малыхъ судѣхъ 4 дни. А отъ Туринсково острогу до Табаринской волости водянова пути нѣтъ, а гоняютъ изъ Туринсково острогу ямскую гоньбу до Табаринской волости туринскіе ямскіе охотники, а отъ Табаринской волости до Пелыми гоняютъ ямскую гонбу подо всякими людьми, которыхъ посылаютъ для государевыхъ дѣлъ, пелымскіе ясачные вагиличи.

Городъ Пелымской стоитъ надъ Тавдою рѣкою: а сколко отъ него до Верхотурья и до Туринсково острожку зимнимъ и лѣтнимъ сухимъ путемъ, лошадми, ѣзду и водянымъ путемъ ходу, и то писано выше сего. А гоняютъ съ Пелыми ямскую гонбу пелымскіе ясачные вагиличи отъ юрть до юрть на 3 дороги на Верхотурье да въ Туринской острогъ на Тюмень.

Слобода Чюбаровская стоитъ въ Туринскомъ уѣздѣ надъ Ницою рѣкою, а въ ней острожекъ; а ѣзду до нее изъ Туринского острогу лошадми зимнимъ и лѣтнимъ сухимъ путемъ 1 день. А водянымъ путемъ на Чюбарово изъ Туринского острогу не ходятъ, потому что далеко.

Городъ Тюмень стоитъ надъ Турою рѣкою. Съ Тюмени къ Тоболску лѣтнимъ сухимъ путемъ, лошадми, ѣзду 7 дней, а зимнимъ путемъ пять дней;

а водянымъ путемъ внизъ воды Турою рѣкою до Тобола рѣки въ дощаникахъ ходу три дни; а Тоболомъ рѣкою до Иртыша рѣки ходу 4 дни: а Иртышомъ рѣкою до Тобольска съ версту; и всего отъ Тюмени до Тобольска въ дощаникахъ ходу недѣля, а въ легкихъ стругахъ 4 дни: а назадъ къ Тюмени въ дощаникахъ ходу 10 дней, а въ легкихъ стругахъ 6 дней. Отъ Тюмени къ Пелыми водянымъ путемъ Турою рѣкою внизъ воды до усть Тобола рѣки.... А гоняютъ съ Тюмени ямскую гонбу тюменскія ямскія охотники на три дороги: къ Тобольску, къ Туринскому острогу, къ Пелыми. Да съ Тюмени жъ посылаютъ на Уфу для государева дѣла по вѣстямъ гонцовъ; а ѣзду съ Тюмени до Уфы лошадми сухимъ путемъ 3 недѣли: а подводы емлютъ отъ юртъ до юртъ у захребетныхъ и у ясачныхъ татаръ; а зимнимъ путемъ на Уфу ходятъ на лыжахъ 5 недѣль.

Городъ Тобольскъ стоитъ надъ Иртышемъ рѣкою. Изъ Тобольска къ Тарскому городу зимнимъ путемъ, лошадми, ѣзду 2 недѣли, а наскоро 10 дней; а лѣтнимъ сухимъ путемъ, не займуя ясачныхъ волостей, черными мѣсты, лошадми, ѣзду 3 недѣли; а водянымъ путемъ Иртишемъ рѣкою вверхъ воды, какъ посылаютъ изъ Тобольска на Тару государевы хлѣбные запасы служилыми людми, въ дощаникахъ,

до усть Вагая рѣки ходу 3 дни; а отъ усть Вагая рѣки до Ишимсково устья ходу 12 дней; а отъ Ишимского устья до Тарсково города Иртишемъ рѣкою ходу 2 недѣли. И всего отъ Тоболска до Тары водянымъ путемъ ходу 4 недѣли со днемъ. А какъ посылаютъ изъ Тоболска на Тару для государевыхъ дѣлъ гонцовъ, и они въ легкихъ судѣхъ до Тары..... 10 дней, а наскоро 8 дней.

А отъ Тарского города до Ямыша соляпова озера вверхъ воды Иртишемъ рѣкою, какъ посылаютъ по соль тоболскихъ и иныхъ Сибирскихъ городовъ Тоболского розряду служивыхъ людей, въ дощаникахъ ходу 4 недѣли и 3 дни. А назадъ отъ Ямыша соляпова озера до Тары внизъ воды Иртишемъ рѣкою ходу 2 недѣли, а отъ Тары до Тоболска ходу 10 дней.

Да въ Тоболскомъ и Тарскомъ уѣздѣ поставлены для обереганья государевыхъ ясашныхъ волостей острожки.

Острожокъ Вагайской стоитъ надъ Вагаемъ рѣкою; а ѣзду до него изъ Тоболска лошадми зимнимъ и лѣтнимъ сухимъ путемъ 1 день, а водянымъ путемъ вверхъ воды Иртишемъ рѣкою въ дощаникахъ ходу 3 дни, а въ легкихъ судахъ 2 дни.

Острожокъ Каурдацкой стоитъ надъ озеромъ; ѣзду до него изъ Тоболска зимнимъ путемъ,

лошадми, 4 дни, а лѣтнимъ сухимъ путемъ 6 дней, а водянымъ путемъ вверхъ воды Иртишемъ рѣкою въ дощаникахъ ходу 10 дней, а въ легкихъ судѣхъ наскоро ходу 3 дни.

Острожокъ Тебендинской стоитъ надъ Иртишемъ рѣкою; а ѣзду до него изъ Тоболска зимнимъ и лѣтнимъ сухимъ путемъ, лошадми, 5 дней, а водянымъ путемъ вверхъ воды Иртишемъ рѣкою въ дощаникахъ ходу недѣля, а въ легкихъ судѣхъ 3 дни.

Острожокъ Ишимское Устье стоитъ надъ озеромъ; а ѣзду до него изъ Тоболска зимнимъ путемъ, лошадми, 6 дней, а лѣтнимъ сухимъ путемъ, лошадми жъ, ѣзду 10 дней, а водянымъ путемъ вверхъ воды Иртышемъ рѣкою въ дощаникахъ ходу 2 недѣли, а въ легкихъ судѣхъ наскоро 5 дней.

Острожокъ Тарханской стоитъ надъ рѣкою Тоболомъ; а ѣзду до него изъ Тоболска зимнимъ путемъ, лошадми, 4 дни, а лѣтнимъ сухимъ путемъ 5 дней, а водянымъ путемъ въ дощаникахъ вверхъ воды Тоболомъ рѣкою ходу недѣля, а въ легкихъ судѣхъ 5 дней.

А какъ въ тѣ острожки для государевыхъ дѣлъ и по вѣстямъ для приходу воинскихъ людей посылаютъ изъ Тоболска служивыхъ людей, и подъ ними гоняютъ тоболскіе захребетные и ясачные татаровя отъ юртъ до юртъ.

А къ Березову водянымъ путемъ, какъ посылаютъ изъ Тоболска на Березовъ государевы хлѣбные запасы съ служивыми людми, въ дощаникахъ и въ лодьяхъ, ходу Иртишемъ рѣкою внизъ воды до Иртишского устья ходу 9 дней, а отъ устья Иртыша рѣки Обью рѣкою внизъ же воды ходу 10 дней; а отъ Оби рѣки Обскою протокою до Соби рѣки пол-днища, а Собью рѣкою внизъ воды ходу пол-днища жъ. А зимнимъ путемъ отъ Тоболска къ Березову лошадми ѣзду до Иртишсково устья недѣля, а гоняютъ тоболскіе захребетные и ясачные Татаровя отъ волости до волости.

А отъ Иртишского устья ходятъ нартами на собакахъ Сургуцкого уѣзду государевы ясачныя Остяки до Сотниковыхъ юртъ, 4 дни ходу; а отъ Сотниковыхъ юртъ до Березова нартами жъ на собакахъ ходятъ князь Дмитреевы Остяки Алачева до Березова 5 дней. А къ Сургуту зимнимъ путемъ, какъ посылаютъ изъ Тоболска для государевыхъ дѣлъ служилыхъ людей, и подъ ними гоняютъ отъ Тоболска до Аремзинскіе волости днище тоболскіе захребетные Татарове; а отъ Аремзинскіе волости до усть Иртиша рѣки гоняютъ тоболскіе ясачные Остяки 6 дней; а отъ усть Иртиша рѣки ходятъ нартами на собакахъ Сургуцково уѣзду ясачные Остяки. И всего отъ Тоболска до Сур-

гута лошадми ѣзду и нартами на собакахъ ходу 2 недѣли. А водянымъ путемъ, какъ посылаютъ изъ Тоболска въ Сургутъ государевы хлѣбные запасы служивыми людми, въ дощаникахъ внизъ воды Иртишемъ рѣкою до Иртишково устья ходу 9 дней, а отъ Иртишково устья вверхъ воды Иртишемъ рѣкою до Сургута ходу 10 дней. И всего отъ Тоболска до Сургута водянымъ путемъ ходу 2 недѣли 5 дней; а въ лехкихъ стругахъ наскоро 2 недѣли.

А къ Пелымскому городу зимнимъ путемъ, лошадми, отъ Тоболска до Бабасанскіе волости ѣзду 2 дни; а гоняютъ тоболскіе захребетники Татарове; а отъ Бабасанскіе волости до Пелымского уѣзду 4 дни; а гоняютъ тоболскіе ясачные Остяки; а отъ Пелымсково уѣзду до Пелыми гоняютъ Пелымсково уѣзду ясачныя Вагаличи 5 дней. И всего отъ Тоболска до Пелыми зимнимъ путемъ, лошадми, ѣзду 11 дней, а наскоро 9 дней. А водянымъ путемъ Тоболомъ и Тавдою рѣками вверхъ воды до Пелыми ходу 3 недѣли. А лѣтнимъ сухимъ путемъ до Пелымсково уѣзду до Табаринскіе волости, лошадми, ѣзду 9 дней; а отъ Табаринской волости на Пелымь сухимъ путемъ, лошадми, не ѣздятъ. А гоняютъ изъ Тоболска ямскую гонбу подъ государевы воеводы и подъ приказными, и подо всякими людми, которые ѣдутъ съ

Москвы въ Сибирскіе городы и въ остроги, тобольскіе захребетные Татаровя на 4 дороги: на Тюмень, на Березовъ, на Тару, на Пелымь; да имъ же помогаютъ гонять тобольскіе служилые Татаровя, потому что у нихъ живутъ въ захребетьѣ дѣти ихъ и братья, и племянники.

Городъ Тара стоитъ надъ Агиркою рѣчкою. Изъ Тарскова города по вѣстямъ посылаютъ гонцовъ въ Томской городъ; а ходу отъ Тары до Томскова города лѣтнимъ сухимъ путемъ Тарскимъ уѣздомъ до Терепинской волости. лошедми, ѣзду 2 недѣли; а отъ Теренинской волости до Томскова городу ѣзду 2 недѣли жъ. Да съ Тары жъ по вѣстямъ посылаютъ гонцовъ въ Нарымской острогъ; а ѣзду отъ Тары до Нарымсково уѣзду лѣтнимъ сухимъ путемъ. лошадми, черными лѣсами, 3 недѣли. А гоняютъ въ Томской городъ и въ Нарымской острогъ тарскіе ясачные Татарове. А зимнимъ и водянымъ путемъ въ Томской городъ и въ Нарымской острогъ дорогъ нѣтъ; а иные гонбы изъ Тарсково города никакіе нѣтъ.

Городъ Березовъ стоитъ надъ Вагулкою рѣкою. Зъ Березова посылаютъ государевыхъ служивыхъ людей для государевыхъ дѣлъ на Обдоръ; а ходу отъ Березова до Обдоры водянымъ путемъ внизъ воды Обью рѣкою въ

стругахъ 4 дни, а зимнимъ путемъ ходятъ нартами на собакахъ 9 дней; а гоняютъ государевы ясачные Остяки.

Обдорское зимовье стоитъ надъ Пулуемъ рѣкою. А отъ Обдорсково зимовья до Мангазейсково города водянымъ путемъ ходу въ кочахъ парусным погодьемъ 3 недѣли; а назадъ изъ Мангазеи до Березова ходу столко жъ; а зимнимъ путемъ въ Мангазею не ходятъ.

Да зъ Березова жъ и изъ Томскова города, и изъ Енисейскова, и изъ Красноярскова остроговъ посылаютъ ко государю къ Москвѣ государеву ясачную казну мяхкую рухледь черезъ Камень, а ходу отъ Березова до Русіи Обью рѣкою вверхъ воды въ стругахъ до Камени 4 дни; а отъ Камени сухимъ путемъ волоками 2 недѣли; а отъ волоковъ Усою рѣкою внизъ воды до Печеры рѣки 10 дней; а Печерою рѣкою внизъ же воды до рѣки жъ до Ижмы 3 дни; а Ижмою рѣкою вверхъ воды до Ижимскіе слободы до Пустоозерскова уѣзду ходу 2 дни; а гребцовъ наймуютъ зъ Березова до Ижимскіе слободы гулящихъ людей, а денги даютъ имъ на Березовѣ изъ государевы казны.

Да въ Березовскомъ уѣздѣ княжъ Дмитреева вотчина Алачева, [и онъ] *) стоитъ надъ рѣкою Обью.

*) Слова, заключенныя въ скобкахъ, читаются неясно.

А сколко отъкуды до Березова и до Тоболска зимнимъ путемъ ѣзду и водянымъ путемъ ходу и во иныхъ урочишахъ княжъ Дмитревы Остяки Алачева гоняютъ, и то писано выше сего.

Городъ Мангазея стоитъ надъ Тазомъ рѣкою. Изъ Мангазейскова города къ Енисейскому острогу до Туруханy зимнимъ путемъ ходу 3 недѣли, а наскоро недѣля. А отъ Туруханy до Инбацково зимовья ходу недѣля; а отъ Инбацкова зимовья до Подкаменныя Тунгузки рѣки ходу 6 дней. А ходятъ изъ Мангазеи со всякими служивыми людми, какъ ихъ посылаютъ для государевыхъ дѣлъ, до Подкаменные Тунгузки рѣки нартами на собакахъ рускіе люди; а денги въ тѣ подводы збираютъ съ торговыхъ и съ промысленныхъ людей.

А отъ Подкаменные Тунгузки рѣки до Енисейсково острогу ходу 3 недѣли, а ходятъ государевы ясачныя Остяки нартами жъ на собакахъ. А водянымъ путемъ изъ Мангазеи до Енисейскова острогу Тазомъ рѣкою вверхъ воды до рѣчки до Волочайки въ кочахъ ходу 2 дни; а Волочайкою рѣкою вверхъ воды до волоку ходу 6 дней, а волокомъ съ полверсты; а отъ волоку кочами не ходятъ, а лехкіе суды, каюки и струги, черезъ волокъ волочатъ на себѣ до другіе Волочайки рѣчки, а въ другую Волочайскую рѣчку внизъ воды до Туруханy рѣки

ходу 2 дни. А Туруханомъ рѣкою внизъ воды до Турухансково зимовья ходу 6 дней. А отъ Турухансково зимовья Енисеемъ рѣкою вверхъ воды до Закаменнова ясачнова зимовья ходу 3 недѣли; а отъ Закаменнова зимовья до Енисейсково острогу Енисеемъ рѣкою ходу 2 недѣли. И всего изъ Мангазеи до Енисейскаво острогу водянымъ путемъ ходу 8 недѣлъ.

А какъ изъ Мангазеи посылаютъ служилыхъ людей для государева ясачново збору на великую рѣку Лену отъ Туруханы ниже.....

III.

Чертежъ всей Сибири, збранный въ Тобольскѣ по указу царя Алексѣя Михаиловича.

(По рукописи Румянцовскаго Музея № CCXCIV, лл. 19—24).

III.

Чертежъ всей Сибири, збиранный въ Тобольскѣ по указу царя Алексѣя Михаиловича.

176, ноября въ 15 день, по указу великого государя царя и великого князя Алексѣя Михаиловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, збирашъ сей чертежъ въ Тоболску за свидѣтелствомъ всякихъ чиновъ людей, которые въ сибирскихъ во всѣхъ городахъ и острогахъ хто гдѣ бывалъ и гор[одк]и и остроги и урочища и дороги и земли знаютъ подлинно, и какіе ходы отъ города до города, да отъ слободы до слободы, и до котораго мѣста и дороги и земли и урочища и до земель въ сколку дней и сколко ѣзду и верстъ, и гдѣ межъ слободъ Тоболского уѣзду построить отъ приходу воинскихъ людей, по высмотру столника и воеводы

Петра Ивановича Годунова съ товарищи, какіе крѣпости и по сколку человѣкъ въ которой крѣпости посадить драгунъ, къ которой крѣпости сколко ходу дней и недѣль и степью и водами жъ до Китай, и то писано въ чертежѣ порозно по статьямъ въ кругахъ, также за свидѣтелству иноземцовъ и пріѣзжихъ Бухарцовъ и служилыхъ Татаръ.

а. Отъ Тоболска вверхъ по рѣкѣ по Тоболу до усть Тавды рѣки ходу 3 дни, и по Тавдѣ рѣкѣ вверхъ мимо архіепископлю слободу до Кожудского городка вверхъ же по Тавдѣ рѣкѣ мимо Табаринскую слободу и мимо Ушью рѣку до Пелыми рѣки и вверхъ по Пелыми рѣкѣ до Пелыми города ходу 10 дней. А отъ усть Тавды рѣки вверхъ же по Тоболу до усть Туры рѣки сухимъ путемъ 60 верстъ. А отъ усть Турки рѣки до архіепископли Покровскіе слободы 7 верстъ. А отъ Покровскіе слободы до Тюмени 63 версты. А отъ Тюмени до Усть-Ницинскіе слободы по Ницѣ рѣкѣ 60 верстъ. А отъ Усть-Ницинскіе слободы Нижніе 20 верстъ, а отъ Нижніе Ницинскіе слободы до Верхніе Ницинскіе слободы 20 верстъ, а отъ Верхніе Ницинскіе слободы до Чюбаровы слободы 7 верстъ. А отъ Чюбаровы до Корхинскіе слободы 7 верстъ.

ѣ. А отъ Корхинскіе слободы въ Верхотур-

ской уѣздъ до Ирбицкіе же слободы 7 верстъ. А отъ Ирбицкіе до Усть-Ирбицкіе же слободы, что на Бобровкѣ рѣчкѣ, 20 верстъ. А отъ Усть-Ирбицкіе слободы въ сторону до Бѣляковскіе слободы, что на Ирбитѣ рѣкѣ, 20 верстъ. А отъ Усть-Ирбицкіе слободы до Ощепковы Ницыйскіе слободы 20 верстъ. А отъ Ощепковы до Невьянского желѣзного дѣла 6 верстъ, а отъ желѣзного дѣла до Невьянского острогу 10 верстъ. А отъ Невьянского острогу до Спаского монастыря 10 верстъ. Да отъ Невьянского острогу до Арамашевы слободы, что на Режу рѣкѣ, 35 верстъ, а отъ Арамашевы Тоболского уѣзду до Мурзинскіе слободы 30 верстъ.

Да съ Тюмени жъ по Пижмѣ рѣкѣ до Бѣляковскіе слободы 60 верстъ. А отъ Бѣляковскіе слободы до Курянскіе слободы 30 верстъ. А отъ Курянскія до Ощепковы Пышменскіи слободы 7 верстъ. Да отъ усть Ницы рѣки по Турѣ рѣкѣ до Турінскіе слободы 14 верстъ. А отъ Туринского острогу до Благовѣщенскіе слободы 40 верстъ; а та слабода стоитъ отъ рѣки Туры за 5 верстъ на ключахъ. А отъ Благовѣщенскіе слободы до Тагилскіе слободы, что на Тагилѣ рѣкѣ, 120 верстъ. А отъ Тагильскіе по Турѣ рѣкѣ до Верхотурья 60 верстъ. А отъ Верхотурья до Соликамской черезъ волокъ лѣтни путь ѣзду 10 день.

7. Отъ Тоболска жъ вверхъ по Тоболу рѣкѣ до острожку на усть Тарханки рѣчки 120 верстъ, на которыя мѣста приходь воинскимъ людемъ Кучюмовымъ внучатамъ съ Калмыки, быть драгуномъ ротѣ, а до сего числа были присланы изъ Тоболска исъ Тюмени служивые на годовое. А отъ усть Тарханки рѣчки вверхъ по Тоболу жъ до Ялуторовскіе слободы 60 верстъ, быть драгуномъ полротѣ. А отъ Ялуторовскіе слободы по Исетѣ рѣкѣ вверхъ до Исетинаго острога 60 верстъ, быть драгуномъ ротѣ, а было бѣломѣстныхъ казаковъ 30 человѣкъ, а нынѣ быть въ драгунахъ въ томъ же числѣ. А отъ Исецкого острогу до усть рѣчки Терсука 30 верстъ, и тутъ быть острожку, а въ немъ быть драгуномъ ротѣ, тутъ всегдашней проходъ воинскимъ людемъ. А отъ усть рѣчки Терсука до Курпнскіе слободы 30 верстъ, быть драгуномъ ротѣ, а было бѣломѣстныхъ казаковъ 60 человѣкъ, а нынѣ быть драгуномъ въ томъ же числѣ. А отъ Курпнскіе слободы до усть Маслянки рѣчки 30 верстъ, быть драгуномъ на острожку. А отъ Маслянскіе рѣчки до Шадринскіе слободы 30 верстъ, быть драгуномъ, а было бѣломѣстныхъ казаковъ 20 человѣкъ, а и нынѣ быть драгуномъ въ томъ же числѣ. А отъ Шадринскіе слободы до Далматова монастыря 20 верстъ; а по сказкѣ Далматова мо-

настыря старцовъ, что де у нихъ драгунъ не надобно, потому что монастырь ихъ сталъ за рѣки и за озера и за болоты межъ острова по близку, и воинскимъ людемъ проходу на монастырь не бывало и нынѣ не будетъ, окромѣ что на Катайской острогъ пройти воинскимъ людемъ некуда.

с. А отъ Далматова монастыря до Катайского острогу 15 верстъ, быть драгуномъ полроты, а было бѣломѣстныхъ казаковъ 50 человѣкъ, а нынѣ быть драгуновъ въ томъ же числѣ. А отъ Катайского острогу до усть Сынары рѣки до увалу 7 верстъ, и тутъ быть острожку, а быть драгуномъ полроты. А отъ усть Сынары рѣки до усть верхней рѣчки Каменки 60 верстъ, и тутъ быть острогу и въ немъ быть драгунъ 2 роты, и тутъ самопущій проходъ воинскимъ людемъ. А отъ усть рѣчки Каменки до озера Исети 60 верстъ, и тутъ быть острогу, а въ немъ быть драгуномъ ротѣ. А отъ озера Исети черезъ Каменку до вершины Чюсовое рѣки 30 верстъ, и тутъ быти острогу, а въ немъ быть драгуновъ 2 роты, и тутъ самопущей же проходъ воинскимъ людемъ съ тѣхъ мѣстъ, какъ Баскирцы великимъ государемъ измѣнили.

s. Отъ Тоболска же степью до Астрахани черезъ Калмыцкой улусъ да черезъ Бухарского

уѣзду и мимо улусы черезъ рѣку Яикъ ѣзду полчетверта мѣсяца, да до Казани мимо Тюмени степью же ѣзду мѣсяцъ, а къ Астрахани и въ Китайско государство по пути, коимъ мѣстомъ писано, изъ Тобольска степми дорога, озера и рѣки большіе есть, а описать оныхъ никоими мѣрами не возможно, потому что знатцы, которые бывали тѣ люди, тѣмъ рѣкамъ и озерамъ прозвать не знаютъ.

3. Отъ Тоболска же внизъ по рѣкѣ Иртишу мимо Демьянской ѣзды до Самаровскаго яму внизъ же до устья Иртиша рѣки пол-днища. А отъ устья Иртиша рѣки вверхъ по рѣкѣ по Обѣ до Сургута ходятъ дней по 9, а отъ Сургута до Нарыму ходятъ по той же по рѣкѣ по 3 и по 4 недѣли. А отъ Нарыму до устья Кети рѣки ходу день и вверхъ по Кетѣ рѣкѣ до Кецкого острогу ходятъ дней по 8 и по 9, а отъ Кецкого до Маковского зимовья по той же рѣкѣ по Кетѣ вверхъ ходятъ по 6 и по 7 недѣль, а отъ Маковского зимовья черезъ волокъ до Енисейского острогу ѣзду сухимъ путемъ 2 дни.

й. А отъ Енисейского острогу вверхъ по Енисею рѣкѣ до усть Тунгуски рѣки ходу 2 дни, а по Тунгускіе рѣкѣ вверхъ же до Нижнего Брацкого острогу ходу 12 недѣль, и потомъ по Тунгускѣ рѣкѣ и пороги; а съ усть

Илима рѣки той же рѣкѣ зовъ Ангара. А отъ Нижнего Брацкого острогу и отъ усть Оки рѣки вверхъ по Ангарѣ рѣкѣ до Балаганского острогу ходу 2 недѣли. А отъ Балаганского острогу до Иркуцкого острогу же по той же рѣкѣ по Ангарѣ ходятъ недѣли по 2. А отъ Иркуцкого острогу вверхъ по Ангарѣ рѣкѣ до Байкала озера доходятъ въ недѣлю. И на той Ангарѣ рѣкѣ городъ. А Байкалъ озеро перебѣгаютъ парусомъ до Селенги рѣки дни въ три и вверхъ по Селенгѣ рѣкѣ въ новой Селенгинской острогъ. А ходу отъ Байкала озера до усть Хилки рѣки 13 дней, а вверхъ по Хилкѣ рѣкѣ отъ устья до Иргенского острогу ходу 14 недѣль. А отъ Иргинскаго острогу озерами и волокомъ до Ингоды рѣки ходу день.

Л. А отъ волоку внизъ по Ингодѣ и по Шилкѣ рѣкѣ доплываютъ до усть Нерчи рѣки, до Нерчинского острогу, въ трои сутки; а въ томъ острогѣ нынѣ живетъ съ служивыми людми тоболской сынъ боярской Ларіонъ Толбузинъ. А отъ Нерчинского острогу до устья Архуни рѣки ходу 3 дни; и въ томъ мѣстѣ сошлись рѣки Шилка и Архуня. и отъ того мѣста пошла рѣка зовомъ Амуръ; Архуня рѣка пала изъ великаго озера Салара, а въ томъ озерѣ рыба всякая волская, а кочуютъ около того озеру китайскіе дикари Таргачинскіе люди и

питаютца рыбою. А Амуромъ рѣкою до китайскаго Лапкаева городка ходу день, и въ томъ городкѣ китайскіе люди, боясь великихъ государей людей, не живутъ.

7. Отъ Енисейского же острогу ходу 6 недѣль.... А отъ Илимского острогу волокъ до рѣки Муки, гдѣ построена часовня, ходу 2 дни; а строена та часовня по обѣщанію русскихъ торговыхъ людей. А отъ часовни да по Кутѣ и по Ленѣ рѣкамъ мимо устья Киренги да Чючюя, да Витима, да Олекмы рѣкъ до Якуцкого острогу ходу дощаникомъ 2 недѣли. А отъ Якуцкого острогу по Ленѣ же рѣкѣ внизъ до моря ходу 3 недѣли; и промежъ Леною и Киренгою рѣками монастырь да погостъ, а промеже монастырёмъ и погостомъ 3 версты.

8. Отъ Якуцкого же острогу до Алдана рѣки до перевозу ѣздить сухимъ путемъ недѣля. А съ перевозу до Верхоянского зимовья ѣзду 4 недѣли, а то зимовье стоитъ на Янѣ рѣкѣ. А отъ Верхоянского зимовья до Зашиверского зимовья ѣзду 3 недѣли, а то зимовье стоитъ надъ рѣкою Индигирскою. А отъ Зашиверского зимовья до Алазеева зимовья ѣзды недѣли 4, а стоитъ то зимовье надъ Алазею рѣкою. А отъ Алазейского зимовья на Колымъ рѣку до Середного зимовья ѣзду недѣля, и на той рѣкѣ къ вершинѣ зимовье словетъ Верхнее;

а до того зимовья отъ Середнаго ходу нартами 3 недѣли, да на устьѣ тое жъ рѣки зимовье же, а словетъ Нижнее, и отъ Середное зимовья до того зимовья ѣзду 5 недѣль; и въ тѣхъ во всѣхъ зимовьяхъ живутъ Якуцкого острогу служилые люди для государева ясашного сбору. А въ тѣ рѣки, которые подъ зимовьями, заходятъ кочами съ моря для торгу русскіе торговые люди, а на море ѣздятъ изъ Якуцкого острога Леною рѣкою.

51. Отъ Лены рѣки по Олекмѣ рѣкѣ вверхъ мимо устья Нюкри рѣки до усть Тугиря рѣки ходу дощаникомъ налехкѣ 5 недѣль, а съ запасами ити лѣто. А по Тугирю рѣкѣ до тово же даурского Лапкаева городка ходу 10 дней, и по тому волоку болота и озера и рѣки, и путь нужепъ, потому что черезъ тѣ рѣки и озера и болота проидутъ пѣши.

52. А отъ того Лапкаева городка внизъ по Амуру рѣкѣ мимо усть Камаръ рѣки до усть Зіи рѣки ходу недѣля; а съ усть Зіи внизъ же по Амуру рѣкѣ до усть Шингалу рѣки недѣля жъ; и на усть Шингалу рѣки яръ, и на томъ яру карауль китайскихъ людей. А отъ Шингалу рѣки за рѣку Амуръ и до моря пошолъ Катай. Да въ Шингалъ же рѣку пала рѣка Наулъ, а въ Наулъ пала Корга рѣка, и на той на Коргѣ рѣкѣ городъ китайской Мунгутъ; а отъ Шин-

галу рѣки до того города пути ходу 2 недѣли; и въ томъ городѣ живутъ китайскіе воинскіе люди для обереганья отъ русскихъ воинскихъ людей по 20 и по 30, 40. И отъ того города есть волокъ въ Китайское царство, а тѣ люди волокомъ до Китайского царства ѣздютъ лашадми наскоро 10 дней, зъ запасами мѣсяцъ.

дѣ. А съ усть Шингалу рѣки внизъ же по Амуру рѣкѣ до усть Ушуры рѣки 4 дни. А отъ Ушуры рѣки по Амуру же рѣкѣ внизъ до усть Хамуна рѣки ходу недѣля. И по тѣмъ по всѣмъ рѣкамъ живутъ даурскіе люди, и городки у нихъ во многихъ мѣстѣхъ построены, и яровой всякой хлѣбъ сѣютъ и яблоки, и грушн, и гарбузы, и дыни, и огурцы, и всякой руской овощъ по Амуру рѣкѣ родится. А отъ усть Хамуна рѣки внизъ же по Амуру рѣкѣ до моря до Гилянскія земли ходу 2 недѣли; а тѣ Гилянки живутъ подлѣ моря, а хлѣба не сѣютъ, питаютца рыбою. А тѣмъ же моремъ въ Китайское царство проходу за лдами нѣтъ, а есть проходъ въ Никанское царство; а въ Никанскомъ царствѣ золото и сребро, и каменіе дорогіе, и шолкъ родитца.

єі. Отъ Енисейского же острогу до Красноярского острогу ѣзду сухимъ путемъ 10 дней, а водянымъ путемъ вверхъ по рѣкѣ по Енисею доходятъ недѣли въ 3. Отъ Енисейского же

внизъ по Енисею рѣкѣ мимо усть Подкаменныя Тунгуски да Елогуя, да Нижніе Тунгуски къ рѣки, до Туруханского зимовья ѣзду 10 дней неболшими судами; и по рѣкѣ по Подкаменной Тунгускѣ зимовье сажено, а въ немъ живутъ енисейскіе служилые люди для государева ясашного сбору; а отъ Туруханy до моря внизъ же по Енисею ходу 2 недѣли.

51. Отъ Нарыма до Томского города вверхъ по Обѣ и по Томѣ рѣкамъ ходу 10 денъ. А отъ Томского до Кузнецкого острогу вверхъ же по Томѣ рѣкѣ ходу 10 денъ. Да отъ Томского города внизъ по Томѣ рѣкѣ до Оби и вверхъ по Обѣ рѣкѣ до усть Біи и Катуни рѣки ходу дощаникомъ 10 недѣль; и на усть тѣхъ обѣихъ рѣкъ есть красной яръ, а въ то де мѣсто угодно быть великого государя городу или острогу, потому что мѣста пашеные и всякого звѣря соболей и лисицъ и бобровихъ рѣчекъ много, и прибыль великимъ государемъ будетъ не малая. А Бія рѣка течетъ изъ озера Телецкого и вдоль по тому озеру въ лехкомъ маломъ суднѣ ѣзду 5 дней; и около тѣхъ мѣстъ ночюютъ многія иноземцы, а ясаку великимъ государемъ не платятъ. И отъ усть Біи и Катуни рѣкъ степью до Китайского царства ходу 2 мѣсяца они скажутъ, да промежъ Конташины и Мугалскіе улусы ходу вправу есть, а сколко

ходу до камень, про то вѣдомцовъ нѣтъ; а до Мунгалъ отъ Томского пол-2 мѣсяца, а до Контайшиныхъ улусовъ 2 мѣсяца, а отъ Контайшиныхъ улусовъ до Тангуцкого города 2 мѣсяца.

31. Отъ Сургута черезъ волокъ до Сургуцкого зимовья озерами и сухимъ путемъ ходу 6 недѣль; а отъ зимовья внизъ по Тару рѣкѣ до Мангазейского города ѣзду 10 день. Отъ Сургута же вверхъ по Обѣ рѣкѣ до усть Ваху рѣки ходу неболшими судами 4 дни; а по Ваху рѣкѣ вверхъ до волоку ходу 10 день, а съ вершины Ваху рѣки черезъ волокъ до вершины Елогую рѣки сухимъ путемъ 3 дни, а отъ волоку внизъ по Елогую и по Енисею рѣкамъ до Туруханского зимовья ѣзду 4 недѣли.

32. Отъ Самаровского яму внизъ по Иртишу и по Оби рѣкамъ мимо Коцкой монастырь и мимо устье рѣку Сосвы до Березова водой ходятъ въ 6 день. Отъ Березова мимо Обскую и Обдорскую заставъ до Мангазейского моря по Обѣ же рѣкѣ внизъ доходятъ въ 12 день, а за море перебѣгаютъ парусомъ до усть Тазу рѣки въ четверы сутки; страстенъ и страшенъ всегда отъ вѣтровъ ходъ. А съ усть Тазу рѣки до города Мангазейского вверхъ по Тазу рѣкѣ перебѣгаютъ парусомъ въ четыре сутки, а бе-

чевной ходъ нуженъ. А отъ Мангазейскаго города до Туруханского зимомья водянымъ путемъ ходятъ въ малыхъ судахъ недѣли по три, по 4, а на половинѣ промежъ рѣчекъ Волочанокъ волоку на версту черезъ гору.

61. Отъ Тобольска же вверхъ по Иртишу рѣкѣ до Абалацкого села дощаникомъ ходу 2 дни, а сухимъ путемъ 20 верстъ. А до Тарского городу ходу вверхъ рѣки отъ Тоболска 3 недѣли; а Тарской городъ стоитъ на рѣчкѣ Аркаркѣ, отъ Иртиша рѣки съ версту. А отъ Тары черезъ Барабынскую волость степью до Томского города тихимъ ходомъ мѣсяцъ; да отъ Тарского же города да до пристанки, съ которого мѣста ходятъ по соль на Ямыше озеро, по той же рѣкѣ Иртишу ходу 4 недѣли; а отъ Ямыше озера отъ того пристанища въ сторону 5 верстъ, а отъ пристанища 3 версты..... и въ томъ каменномъ городѣ другой каменной же городъ, а зовутъ Камбализкомъ; и въ томъ городѣ живетъ Китайской царь, и подлѣ Камбалиска города выкопанъ ровъ, и каменемъ выкладенъ верхъ, и въ томъ ровѣ круки заведена вода трубами по подземелью. И отъ Камбалиска города въ томъ же болшомъ городу меншой же городъ, а тотъ городъ стоитъ надъ рѣкою Волшую; и въ томъ городѣ за рѣкою есть озеро, и въ томъ озерѣ вода и около въ

берегахъ земля красны; а хто знатцы въ Китайского царство тѣмъ путемъ.....

ѣ. Да за Китайскимъ царствомъ городы: городъ Квинзанъ, а въ немъ всякіе рускіе овощи, и яровой всякой хлѣбъ сѣютъ, и золото и сребро, и каменье дорогое родитца; а ѣзду до того города отъ Китайского царства сухимъ путемъ 6 недѣль; да Китайского уѣзду городы: городъ Силинъ, а отъ Китай до того города ѣзду 3 мѣсяца; и въ томъ городѣ, опричь хлѣба, ничего не родитца. А отъ того города до города же Сучана ѣзду 3 мѣсяца, и въ томъ городѣ родитца серебро. А за Китайскимъ царствомъ есть Тангутцкая земля, и въ той Тангуцкой землѣ родитца золото; а ѣзду отъ Китай мѣсяцъ; а близко та земля Индѣйскіе земли, а Индѣйская земля за каменемъ.

IV.

Списокъ съ чертежа Сибирскія земли.

Изъ рукописнаго сборника XVII вѣка Григорія Ивановича Спасскаго.

Списокъ съ чертежа Сибирскія земли.

Лѣта 7181 (1672) году написанъ сей чертежъ Сибирскія земли о городѣ Тобольскѣ и окрестныхъ городѣхъ, и острогахъ, и о слободахъ, и о погостахъ, и урочищахъ, и дорогахъ, и по скольку ѣзду отъ города до города, и отъ которыхъ до которыхъ мѣстъ, и то въ семъ чертежѣ написано, которыя земли царства, и грады, и урочища, и рѣки, и озера.

ПЕРВАЯ ГРАНЬ.

Отъ Тобольска въ верхъ по рѣкѣ Тоболу до усть Тавды рѣки ходу 3 дни. А отъ усть Тавды рѣки, въ верхъ по Тоболу же, до усть Туры рѣки сухимъ путемъ 60 верстъ. А отъ усть Туры рѣки въ верхъ по Турѣ рѣкѣ до митрополіи Покровской слободы 7 верстъ; а отъ Покровской до Тюмени города сухимъ путемъ

60 верстъ: а городъ Тюмень стоитъ на рѣкѣ Турѣ. А отъ Тюмени до Усть-Ницынской слободы въ верхъ по Турѣ сухимъ путемъ 60 верстъ. А отъ усть Ницы рѣки въ верхъ по Турѣ до Туринской слободы 14 верстъ. А отъ Туринской слободы до Туринского острогу 60 верстъ. А отъ Туринского острогу до Благовѣщенской слободы 40 верстъ: а та слобода стоитъ отъ Туры рѣки за 5 верстъ на ключахъ. А отъ Благовѣщенской слободы до Тагильской слободы 120 верстъ: а та слобода стоитъ на усть Тагилы рѣки. А отъ Тагильской слободы по Турѣ рѣкѣ до Салдинской слободы 40 верстъ: а та слобода стоитъ на усть Салды рѣки. А отъ Салдинской слободы до Верхотурья 20 верстъ. А отъ Верхотурья чрезъ волокъ до Соли-Камской 250 верстъ. А отъ Соли-Камской до Кай-городка 400 верстъ: а Кай-городокъ стоитъ надъ рѣкою Камою. А отъ Кай-городка до Соли-Вычегодской 500 верстъ. А отъ Усть-Ницынской слободы до Нижней Ницынской 20 верстъ; а отъ Нижней Ницынской слободы до Верхней Ницынской 20 верстъ; а отъ Верхней Ницынской слободы до Чюбаровы 7 верстъ. А отъ Чюбаровой до Киргинской слободы 7 верстъ; а отъ Киргинской въ Верхотурской уѣздъ до Ирбитской 7 верстъ; а отъ усть..... до Усть-

Ирбитской слободы, что на Бобровкѣ рѣкѣ, 20 верстъ; а отъ Усть-Ирбитскія въ сторону до Бѣлослутской слободы, что на Ирбитѣ рѣкѣ, 20 верстъ; а отъ Усть-Ирбитской же слободы до Ощепковы Ницынскія слободы 20 верстъ. А отъ Ощепковы до Невьянского желѣзнаго дѣла 6 верстъ, а отъ желѣзнаго дѣла до Невьянского острогу 10 верстъ; а отъ Невьянского острогу до Богоявленского монастыря 10 верстъ; а отъ Невьянского же острогу до Аврамашевы слободы, что на Режу рѣкѣ, 35 верстъ; а отъ Аврамашевы до Мурзинской слободы до Тобольского уѣзду 30 верстъ. Да съ Тюмени же по Пышмѣ рѣкѣ до Бѣляковской слободы 60 верстъ; а отъ Бѣляковской слободы до Куярской слободы 30 верстъ; а отъ Куярской слободы до Ощепковы Пышминской слободы 7 верстъ.

ВТОРАЯ ГРАНЬ.

Отъ Тобольска же въ верхъ по Тоболу же рѣкѣ до Тарханского острожку 120 верстъ. А отъ усть Тарханки рѣчки въ верхъ по Тоболу же до Ялуторской слободы 60 верстъ; а отъ Ялуторской слободы, по Исетѣ рѣкѣ въ верхъ, до Бешкильской слободы 30 верстъ; до Рафаиловы пустыни 3 версты. А отъ Рафаиловы пустыни до Куринской слободы 57 верстъ; а

отъ Куринской слободы до Шадринской слободы, до Далматова монастыря 30 верстъ. А отъ Далматова монастыря до Катайского острогу 15 верстъ, а отъ Катайского острогу до усть Синары рѣки 7 верстъ.

Отъ Тобольска же дорога до Казани, мимо Тюмени и Уфы, степью чрезъ Башкирскую землю, ѣзду мѣсяцъ.

Да отъ Тобольска же степью до Астарахани чрезъ Калмыцкой Дербитской улусъ и мимо Урлуковы улусы чрезъ рѣку Яикъ, ѣзду полъ-3 мѣсяца.

Отъ Тобольска же въ верхъ по рѣкѣ Иртышу до рѣки Ишима, чрезъ Калмыцкой же Дербитской улусъ и чрезъ камень Олотовъ, ѣзду мѣсяцъ.

Отъ Тобольска же въ верхъ по Иртышу рѣкѣ до Абалатского села дощаникомъ ходу 2 дни, а отъ Абалатского села до Тары ходу полъ-3 недѣли: а Тарскій городъ стоитъ на рѣкѣ Аркаркѣ, отъ Иртышу съ версту. А отъ Тары чрезъ Барабинскую волость степью до Тобольска города налегкѣ 10 дней. А отъ Тарского же города до пристанища, съ котораго мѣста ходятъ по соль на Ямышъ озеро, по той же рѣкѣ Иртышу ходу 4 недѣли.

А Ямышъ озеро отъ рѣки за 5 верстъ. А отъ пристанища въ верхъ же по Иртышу рѣкѣ

до Ясана озера мелкими судами ходу 5 дней; а отъ Тары же до Ясана озера степью ѣзду 2 недѣли. А отъ Ясана озера отъ Абалаевыхъ жилищъ до Конташиныхъ улусовъ ѣзду недѣля. А отъ Конташиныхъ улусовъ до урочища Урунги, гдѣ живутъ Мунгальцы, ѣзду недѣля же. А отъ урочища Урунги до урочища Булагуну ѣзду недѣля; а отъ Булагуну до Елденя Мугальскаго тайши, Алтая камени, до Китайскаго рубежа, до Ирдень-Зайсана, тайши Мугалъ, ѣзду 3 недѣли; а отъ Зайсана тайши, переѣхавъ за рубежный камень Алтай, до урочища Абуги ѣзду недѣля; а въ тѣхъ урочищахъ кочуютъ китайскіе люди Тюбитцы. А отъ Тюбитскихъ кочевей до урочища Айбуги, до Кокутанского камени, ѣзду 10 дней; а чрезъ камень до Кокутанского города ѣзду 2 дни: а живутъ въ томъ городѣ Тюбитцы же—китайскіе люди. А отъ Кокутана города до городка Капки ѣзду подлѣ каменную стѣну, что въ родимомъ камени складена стѣна и башни, а на нихъ караулы, 10 дней.

ТРЕТЬЯ ГРАНЬ.

А городъ Капка придѣланъ къ стѣнѣ для проѣзду, и заставы пріѣзжающихъ посольскихъ и торговыхъ людей не пропускаютъ безъ вѣдомости Китайского царя. А отъ того города

Кашки двѣма городами небольшими до города Баянсумы ѣзду 2 дни: а посредь того города течетъ рѣка и мимо всѣ Китайскіе городы прошла. А отъ города Баянсумы тремя городами небольшими до города, гдѣ сидитъ большаго царя Китайского братъ. А тотъ городъ стоитъ надъ рѣкою; а чрезъ тое рѣку мостъ, а дорога по тому мосту. А въ тотъ городъ никакихъ пріѣжжихъ людей не пропускаютъ, а торгуютъ за городомъ. А около тѣхъ всѣхъ городовъ всѣ стѣны каменныя построены. А отъ того города до большаго Китайского города, гдѣ живетъ Китайскій царь Богодой; а тотъ городъ стоитъ въ царствѣ Китайскомъ отъ моря 5 верстъ.

Отъ Тобольска же въ верхъ по Тоболу рѣкѣ до усть Тавды рѣки ходу 3 дни; а по Тавдѣ рѣкѣ мимо митрополью Тавдинскую слободу до Кощутского городка дощаниками ходу 7 дней. А отъ Кощутского городка, по Тавдѣ же рѣкѣ, до Пелыми города ходу недѣля. А отъ Тобольска же въ низъ по Иртышу рѣкѣ плыть до Демьянского яму 3 дни; а отъ Демьянского яму до Самаровского 3 дни; а отъ того мѣста до усть Иртыша рѣки въ верхъ по Обѣ рѣкѣ до Сургута ходу 10 дней. А отъ Сургута до Нарыма ходу по той же рѣкѣ по 3 и по 4 недѣли; а отъ Нарыма до усть Кети рѣки ходу день. А въ верхъ по

Кетѣ рѣкѣ до Кецкого острогу ходятъ по 3 и по 8 дней; а отъ Кецкого до Маковского зимовья, въ верхъ по Кетѣ, доходятъ по 6 и по 7 недѣль; а отъ Маковского зимовья, чрезъ волокъ, до Енисейского острогу 2 дни.

ЧЕТВЕРТАЯ ГРАНЬ.

А отъ Енисейского острогу въ верхъ по Енисею рѣкѣ до усть Тунгуски рѣки ходу 2 дни. А по Тунгусской рѣкѣ въ верхъ до нижняго Братского острогу ходу 12 недѣль; а по той Тунгусской 8 пороговъ, а съ усть Илиму рѣки той же рѣки зовъ Ангара. А отъ нижняго Братского острогу и отъ усть Оки рѣки въ верхъ по Ангарѣ же до Балаганского острогу и до Иркутского, по той же рѣкѣ, ходятъ въ недѣлю. А Байкалъ озеро перебѣгаютъ дни въ три до Селенги рѣки; а въ верхъ по Селенгѣ рѣкѣ, выше устья Хилка рѣки, новой Селенгинской острожекъ. А ходу отъ Байкала озера до усть Хилка рѣки 13 дней; а отъ Хилка рѣки, по Селенгу рѣку, до Селенгинского острогу день; а отъ Селенги, въ верхъ по Хилку рѣкѣ, до Иргенского острогу ходу 14 недѣль. А отъ Иргенского острогу озерами и волокомъ до Ингоды рѣки ходу день; а отъ волока въ низъ по Ингоду рѣку до устей Нерчи

рѣки—до Нерчинского острогу 3 сутки: а въ томъ острогѣ живутъ служилые люди. А отъ усть Нерчи и Ингоды рѣки зовъ Шилка. А выше Нерчи въ Ингоду рѣку съ правой стороны пала рѣка Ононъ. А отъ Нерчи въ низъ по Шилкѣ до устья Аргуни рѣки плыть 3 дни; а гдѣ сошлися рѣки Шилка и Аргуня, и съ того мѣста пошла рѣка Амуръ. А рѣка Аргуня пала изъ великого озера Кайлара: а въ томъ озерѣ всякая волская (волжская) рыба есть, а кочуютъ около того озера Китайскіе многіе люди годъ цѣлой, а питаются рыбою. А въ Аргуню рѣку съ лѣвой стороны пала рѣка Борзя. А промежъ Аргуню и каменемъ есть 2 озера; а въ нихъ вода бѣла, какъ молоко, а сказываютъ, вельми здорова.

ПЯТАЯ ГРАНЬ.

А Амуромъ рѣкою въ низъ мимо устья рѣки Черныя до устья Урки рѣки, гдѣ бываетъ китайской Лапкаевъ городъ, а нынѣ зовется Албазинской острожекъ: а живутъ въ немъ государевы служилые дюди. А отъ того острожка въ низъ по Амуру рѣкѣ, мимо устья Комары рѣки до усть Зіи рѣки, плыть недѣля; а съ усть Зіи по Амуру до усть Шингала рѣки плыть недѣля же; а на усть Шингала караулъ китайской. Да въ Шингалъ рѣку пала рѣка

Наунъ; а въ Наунъ пала Корга рѣка; а на Коргѣ рѣкѣ городъ Китайской Мунгутъ; а отъ Шингала въ верхъ до того города ходу 2 недѣли. А въ томъ городѣ живутъ Китайскіе воинскіе люди для бережи отъ Русскихъ воинскихъ людей, по 20 и по 30 и по 40 тысячь человѣкъ; а отъ того города въ Китайское царство большая дорога; а до Китайскаго царства отъ того города конемъ ѣхать наскоро 10 дней, а съ запасами мѣсяцъ. А съ усть Шингала рѣки, въ низъ по Амуру рѣкѣ до усть Шуры рѣки, плыть 4 дни; а отъ Шуры рѣки по Амуру же до устья Хамуна рѣки плыть недѣля: а по всѣмъ тѣмъ рѣкамъ живутъ Даурскіе люди. А съ устья Хамунского до устья Амурского до моря плыть 2 недѣли: а отъ Хамуна рѣки и до моря, и подлѣ моря живутъ Гилянскіе люди, а хлѣба не сѣютъ, питаются рыбою, а ѣздятъ на медвѣдяхъ. А Амурскимъ моремъ въ Китайское царство ходу нѣтъ для того, что лежитъ камень кругомъ всея земли, отъ Мангазейского моря и до Амурского и тотъ камень протянулся въ морѣ, и около его обойти никто не можетъ для того, что льды великіе притискаютъ и ростираютъ. А взойти на него человѣку не возможно, а есть проходъ въ Китайское царство. А въ Китайскомъ царствѣ золото и серебро, и каменье дорогое,

и шолкъ родится; а люди безъ мѣры работны.

А отъ Нарыма до Томского города, въ верхъ по Оби рѣкѣ, до усть Томи рѣки ходу 9 дней; а отъ усть Томи рѣки до Томского города ходу день. А отъ Томского города въ верхъ же по Томѣ до Кузнецкого острогу ходу 10 дней. А отъ Томского въ низъ по Томѣ рѣкѣ до Оби и по Обѣ въ верхъ до усть Бiи и до Катуни рѣкъ ходу дощаникомъ 10 недѣль: а на устiи обѣихъ тѣхъ рѣкъ есть Красной-Яръ острогъ. А Бiя рѣка течетъ изъ Алтына озера: а вдоль по тому озеру въ легкомъ суднѣ ѣхать 6 дней, а поперегъ день. А около его кочюютъ многiе иноземцы: Саянцы, Мундусцы, Кайманцы, Теленгуты, Ямундусцы, Учюги, Карагайцы: а ясаку великому государю не платятъ. А отъ усть Бiи и Катуни рѣкъ степью до Китайского царства ходу 2 мѣсяца.

ШЕСТАЯ ГРАНЬ.

Отъ Самаровского яму въ низъ по Иртышу и по Обѣ, мимо Котской монастырь, и по Сосвѣ рѣкамъ до Березова плыть 6 дней; а отъ Березова до Собской заставы плыть 4 дни. А отъ заставы въ верхъ по Собѣ рѣкѣ, чрезъ каменной волокъ озерами 7-ю, до Ельца рѣки ходу 3 недѣли; а Ельцомъ и другою Собью-

Мусою и Печерью въ низъ и въ верхъ, по имъ же, и по Ухтѣ рѣкамъ—до волоку и чрезъ волокъ и съ волоку въ низъ по Говнюхѣ и по Тетерѣ, и по Вымѣ, и по Вычегдѣ рѣкамъ до Соли-Вычегодской ходу 10 недѣль. А отъ Березовского же въ низъ по Сосвѣ и по Обѣ рѣкамъ до Мангазейского моря ходятъ 12 дней; а за море перебѣгаютъ до усть Тазу рѣки парусомъ въ 4 сутки; а путь нуженъ и прискорбенъ, и страшенъ отъ вѣтровъ. А съ усть Тазу рѣки до Мангазей города, въ верхъ по Тазу рѣкѣ, добѣгаютъ парусомъ въ 4 сутки, а бичевою путь нуженъ. А отъ Мангазейского города до Туруханского зимовья водянымъ ходомъ и чрезъ волокъ въ малымъ судахъ ходятъ недѣли по 3 и по 4. Отъ Енисейского же острогу до Красноярского острогу 10 дней, а водянымъ путемъ ходятъ въ верхъ по Енисею рѣкѣ недѣли въ 3. А отъ Енисейского въ низъ по Енисею рѣкѣ, мимо устья Елогуя и Нижней Тунгуской рѣкъ и мимо Троецкого монастыря, до Туруханского зимовья плыть 10 дней; а отъ Туруханского зимовья въ низъ по Енисею до моря плыть 2 недѣли; а отъ Троецкого монастыря отъ устья Нижней Тунгуской въ верхъ по Тунгускѣ ходу дни 4: съ лѣвую сторону пала рѣка Сиверная, а отъ Сиверной въ верхъ же ходу 2 дни впала въ Ту-

гуску рѣка Лѣтняя; а выше Лѣтней пала рѣка Свѣтлая; а выше Свѣтлой пала рѣка Таймура съ правой стороны: а подлѣ той рѣки огнь исходитъ изъ долу изъ ровного мѣста, а какъ надъ то мѣсто положитъ дерево, и оно сгоритъ углемъ, а огня нѣтъ.

Отъ Енисейского же острогу въ верхъ по Енисею, и по Тунгускѣ, и по Илиму рѣкамъ, до Илимского острогу ходу 6 недѣль. А отъ Илимского острогу чрезъ волокъ до рѣки Муки, гдѣ построена часовня, ходу 2 дни: а отъ часовни въ низъ по Мукѣ, да по Кутѣ и по Ленѣ рѣкамъ, мимо устей Киренги, да Чючюя, да Витима, да Олекмы рѣкъ до Якуцкого острогу ходу дощаникомъ 2 недѣли. А отъ Якуцкого же острогу по Ленѣ же рѣкѣ въ низъ до моря ходу 3 недѣли: а отъ Якуцкого же острогу до Алдана рѣки до перевозу ѣзду сухимъ путемъ недѣля.

СЕДМАЯ ГРАНЬ.

А съ перевозу до Верхоянского зимовья ѣзду 4 недѣли: а то зимовье стоитъ на Янѣ рѣкѣ. А отъ Верхоянского зимовья до Зашиверского зимовья ѣзду 3 недѣли: а то зимовье стоитъ надъ рѣкою Индигирскою. А отъ того до Алазбинского зимовья ходу 3 недѣли: а стоитъ надъ Албазнею рѣкою; отъ того на

Колымъ рѣку ходу 4 недѣли. А на той рѣкѣ 3 зимовья, а въ тѣхъ зимовьяхъ живутъ государевы служилые люди для ясачнаго сбору. А въ тѣ рѣки, кои подъ зимовьями, заходятъ съ моря для торгу рускіе люди кочами. А на море ѣздятъ изъ Якуцкого острогу Леною рѣкою. А съ лѣвой стороны ниже Якуцкого острогу пала въ Лену рѣка Вилюй, и отъ усть Вилюя рѣки и въ верхъ по той рѣкѣ мимо устья Варки рѣки ходу 4 недѣли: съ лѣвой стороны изъ рѣки Вилюя огнь исходитъ зимою, а лѣтомъ, какъ вода разольется, и то мѣсто водою покрываетъ и будетъ незнатно; а какъ вода сойдетъ, и огнь по прежнему, только не пламенемъ, а дерево на томъ мѣстѣ положенное углемъ изгоритъ, а пламени нѣтъ. А выше того огня, по Вилюѣ ходу 2 дни съ лѣвой стороны пала рѣчка Росольная, а подлѣ ее изъ земли ключъ кипитъ и проливается въ ту рѣчку; а изъ того ключа соль садится на всякой годъ, и то мѣсто высыхаетъ, гдѣ садится, а соль бѣла какъ снѣгъ, а розсыпается какъ вареная соль, а столь солка, какъ росолу того канетъ на кожу какую капля, и то мѣсто будто отъ огня сволочетъ, а въ ядь прикусна зѣло и человѣку не вредитъ. А отъ усть Колыми рѣкъ и кругомъ земли мимо устей рѣкъ Ковычи и Нанаборы и Ильи и Дури до

каменной переграды, какъ бываетъ что льды перепустятъ, и до того камени парусомъ добѣгаютъ объ одно лѣто, а какъ льды не пустятъ, и по 3 года доходятъ.

ОСМАЯ ГРАНЬ.

А черезъ тотъ камень ходу день: а какъ на него человѣкъ взойдетъ, и онъ оба моря видитъ—Ленское и Амурское; а перешедъ черезъ камень, приходятъ на рѣку Анадырь и тутъ промышляютъ кость рыбью. А на той земли живутъ Гилянскіе люди; а противо устья Камчатки рѣки вышолъ изъ моря столпъ каменной. высокъ безъ мѣры, а на немъ никто не бывалъ. А которыя рѣки въ Гилянской земли, и тѣмъ рѣкамъ имена подписаны. А къ рѣкѣ Анадыру есть два волока: къ рѣкѣ Ламу да на рѣку Блудную; а Лама рѣка пала въ Амурское море, а Блудная пала въ Колыму рѣку, а Колыма въ Ленское море; а межъ рѣкъ Набаборы и Ковычи протянулся въ море носъ каменной, и тотъ носъ на-силу обходятъ.

V

Описаніе новыя земли, спрѣчь Сибирского царства.

(По рукописи Румянцовскаго Музея № CCXCIV, лл. 1 — 19).

Описаніе новыя земли, сирѣчь Сибирского царства.

Описаніе новыя земли, сирѣчь Сибирского царства и Московского государства, въ которое время великій государь царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ, всеа Росіи самодержецъ, первый Російского государства христіанскій царь, походомъ своимъ съ Московского государства царство Казанское подкопомъ подъ Булатъ рѣку и царя Симеона жива взялъ лѣта 7061, и очеса избости ему повелѣ, и жити въ Звениградѣ указа за стражею 7081 году.

А послѣ того времени, при царствѣ царя Іоанна Васильевича, всеа Росіи самодержца, по 28 лѣтѣ взятія Казанского царства, зъ Дону восташа самоволныя казаки съ атаманомъ своимъ Ермакомъ Тимооеевымъ сыномъ, которые зъ Дону вышли на великую рѣку Волгу, и

многую пакость Московского государства всякаго чина людемъ дѣюще, до смерти убивающе, животы и товары и государскую казну на посадахъ грабяще, по пяти и по пти лѣтъ, и на Волгѣ изъ Астрахани въ Московского государство въ проѣздѣ путь всякого чина людемъ со всякимъ товаромъ возбраняша и проѣзду не даша. И по указу государя царя Іоанна Васильевича, всеа Росіи самодержца, многія посылки ратныхъ людей на него, атамана Ермака съ товарищи, посыланы были: и онъ, атаманъ конской, Ермакъ съ товарищи, рускую силу посланныхъ побилъ. И 7080 году указалъ великій государь царь Іоаннъ Васильевичъ, всеа Росіи самодержецъ, изъ великого своего Московского государства множество ратныхъ людей, водою въ судахъ и горою на коняхъ, со всякими воинскими припасы, послать на него, самоволнаго атамана Ермака съ товарищи, унять ихъ отъ такова зланачинанія и самоволства. Онъ же, атаманъ Ермакъ съ товарищи своими, слыша великій гнѣвъ государя своего и приходъ многоратныхъ людей Московского государства, убоялся, и съ Волги, не доѣдя Казанскаго царства за 60 поприщъ, вверхъ по великой рѣкѣ Камѣ поиде судами съ дружиною своею храброю съ иновѣрцами некрещенными людми, съ подданными преж-

няго взятого Казанского царя Симеона, съ Черемисою, Мордвою, Вотяками, Башкирцами, Камскимъ уѣздомъ; а тотъ народъ и до нынѣ глупъ, и урядства воинского на малѣ у нихъ. И такъ идя Ермакъ по Камѣ рѣкѣ и по Вяткѣ рѣкѣ и по инымъ многимъ рѣкамъ, тѣ живущія народы покори, и аманатовъ побра, и ясакъ съ нихъ на великаго государя идя взялъ, и отъ устья Камы рѣки, вверхъ по Камѣ рѣкѣ, пропелъ городъ Рыбную, Чертово городище, Алабуху, Сарапуль, Осу, городы съ уѣзды побра и покори подъ его государское величество, и пріиде по той же рѣкѣ Камѣ вверхъ живущаго мужика Строганова вотчины. А тотъ мужикъ Строганъ, породою новгородецъ, посадской человѣкъ, иже отъ страха смерти и казни великого государя царя Іоанна Васильевича, всеа Росіи самодержца, изъ Новаграда убѣжа со всѣмъ домомъ своимъ въ Зыряны, сирѣчь въ Пермь Великую, чрезъ Великой Устью на вершину Камы рѣки, на мѣста изобилныя, на великую рѣку Каму. И егда къ нему мужику Строганову пріиде атаманъ Ермакъ съ храброю своею дружиною, и онъ, мужикъ Строгановъ, изобилуя богатствомъ своимъ и славою своею во оной странѣ и народѣ, убоялся атамана Ермака съ товарищи, и возвѣсти ему о всемъ Сибирскомъ царствѣ и о звѣряхъ вся-

кихъ, что въ той странѣ Сибирской всякого звѣря изобилно и люди живущія не храбры: „Мы же отъ нихъ живемъ отъ здѣ за 1000 поприщъ. И ты, атаманъ Ермакъ съ товарищи своими, послужи великому государю, и государь царь Іоаннъ Васильевичь, всеа Росіи самодержецъ, милосердъ, пожалуетъ вину твою, видя службу твою, и тебя съ товарищи твоими простить". И того жъ лѣта осенію мужикъ Строгановъ атаману Ермаку съ товарищи велію честь воздаде и на подъемъ на службу въ Сибирское государство всякими запасы, пушками, пищалми, порохомъ, свинцомъ и къ судовому ходу всякими припасы надѣлилъ и отпустилъ изъ Камы рѣки на правую руку къ степи Уткою рѣкою, вверхъ рѣки. И оттолѣ отъ Строганова жилища атаманъ Ермакъ съ товарищи своими поиде Уткою рѣкою направо степью до каменья Верхотурскаго, которой камень лежитъ отъ моря-океяна поясомъ до моря Хвалынского высокъ и широкъ зѣло; и на томъ камени великія озера, а въ нихъ всякая рыба, кромѣ осетровъ и стерлядей. Изъ того камени на полдень къ Московскому государству многія рѣки, Кама съ товарищи, изъидоша и устьемъ падоша въ великую рѣку Волгу, а иныя рѣки изъ того жъ камени устьемъ падоша въ Хвалынское море, яко то: Яикъ и иныя рѣки съ

товарищи, и Дарья рѣка, которая пошла подъ Бухарію въ великую Ѳиву, съ товарищи. А съ Москвы водянымъ путемъ, стругами, Москвою, Окою, Волгою, Камою, Уткою рѣками до камени Верхотурского, которой камень—граница между Московскимъ и Сибирскимъ царствъ, 2000 поприщъ; и тотъ камень Верхотурской черезъ Утку рѣку въ вершинѣ той рѣки въ лѣсахъ страшныхъ. И Ермакъ съ товарищи своими осеновалъ до зимняго пути. И тѣмъ первымъ зимнимъ путемъ, водяныя суды по сю сторону оставя, подѣлавъ лыжы, нарты съ запасы своими прешелъ тотъ Верхотурской камень на вершину рѣки Ницы.

Которыя рѣки въ Сибирскую сторону съ того жъ камени пошли въ Сибирь, въ море-океанъ, яко то: Верхотурка рѣка, Тоболъ рѣка, Обдоръ рѣка Исеть рѣка и иныя великія рѣки съ товарищи; а тѣ всѣ рѣки пали устьемъ въ великую рѣку Обь; великая же рѣка Обь устьемъ пала въ море-океанъ, сибирскимъ прозваніемъ въ Мангазинское море студеное, отъ котораго моря Мангазейскаго городъ Мангазея нарицается, стоитъ же надъ рѣкою Мангазейкою, а та рѣка устьемъ пала въ море-океанъ студеное. Моремъ-океаномъ ѣзды лодьями корельскими мимо Пусто озеро до города Архангелска 3 недѣли, а отъ камени Верхотурскаго

Сибирскими городами, рѣкою Ницею, и рѣкою Тоболомъ, и рѣкою Иртишемъ, мимо Тюмень съ уѣзды и мимо Сибирскаго царства, Тобольска и Тоболскаго розряду и уѣзду, великою рѣкою Обью до моря-океана Мангазейского, и моремъ-океаномъ, мимо города Пустозерскаго, до города Архангелскаго 6000 поприщъ. И отъ камени Верхотурскаго съ вершины Ницы рѣки, внизъ по Ницѣ рѣкѣ вешнимъ ходомъ и по Верхотуркѣ, и по Тоболу, и по инымъ многимъ сибирскимъ рѣкамъ, съ вершинъ внизъ, которые рѣки всѣ устьемъ пали въ Тоболъ рѣку, (Ермакъ) царства Сибирскаго Кучюма царя удѣльныхъ его бояръ и княжцовъ, и поддапныхъ его, и ясачныхъ взятьемъ подъ царское величество въ поддапство побралъ, и аманатовъ съ тѣхъ городковъ и ясакъ взялъ. И съ тѣхъ мѣстъ тѣми жъ рѣками Верхотуркою, Исетью, Ницею и Пелынькою, Тоболомъ доиде до города Тюмени, и городъ Тюмень съ уѣздомъ атаманъ Ермакъ зъ дружиною своею храброю войною взя и покорилъ великому государю. И то услышавъ Сибирской царь Кучюмъ, что атаманъ Ермакъ съ товарищи разстояніемъ отъ царства его Тоболска 180 поприщъ, нахожденіемъ своимъ и ратнымъ промысломъ побралъ, ея же бѣды не возмогоша стерпѣти, послалъ любимаго своего совѣтника Канцелея со многими

ратными людми подъ Тюмень городъ, дабы того атамана Ермака съ товарищи къ царству своему не припустить и городъ Тюмень съ товарищи очистить. Божіею милостію и государскимъ щастіемъ и святыхъ чюдотворцовъ Російскаго государства молитвами, атаманъ Ермакъ съ товарищи до Тюмени Сибирскаго царя Кучюма и ратныхъ его людей конницы воеводы его, ближняго совѣтника, мурзы Канцелея не допустилъ за 5 поприщъ и многихъ людей огненнымъ боемъ побилъ, а мурзу Канцелея раненаго жива поима, токмо съ вѣстію къ царю Кучюму нѣкія немногія люди его возвратишася. Царь же Кучюмъ, слышавъ о такой побѣдѣ совѣтника и ратныхъ людей своихъ, въ великѣй бысть скорби, и посла по всему Сибирскому царству ко всякого чина людемъ своимъ, дабы вскорѣ къ нему безъ всякого ослушанія собралися, и посла вмѣсто царскихъ своихъ грамотъ стрѣлы свои золоченыя, чтобъ другой посылки не дожидались, понеже де идетъ на насъ невѣдомо какой лютой непріятель. И то слыша орды сибирскія указъ царя своего, вскорѣ въ царство его Тоболескъ безчисленно съ женами и дѣтми своими съѣхалися.' Царь же Кучюмъ, видя многихъ людей къ себѣ собравшихся, мало отъ прежде бывшей печали обрадовася и изъ

Тоболска на всякъ день скорыхъ своихъ посылаше гонцовъ, слыхати хотя, гдѣ непріятель его, Ермакъ съ товарищи, пребываетъ и камо хощетъ путь свой и намѣреніе имѣти. Вѣстници же, вземше вѣсть изъ Тюмени чрезъ измѣну, возвѣстиша, что хощетъ атаманъ Ермакъ итти въ царство Сибирское въ Тоболескъ на тебя, царя. Услыша то, царь съ женою своею, царицею Симбулою, и зъ дѣтми своими сердцемъ падоша въ велій страхъ и трепетъ, и изъ царства своего свою жену зъ дѣтми и коши отпустилъ на велбудахъ и на конехъ горою вверхъ степью по Иртышѣ рѣкѣ въ любимую свою вотчину на Абалакъ, идѣже нынѣ благодатію Христовою весь велія православныхъ христіанъ и церковь каменная пресвятыя Богородицы Обалацкія чюдотворныя иконы. Знаменія пресвятыя Богородицы. И оттолѣ, отъ Тюмени, атаманъ Ермакъ съ товарищи своими внизъ Тоболомъ рѣкою на стругахъ поиде къ царству Сибирскому подъ Тоболескъ городъ. Тоболъ рѣка устьемъ впала подъ Тоболскомъ въ Иртышъ рѣку. Градъ Тоболескъ стоитъ надъ рѣкою Иртышемъ повыше Тобола рѣки 2 поприща, на горахъ высокихъ: городъ деревяной съ осыпью былъ у Сибирскаго царя Кучюма. И Ермакъ атаманъ зъ дружиною своею плывущи, до Тоболска не доходя 7 поприщъ,

урочище, нарицаемое нынѣ Шишкина деревня, тамо же стоялъ и ночевалъ; и назаутрее, по утру рано, поплылъ судами подъ горы Тобольскія на лужокъ, гдѣ нынѣ стоятъ анбары хлѣбныя государевы. И видя то пришествіе козаковъ и Ермака съ товарищи зъ города зъ горы, царь Сибирскій Кучюмъ выслалъ зъ города подъ гору высылку ратныхъ своихъ людей съ лучнымъ боемъ многое множество; атаманъ же Ермакъ, видя то, что еще у царя Кучюма много людей во градѣ, нежели на вылазкѣ, и повелѣ дружинѣ своей козакомъ мушкеты свои пыжами зарядити, дабы ихъ отъ себя вдругъ не отстрящать. Сибирскаго же царя Кучюма ратныя люди на бой крѣпко на казаковъ устремишася, козаки же иновѣрцовъ, изъ пищалей стрѣлюще пыжами, ни единаго убиша; они же, то видяще, гнашася за ними до пристани ихъ козацкой и до судовъ и ни единаго козака не ранища; атаманъ же Ермакъ повелѣ козакомъ въ струги свои отъѣхать прочь отъ горы и отъ пристани на островъ итти. И тако козаки прочь отъ Тоболска въ цѣлости отъидоша и на островѣ, противъ Тоболска съ версту черезъ рѣку, сутки стояли. И назавтріе атаманъ Ермакъ товарищомъ своимъ козакомъ заповѣдалъ всякому, чтобъ оружіе было чисто, а заряжать бы всякому по два, по три и по

четыре желѣзныя жеребья вмѣсто пуль свинцовыхъ усѣчки; и быть смѣлымъ сердцемъ, битися, не щадя головъ своихъ, и поучая ихъ козаковъ своихъ товарищей: „Братія моя милая, атаманы козаки, постойте за вѣру христіянскую и послужите царю православному Іоанну Васильевичу, всеа Росіи самодержцу, и за свою вину страдничію, что мы предъ нимъ, государемъ своимъ, виноваты и предъ всѣмъ Московскимъ христіянствомъ: государскую казну и его государскихъ подданныхъ людей грабили и многую кровь христіянскую пролили и многія души христіянскія осквернили; послужите, государи братцы, нынѣ вѣрою и правдою: а когда мы виноватые ему государю, своему царю, послужимъ и прибыль учинимъ, и онъ, государь нашъ, царь Іоаннъ Васильевичъ за нашу службу пожалуетъ насъ, вину нашу страдничію отдастъ“. И то слыша дружина его храбрая козаки отъ атамана своего Ермака слезы отъ очесъ своихъ аки рѣки испущаху, глаголюще сице: „Во всемъ, аки Богу, великому государю царю своему служити рады и головы свои кладовати не пощадимъ, а тебя, аки отца своего, слушать рады: какъ ты изволишь, тако да и будетъ!“ И съ того мѣста съ острова атаманъ Ермакъ съ товарищи своими, всего 600 человѣкъ, къ Тоболску на прежнее

мѣсто на пристань на лужекъ поиде. Царь же Сибирскій Кучюмъ съ совѣтники своими и съ ратными людми, зъ города Тоболска видя пришествіе козаковъ и атамана Ермака съ товарищи, глагола людемъ своимъ: „Поидемъ, братія, безъ всякого сумнѣнія и страха, понеже опѣ намъ поганцы не могутъ никакова зла смертнаго сотворити, понеже бози наши съ нами оберегаютъ насъ отъ нихъ, токмо станьте мужественно, а я васъ за вашу службу пожалую". И то слышаще людіе отъ царя своего съ радостію на бой все множество изъ града людей устремишася къ бою, аки на нѣкое пиршество, другъ друга понуждающе, всѣ къ бою изъидопіа, токмо царь во градѣ съ ближними своими немногими людми остася, изъ града зъ горы внизъ на бой зряще. Иновѣрныхъ же много множество ратныхъ людей снидеся подъ горою битися съ козаки. Атаманъ же Ермакъ глаголаше козакомъ: „Братія моя любимая, атаманы козаки, не устрашитеся множества ихъ бусурманского, съ нами убо Богъ, стойте смѣло: аще Богъ съ нами, никто же на ны!" И тако атаманъ Ермакъ товарищемъ своимъ козакомъ повелѣ на иновѣрцовъ изъ мушкетовъ своихъ заряженыхъ стрѣлять половинѣ, а другой стояти до исправы; и тако Божіею милостію и государскимъ счастіемъ и промысломъ и радѣ-

ніемъ атамана Ермака съ товарищи сибирскихъ иновѣрцовъ многихъ орды и языкъ ратныхъ людей на томъ бою побили и живцомъ взяли, а за досталными побѣгшими во градъ виде. Царь же Кучюмъ, видя силу свою людей множество побитыхъ, изъ града съ небольшими людми убѣжа къ женѣ своей царицѣ и къ дѣтемъ въ любимое село свое на Обалакъ, отъ Тоболска разстояніемъ 20 поприщъ. А въ Тоболскѣ градѣ у царя Кучюма были двѣ пушки желѣзные литые, въ четыре аршина длиною, а ядро въ 20 фунтовъ; и какъ съ козаками бой былъ, и въ то время велѣлъ царь изъ тѣхъ пушекъ стрѣляти на козаковъ, и пушки стрѣлбы не дали, и царь разгнѣвался: повелѣ тѣ пушки съ высокія горы внизъ рѣку Иртышъ ввергнути. Атаманъ же Ермакъ съ товарищи своими въ царствѣ Сибирскомъ во градѣ Тоболску пол-2 мѣсяца жилъ. А отъ вершины Ницы рѣки отъ каменя Верхотурскаго до Тоболска ѣзды внизъ водою 500 поприщъ. И изъ Тоболска изъ Сибири атаманъ Ермакъ съ товарищи своими, избравъ атамана казака Грозу Ивановича съ товарищи и 5 человѣкъ козаковъ, послалъ ихъ къ Москвѣ къ великому государю царю Іоанну Васильевичу, всеа Росіи самодержцу да съ ними жъ козаками послалъ къ государю собраныя казны 60 со-

роковъ соболей съ пупки и съ хвосты, да 50 бобровъ чернокарихъ, 20 лисицъ чернобурыхъ, да 3 человѣкъ съ людми ихъ, ближнихъ пріятелей царя Кучюма, и отписку написалъ къ великому государю царю Іоанну Васильевичу, всеа Росіи самодержцу, сице: „Атаманъ Ермакъ зъ дружиною своею храброю, съ козаки и съ атаманы, объ винѣ своей прислалъ, чтобъ великій государь съ Москвы указалъ послать воеводъ своихъ въ царство Сибирское городы съ уѣзды принимать и розправу въ народѣ чинить по своему государскому указу". И посланной изъ Сибири атаманъ Гроза Ивановъ отъ атамана Ермака Тимоѳеева съ товарищи къ Москвѣ съ вышеписанною казною пріѣхалъ и великому государю царю били челомъ и милости просили, чтобъ великій государь страдничію ихъ вину пожаловалъ, простилъ за многія ихъ службы и изволилъ бы прислапную казну у нихъ принять и воеводъ своихъ отъ себя государя въ нововзятое царство Сибирское въ Тоболескъ и въ городы Сибирскіе для розправы и державы послать. И великій государь въ то время въ соборной и апостольской церкви со властми и боляры своими молебствовалъ и милости у Московскихъ чюдотворцевъ просилъ, и атамана Ермака Тимоѳеева и товарищей его казаковъ, дружину

его храбрую, за службу ихъ и за радѣніе во всей прежней винѣ ихъ пожаловалъ и казну у нихъ принять велѣлъ, а ихъ атамана Грозу Иванова съ товарищи велѣлъ пожаловать и съ ними свое государское жалованье и жалованную грамоту въ Сибирь въ Тоболескъ къ атаману Ермаку съ товарищи его послалъ; а воеводамъ своимъ великій государь указалъ готовится зимнимъ путемъ впредь по указу, а до тѣхъ мѣстъ указалъ государь царь Іоаннъ Васильевичъ вѣдать царство Сибирское зъ городы взятыми атаману Ермаку Тимоѳееву съ товарищи.

И того жъ году осенью съ Москвы отъ государя царя съ жалованіемъ и съ грамотою Гроза атаманъ съ козаками къ атаману Ермаку въ Сибирь пріѣхали, и Ермакъ съ товарищи государской милости велми обрадовалися и на государской милости били челомъ до земли и молебствовали о государскомъ здравіи. А съ Москвы сухимъ путемъ ѣзда въ Сибирь на Троецкой Сергіевъ монастырь, на Переяславль, на Ростовъ, на Ярославль Великій, на Вологду, до Вологды съ Москвы 500 поприщъ. А отъ Верхотурья до Туринского острога и до Тюмени города и отъ Тюмени до Тоболска 500 поприщъ. И какъ въ то время, отъ царя Іоанна Васильевича грамоту и жалованіе при-

сланное у атамана посланнаго Грозы пріемъ, великому государю веліе благодареніе возсылаше и молебныя пѣнія Господу Богу воздаваше о государскомъ долгоденствіи. По семъ же изъ Тоболска Сибирскаго царства атаманъ Ермакъ, съ товарищи своими по совѣту, устроивъ воинскимъ обычаемъ со всѣми припасы, на стругахъ вверхъ отъ Тоболска по Иртишу рѣкѣ поиде доходити царя Сибирского Кучюма и доиде до Сибирки рѣчки, отъ Тоболска вверхъ по рѣкѣ Иртишу 20 поприщъ; рѣчка Сибирка пала устьемъ въ Иртишъ подъ земляной городъ, идѣже царь Кучюмъ въ великомъ опасеніи пребываше. И не дошедъ того мѣста за полтора поприща, на той же горной странѣ, подъ крутымъ яромъ Ермакъ съ товарищи своими вышедъ и будивъ своихъ асаулныхъ на берегъ, поставилъ на лугу полатки и спалъ въ нихъ. И тогда непріятели со уготовленнымъ войскомъ своимъ ударили на обозъ его атамана Ермака съ товарищи; тогда жъ Ермакъ, изъ полатки своей спалной услыша то нахожденіе иноплемянниковъ на себя и не чая, что мѣсто плохо и стоять не возможно, скочилъ съ яру въ судно, въ стругъ свой, и прескочилъ три струги, мочію своею паде въ воду въ великую рѣку Иртишъ въ яръ въ глубокое мѣто, а на немъ въ то время два панцыря были,

иже утопе абіе, и поиде ко дну аки камень. Дружина же его храбрая съ того бою отъидоша въ цѣлости, и ни единъ отъ нихъ погибе. Послѣ же ихъ отходу козацкого царь Кучюмъ на томъ мѣстѣ, идѣже подъ яромъ атаманъ Ермакъ утопе, повелѣ рыболовомъ и людемъ своимъ сѣтьми и баграми и всякими снастми промышлять, дабы тѣло Ермака изъ омута выволочь вонъ. А кто тѣло его Ермака атамана найдетъ, и тому царь Кучюмъ обѣща отвѣсъ сребра и честь пожаловать; а какъ сыщется, „велю тѣло его вора атамана Ермака въ части изрѣзать и самъ мясо его съ родителми своими стану ясти такова разорителя своего царства“.

Отъ Тоболска же города внизъ по Иртишу рѣкѣ до Демьянскаго яму и отъ Демьянского яму до Самаровского яму плыть на низъ Иртышемъ рѣкою 10 дней, а отъ Самаровского яму рѣкою Иртышемъ устьемъ до великой рѣки Оби сутки: и того разстоянія отъ Тоболска будетъ Иртышемъ рѣкою до устья Иртишева 1000 поприщъ. А отъ Самаровского яму внизъ великою рѣкою Обью, по обѣ сторонѣ великой рѣки Оби и Иртиша и иныхъ всякихъ рѣкъ множество, живутъ великихъ государей нашихъ подданные ясачные люди, Татарове, Остяки, Самоѣдъ, розными

языки и улусами своими, а надъ собою тѣ ясачные люди имѣютъ началныхъ людей въ улусахъ князцовъ, ясауловъ, сотниковъ, десятниковъ. А живутъ въ лѣсахъ темныхъ надъ водами; зимные юрты деревяные въ земляхъ. аки въ погребахъ, отъ великихъ мразовъ, а лѣтныя юрты имѣютъ въ иныхъ мѣстѣхъ надъ водами великими, токмо къ лугамъ и пескамъ великимъ, для того что съ весны у нихъ и во все лѣто до осени бываетъ множество мошки и комаровъ, а нощію спятъ въ полатахъ холщевыхъ на высокихъ кроватяхъ, подъ кровати же кладутъ огнь и куриво, дабы комары и мошки дали нощію уснуть. Въ жилищахъ же ихъ веліе множество всякого звѣря: лосей, оленей, медвѣдовъ, лисицъ, росамакъ, соболей, бобровъ, выдеръ, рыбы всякой такожде безчисленно: осетровъ, стерлядей, щукъ, таймеией, карасей, линей, плотицъ, и всякихъ птицъ: лебедей, стерховъ, жеравлей, цаплей, бабъ, гусей, казарокъ, розныхъ родовъ утокъ, гагарь, соколовъ, кречетовъ розныхъ цвѣтовъ, ястребовъ, орловъ, скопъ, челиковъ. А тѣ ясачные люди имѣютъ у себя, которые богатіе, въ одномъ юрту по 3 и по 4 жены, маломощныя же люди по одной женѣ имѣютъ. А одѣяніе и обувь имѣютъ съ рыбьихъ кожъ, съ осетровъ, стерлядей, съ налимовъ или сомней,

и со всякихъ птицъ; продѣлываютъ же тѣ кожи рыбьимъ жиромъ аки рогдугу мягкостію, которые отнюдь дожжа не боятся. А питаются всѣ звѣрнымъ мясомъ и птичіимъ да рыбою, хлѣба же не сѣютъ и отнюдь не знаютъ тѣ, которые отъ городовъ въ далнемъ разстояніемъ живутъ. А ѣздятъ зимнимъ путемъ отъ юртъ до юртъ и до города, гдѣ кто ясакъ платитъ, нартами, на собакахъ и на оленяхъ доморощеныхъ, потому что на коняхъ для великихъ снѣговъ ѣздити не возможно. Княжцы же ихъ и прожиточные ясачные люди въ улусахъ и юртахъ своихъ имѣютъ у себя по 100, по 200, по 500 и по 1000 оленей, а тѣ олени питаются собою мхомъ и травою, и молоко у нихъ доятъ на потребу свою. Да съ тѣхъ же ясачныхъ людей со всякого человѣка, съ лука, ясаку на великихъ государей въ годъ даютъ въ государскую казну по десяти соболей съ пупки и съ хвосты, а лисицами черными, чернобурыми бобрами и выдрами и всякимъ звѣремъ въ казну беруть зборщики, государскіе люди, посланные для сбору ясачного, смотря по достоинству, по смѣтѣ противъ соболей указного числа.

Отъ Самаровского яму внизъ великою рѣкою Обью до города Березова 1000 поприщъ: городъ Березовъ стоитъ на лѣвой странѣ надъ рѣкою Сосвою, отъ Оби рѣки за 3 поприща;

Сосва рѣка и Вагулка устьемъ пали въ Обь рѣку. А отъ Березова города внизъ рѣкою Обью плыть на низъ до устья великія рѣки Оби мѣсяцъ, по смѣтѣ 3000 поприщъ. Великая рѣка Обь устьемъ пала въ великое море-океянъ, прозваніемъ Мангазейское море, студеное. Мангазейской городъ стоитъ надъ рѣкою Мангазейкою; рѣка Мангазейка пала въ море-океянъ; а тѣмъ океяномъ-моремъ Мангазейскимъ съ устья великія рѣки Оби моремъ-океаномъ мимо Пустозерской острогъ къ городу Архангелскому ѣзды карелскою лодіею мѣсяцъ, своею силою, сирѣчь греблею, парусомъ же пол-2 недѣли. Все по обоимъ странамъ моря, по островамъ и около рѣкъ, живутъ государскіе ясачные люди, Остяки, Самоѣды, Лопяня.

Отъ Тоболска же царства Сибирскаго вверхъ по Иртишѣ рѣкѣ, по обѣимъ странамъ рѣки, надъ рѣкою и по инымъ сторонимъ рѣкамъ живутъ государскіе люди Рускіе, Тобольского уѣзду служилые тоболскіе Татарове и ясачные люди, до Тары города не доходя за 3 дни. Отъ Тоболска же до Тары города 1000 поприщъ, а зимнимъ путемъ на лошадяхъ ѣзды пять дней: городъ Тара стоитъ вверхъ Иртиша рѣки на правой сторонѣ отъ страны Черный Камыкъ, къ степи, надъ рѣкою Аркаркою, отъ рѣки

Иртиша 3 поприща, устьемъ пала въ Иртышъ рѣку. А отъ Тары города вверхъ же Иртишемъ рѣкою до Ямыша озера соляного стругами ходу 5 недѣль. Озеро Ямышъ отъ рѣки Иртиша 5 поприщъ, и служилые люди Сибирцы соль-бузу изъ того озера ломаютъ рычагами емлютъ и возятъ тележками на себѣ, на лошадяхъ и на велбудахъ и струги грузятъ. А на то мѣсто у пристани Ямыша озера пріѣзжаютъ съ товары китайскими изъ Китайскаго (царства) Бухарцы и Калмыки со всякими своими товары, съ лошадми и со всякимъ скотомъ и съ ясыремъ, и торгуютъ съ рускими людми поволнымъ торгомъ чрезъ аманатовъ своихъ. Соль же та зѣло чиста, аки снѣгъ или ледъ яспецъ, солка лъ велми и сладка. И кругомъ тѣхъ мѣстъ около Иртиша рѣки такихъ соляныхъ во многихъ мѣстѣхъ самосадныхъ озеръ много безчисленно, звѣря тожъ и птицъ и всякой рыбы много. А около тѣхъ мѣстъ вверхъ Ямышева озера живутъ Калмыки розныхъ тайшъ, и съ тѣхъ Калмыкъ на великихъй государе ясакъ не идетъ, токмо сосѣдственнымъ обычаемъ живутъ и между собою торгуютъ и пословъ своихъ въ государскіе городы, въ Тоболескъ и на Тару и въ Томской городъ, отпущаютъ торговать. А отъ Ямышева озера вверхъ по Иртишѣ рѣкѣ Черныхъ Калмыкъ до

улусовъ Бошохты хана Заисанкулъ урочище великому озеру; ширина тому озеру Зайсанкулю 7 поприщъ; а посредѣ того озера бѣжитъ Иртышъ рѣка; ходу стругами 2 мѣсяца, а сухимъ путемъ степью, лошадми 2 недѣли, кочевнымъ ходомъ. У Бошохты хана или у царя Черныхъ Калмыкъ и у тайшъ, у товарищевъ ево, въ улусахъ ихъ служилыхъ людей въ 15 дней збирается 100,000 человѣкъ конныхъ, а пѣшихъ нѣтъ и не бываетъ; бой у нихъ лучной, а огненнаго ружія неболшое, и то съ фетилемъ; скота въ ихъ улусахъ зѣло много, велбудовъ объ одной и о двухъ кочкахъ, лошадей добрыхъ, коровъ розныхъ родовъ, овецъ болшихъ, назади съ куйрунки по ведру, малыхъ лошадокъ, сирѣчь ишековъ родомъ, съ великими ушми, по аршину; много такожде бобровъ, барсовъ, лисицъ бѣлыхъ, птицъ и всякихъ рыбъ многое множество; хлѣбъ всякой яровой зѣло родится: просо и полба, пшеница. Отъ Тары города до улусовъ ихъ черныхъ калмыцкихъ Бошохты хана сухимъ путемъ, на лошадяхъ, тяжелымъ ходомъ со вьюками, пол-2 мѣсяца. А отъ нихъ и отъ улусовъ Бошохты хана, черезъ камень Саянской и черезъ Желтые Калмыки Калги хана, Мунгалскаго хана, тѣмъ же ходомъ пол-2 мѣсяца. А отъ улусовъ Мугалского хана Калги

до Китайскаго рубежа Богдуйскаго царя 10 дней, и до стѣны Китайской, до перваго заставочного города, городами возлѣ стѣны каменныя 3 недѣли ѣзды до Камбалыка города. Въ Богдоханъ Маха въ Китайское царство изо всѣхъ государствъ и земель всякія люди. Калмыки и Мугалы, Бухарцы и Тагуты, съ товары торговать приходятъ: въ Китайскомъ же государствѣ торгъ всякому поволной безъ всякія обиды. А товары къ нимъ изъ Сибири въ Алтай ходятъ: соболи, рыси, лисицы, бобры, выдры, горностаи, мѣхи заячій черевій, юфти, кожи красные, кожи золотыя и серебреныя, сукна красные, кость, рыбей зубъ доброй болшой, самые добрые коралки красные зъ бѣла, ентари добрыя; Калмыки же привозятъ ясырей, велбудовъ, коней и скотъ всякой; и за тѣ свои товары въ Китайскомъ государствѣ кто что хочетъ беретъ, сирѣчь себѣ: товары ихъ: злато, сребро всякое, дорогое каменіе, камки, китайки, коралки бѣлые и мскусъ, ревень, чай траву, табакъ.

Отъ Томского жъ города ѣзды на лошадяхъ верхами со вюками 2 недѣли. Томской городъ стоитъ надъ рѣкою Томью: мѣсто всѣмъ изобилное хлѣбомъ, звѣремъ и рыбою. А отъ Томского вверхъ водою, Томою рѣкою до Кузнецкого острогу стругомъ ходу

3 недѣли, а малыми судами 2 недѣли или 10 дней; голою же степью на лошадяхъ ѣзды 6 дней, по смѣтѣ 1000 поприщъ; а рѣка зѣло быстра: острогъ стоитъ на той же сторонѣ. что и Томской городъ, стоитъ надъ Томью рѣкою. Кузнецы же словутъ, потому что ясачные люди государскіе тамо живутъ по берегу Томи рѣки и иныхъ тамошныхъ рѣкъ, трехъ терсей каменій берутъ и жгутъ, и плавятъ желѣзо, и куютъ вмѣсто наковалнъ на камени хъ: а желѣзо то кузнецкое и укладъ велми добръ, лутше свейскаго желѣза, и мяхко желѣзо, аки свинецъ. Соболми, желѣзомъ въ казну ясакъ платятъ. А отъ Кузнецкого острога до Томы рѣки ѣзды на лошадяхъ степью по одной сторонѣ 3 недѣли, а по другую сторону рѣки Томы горы зѣло высокіе каменныя, и лѣса на нихъ зѣло темныя всякія, а около тѣхъ мѣстъ по рѣкамъ и по лѣсамъ живутъ государскіе ясачные люди, Татарове, Тубинцы. Мразцы, Кондомцы, Верхніе Киргизцы.

Отъ Томского жъ города чрезъ Киргизскую землю и чрезъ Мунгалскую землю Саингъ Лоджана хана Алтынова сына сухимъ путемъ, на лошадяхъ, со вюки мѣсяцъ ходу: а отъ Лоджана хана до Мухалского Очироя хана ѣзды до 10 дней; а отъ Очироя хана, Мугалскаго царя, до Китайского государства 3 не-

дѣли 5 дней ходу. Отъ Томского жъ города мимо Киргизкую жъ землю чрезъ Красноярской острогъ до Енесейского острога сухимъ путемъ, на лошадяхъ, 3 недѣли ѣзды. Красноярской острогъ стоитъ надъ рѣкою Енесіею, въ вершинѣ Енесеи рѣки. До Красноярского острога, до Киргизской земли, на лошадяхъ 3 дни ѣзды. Отъ Томского жъ города съ устья Томы рѣки, гдѣ она Тома въ великую рѣку Обь пала, вверхъ великою рѣкою Обью до устья Біи и Катуни ходу стругами пол-2 мѣсяца. А около тѣхъ мѣстъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Оби живутъ ясачные люди Татарове и Бѣлые Калмыки, ясакъ же платятъ Черныхъ Калмыкъ Бошохтѣ хану и инымъ тайшамъ, братіямъ и сродникамъ его ханскимъ. И вверхъ около великихъ рѣкъ и устей Беи и Катуни мѣста зѣло изобилные лѣсами и полями, черность земляная въ человѣка вышиною, звѣря всякого, птицъ и рыбы всякой веліе множество. И чрезъ то мѣсто и устья Беи и Катуни на великой рѣкѣ стоитъ островъ великой, и тѣмъ мѣстомъ Калмыки Черные изъ своей земли въ Мунгалскую и Киргизскую земли ходятъ, а Мунгалы и Киргизы тѣмъ же мѣстомъ отъ себя ходятъ къ нимъ Калмыкамъ. И только бъ изволили и указали великіе государи на томъ мѣстѣ на устья Беи и Катуни городъ или

острогъ поставити, и имъ бы великимъ государемъ великая прибыль была въ ясакъ отъ ясачныхъ и въ проѣздѣ отъ торговыхъ людей всякихъ.//

Отъ Самаровского яму вверхъ по великой рѣкѣ Оби стругами ходу до Сургута города 3 недѣли. Сургутъ стоитъ надъ рѣкою Обію. Отъ Сургута вверхъ великою рѣкою Обью водянымъ путемъ ходу своею силою, шестами и бечевою, 4 недѣли. Нарымъ острогъ стоитъ надъ великою рѣкою Обью. А отъ Нарыма до устья Кети рѣки ходу по Оби рѣки 2 недѣль; Кеть рѣка пала устьемъ въ великую рѣку Обь. Отъ Кецкого устья Обью рѣкою вверхъ ходу до Томского города, и до устья Томы рѣки, до Томского города, ходу стругами 2 недѣли, зимнимъ же путемъ изъ Тоболска до Самаровского яму, до Сургута и до Нарыма и отъ Нарыма до Томского путь на нартахъ и на собакахъ ходъ, а лошадми тѣмъ мѣстомъ дороги нѣтъ, потому что снѣги великіе, и лошадми ѣздить не возможно. Велика рѣка Обь вышла одною вершиною изъ-подъ Тангутцкой земли, тамъ же иновѣрцы имянуютъ оную Катуня; а другою вершиною вышла изъ-подъ Мунгалской земли изъ великаго озера Алтыня, и около того озера Алтынъ-кулъ кочуетъ Мугалской Лоджанъ ханъ и иные тайши;

а рыбы въ немъ всякой множество, и нерпа морская есть; и тѣ двѣ вершины внизу сошлися, и иновѣрцы съ тѣхъ мѣстъ назвали усть Бея и Катуня, а ниже того названа та рѣка отъ величины ея великая рѣка Обь.

Отъ устья Кети рѣки вверхъ Кетью до Кецкого острога стругами ходу 3 дни и 4 дни. А отъ Кецкого по той же Кетѣ рѣкѣ вверхъ ходу 6 недѣль до Маковского острога до волоку Генесейского; Маковской стоитъ на Кети рѣкѣ. Отъ Маковского до Генесейского острога сухимъ путемъ волоку мостами и борами на лошадяхъ 3 дни; Генесейской острогъ стоитъ надъ великою рѣкою Генесею. Генесеею рѣкою внизъ стругами плыть день и ночь до острога Туруганского 3 недѣли; Туруганской острогъ стоитъ на острову между Генесеею до устья Генесеи. Генесей пала устьемъ въ море-океанъ студеный, толко жъ и лѣтомъ на томъ морѣ лды плаваютъ великіе. Въ Генесею жъ рѣку пала рѣкъ болшихъ Елогуй, Подкаменная, Илимъ рѣка, другая Подкаменная рѣка великая. Отъ Генесейского острога вверхъ Ангарою рѣкою стругами ходу до Братцкого острога 4 недѣли. Вверхъ отъ Братцкого острога по той же рѣкѣ Ангарѣ до Балаганскаго острога ходу 6 недѣль. Рѣка Унга, великая рѣка, Иркутъ рѣка и инія рѣки пали устьемъ въ

Ангару рѣку. Отъ Балаганского острога ходу водою вверхъ до Иркутцкого острога 5 недѣль. Отъ Иркуцкого острога до моря Байкала ходу тожъ 5 недѣль.

Ангара рѣка великая вышла изъ моря Байкала; а по Ангарѣ рѣкѣ пороги зѣло страшные: запасы и товары, вверхъ идя и на нихъ иловучи, на себѣ обносятъ — иной порогъ 4 поприща, а иные по 2 и полтора поприща; а моремъ Байкаломъ и черезъ море тѣми жъ стругами до устья Селенги рѣки и до Селенгинского острога вверхъ рѣкою ходу 3 недѣли. Селенга рѣка вершиною изъ Мунгалской земли Очироя хана вышла; въ Селенгу рѣку устьемъ пало рѣкъ Тола, а Хилокъ—вышелъ изъ озера, на Хилкѣ рѣкѣ стоитъ острогъ Иргенской,—Уда и Тонца рѣки, и иныхъ рѣкъ много пало въ Селенгу рѣку безъ имянъ. Селенга рѣка устемъ пала въ море Байкалъ; въ море Байкалъ пало рѣкъ много: Прорва, Мишиха, Мантуриха, Переемная, Снѣжная. Въ вершинѣ Ангары рѣки стоитъ порогъ Ангарской. Въ море жъ Байкалъ пала рѣка Барбуза, а по ней остроги Барбузинской и Теленбинской; Баунъ рѣка; изъ озера вышла великаго Баунта верхняя Ангара. Отъ Селенгинского острога черезъ Мангалскую землю Очироя хана лошадми и велбудами со вюки ѣзды до Ки-

тайского царства мѣсяцъ, а какъ скорымъ дѣломъ, и въ пол-3 недѣли съѣздятъ.

По правую сторону Китайской земли по рѣкамъ и около Амура и по лѣвую сторону Амура отъ рѣки Зіи и по инымъ всѣмъ рѣкамъ до устья великія рѣки Амура до моря-океана живутъ подданные ясачные люди Китайского царя Богдохана Махи, и ясакъ съ себя тѣ люди даютъ ему Китайскому царю всякимъ звѣремъ на всякой годъ. А съ устья великія рѣки Амура видѣть на мори-океанѣ великій и страшный островъ и палаты каменые стройные,—токмо до тѣхъ мѣстъ устья Амура рѣки моремъ-окіяномъ теплымъ доѣхать не возможно, потому что такихъ судовъ морскихъ козаки амурскіе строити не знаютъ. Съ лѣвую сторону Ленскую позади къ Амурской сторонѣ въ море-океанъ болшихъ рѣкъ пало: Охота, Рама, Товой, Тадуй, Анадырь, Пенжонъ, Камчатка, Чюдонъ; а отъ Чюндона устья рѣки великій камень пошелъ во океанъ-море теплое на 500 поприщъ, и устья великія рѣки Амура возлѣ края океана-моря теплаго; а за тѣмъ каменемъ посъ, которой въ морскую пучину пошелъ въ сторону царского величества въ Сибирскіе городы: въ Якутской острогъ, въ великую рѣку Лену, въ Мангазейской острогъ и въ Туруханской. А въ великую рѣку Генесею моремъ-океаномъ водою и судами

нѣтъ ходу за тѣмъ каменемъ великимъ и по ту сторону носа каменя за великими страшными лдами.

А по тѣмъ рѣкамъ, которые по сю сторону каменя къ Даурской земли, которые рѣки пали въ великую рѣку Амуръ и которые рѣки отъ устья Амура рѣки до каменна носа, которой пошелъ на 500 поприщъ въ море-океанъ, рѣки пали устьемъ, и по всѣмъ тѣмъ рѣкамъ лѣса темныя и страшныя всякого рода и различнаго звѣря много жъ. И по тѣмъ мѣстомъ, по урочищамъ, по рѣкамъ живутъ подданныя ясачныя люди Китайскаго царя Дючерцы, Богдойцы девять языкъ съ товарищи розныхъ. А отъ Амурского устья по теплому морю до каменна носа и отъ каменна носа по студеному морю-океану до устья великія рѣки Лены, и отъ Лены тѣмъ же океаномъ-моремъ до рѣкъ устья Енесея и Мангазейки по морю-океану, по берегу, много рыбіей кости звѣря моржа лежитъ, и государскіе люди промышленые и иновѣрцы, великихъ государей подданныя ясачныя люди, на тѣхъ мѣстѣхъ около океана на берегахъ кость рыбію емлютъ себѣ и костію ясакъ великимъ государемъ на всякой годъ платятъ; а государскіе промышленые люди на тѣхъ мѣстѣхъ токмо съ промыслу своего въ казну государскую пошлену даютъ костью рыбіею и всякимъ звѣремъ десятину.

И отъ вышеписанного Даурского острога Албазинского, которой построенъ на великой рѣкѣ Амурѣ, чрезъ Амуръ и Шингалъ рѣки до Китайского царства десять дней ѣзды или 2 недѣли. Китайского же царства стѣна каменная ведена: мысъ великій захваченъ; отъ моря-океана до того жъ моря-океана на 2000 поприщъ степью городовая стѣна каменна здѣлана кирпичная, а въ которыхъ мѣстѣхъ пришли горы каменные, и тѣ горы тутъ же пущены въ стѣну; Китайскіе жъ всѣ горы каменныя, и пашни особь стѣнами, въ той же стѣнѣ каменной и многіе рѣки, которые изъ камня вышли и идутъ сквозь Китайскіе горы и чрезъ пашни ихъ, пали устьемъ позадѣ Китайского царства въ море-океанъ теплое.

А отъ Китайского государства на лѣвую сторону къ востоку къ морю-океану великое государство, китайскимъ языкомъ нарицаютъ Никанское, иные же нарицаютъ Великая Хина, сухимъ путемъ, степью и чрезъ каменныя горы, тяжелымъ ходомъ со вьюками на лошадяхъ и на велбудахъ 3 недѣли, а скорымъ дѣломъ 10 дней ѣзды. И то государство Никанское паче Китайского государства зѣло людми и богатствомъ, златомъ и серебромъ и каменіемъ драгимъ, шелкомъ, камками и всякими алканы, благовонными травами и шафраномъ изобил-

ствуетъ; мужеской и женской полъ предъ китайскими людми зѣло чистъ; и нынѣ онъ, Никанской царь, съ Китайскимъ царемъ воюются, а Китайской царь чрезъ свое Китайское царство въ Никанское царство рускихъ людей съ товары для торгу не пропущаетъ.

Отъ Генесейского жъ острога по той же рѣкѣ вверхъ Ангарою рѣкою ходу стругами до Илимского устья 6 недѣль; Илимъ рѣка вершиною вышла изъ каменя. Отъ Илимского волокомъ на лошадяхъ до Верхоленского острога недѣля ѣзды чрезъ камень; Верхоленской острогъ стоитъ на вершинѣ Лены рѣки, гдѣ изъ камени вышла. Отъ Верхоленского острога внизъ рѣками Ксуною и Мукою до Киринги 4 недѣли ходу; Киринга острогъ надъ Киринтою рѣкою; рѣка Киринга пала устьемъ въ великую рѣку Лену. Въ великую рѣку Лену пали рѣки: Витимъ, Олекма, Тугиръ,—на ней стоитъ острогъ Тугирской,—Учирь, Ядомамая, Алданъ, Чучюйна, Варла, Чоса, Мутиха, Волоковая, Мусука, Вилюй рѣка. А отъ Киринги внизъ плыть великою рѣкою до Якуцкого острога, до устья Лены рѣки плыть на низъ два мѣсяца: Лена пала въ море студеное океанъ. По всѣмъ же тѣмъ сторонымъ рѣкамъ, по Ленѣ живутъ все государскіе ясачные люди, Якуты, Браты, рускихъ же людей и пашенъ на малѣ; звѣря вся-

кого и рыбы много; лѣса и каменныя горы зѣло великіе, снѣги и морозы бываютъ великія; лошадми въ тѣ мѣста ѣзды для камени высокаго, для лѣсовъ, водъ, болотъ и снѣговъ отнюдь не бываетъ. (Въ) океянѣ лды страшно великія.

И отъ Байкала моря пошелъ поясъ камень великой и непроходной позадѣ Лены рѣки, а пошелъ тотъ камень далече въ море-океанъ на 500 поприщъ, и для того съ Лены моремъ въ Китайское государство и въ великую рѣку Амуру проходу и проѣзду нѣтъ. Изъ того жъ камени къ лѣсной сторонѣ въ государской державѣ много рѣкъ пало: Даура, Блудная, Улья, Ковыча, Колыма, Алазѣя, Индигирка, Тача, Піяпая, Блудная, Хромая, Яна, Омолоха, Оленекъ, Волоковая, Анабара, Волокъ рѣка жъ: и по тѣмъ всѣмъ рѣкамъ и лѣсамъ живутъ государскіе ясачные люди Якуты и Браты; около же моря-океана Самоѣды, розными языки глаголющіи. Отъ Байкала моря съ устья Барбузинского острога вверхъ Барбузинскою рѣкою судами ходу 2 недѣли до острога Теленгинского, лошадми черезъ волокъ 10 дней ѣзды или 2 недѣли до Нерчинскаго острога перваго Даурскаго. Нерчинской острогъ стоитъ между рѣками Нерчею и Черною; Нерча и Черная рѣки устьемъ пали въ рѣку Ингоду.

Въ Ингоду пали рѣки Оной, Аруня, Амазаръ, Урка, Задуня, Кайларъ, Улуча; промежъ озера Кайлара, изъ котораго озера вышла рѣка Кайларъ, изъ рѣки Унери; въ вершинахъ ихъ между Китайского государствомъ и Тангутцкою землею пещаная пустыня, и тѣмъ мѣстомъ люди не ѣздятъ, занеже во оной веліе множество червей, сирѣчь змѣй, которые многихъ людей и скотовъ заѣдаютъ до смерти; а то мѣсто пустынное къ самой восточной Индіи лежитъ.

Отъ Нерчинского государева города, въ Даурской земли построеннаго лѣта 7159 охочими сибирскими козаками, ѣзды лошадми и велбудами 2000 поприщъ. Унера рѣка и тѣ всѣ выписимянованныя рѣки устьемъ пали въ великую рѣку Амуръ. И сверху отъ Нерчинского города, внизъ великою рѣкою Амуромъ плыть въ судахъ до Камарского острога 3 недѣли; Комарской острогъ въ Даурской земли стоитъ внизъ плывущи Амуромъ на лѣвой сторонѣ Амура рѣки къ Ленской сторонѣ, хъ каменю, а съ правой стороны съ китайского боку противъ того острога Комарского рѣка Камара пала устьемъ въ Амуръ; и отъ того Камарского острога внизъ плыть Амуромъ до Албазинского острога 4 сутки. Албазинской острогъ построенъ былъ на той же лѣвой сторонѣ съ китай-

ского боку; Албазинка рѣчка устьемъ пала въ Амуръ. и та земля зѣло добра, понеже изо всѣхъ государскихъ Сибирскихъ городовъ на той Даурской земли всякой хлѣбъ родится: рожь и яровой изъ единой мѣры родится 50, 60 и 70 мѣръ; а по великой рѣкѣ Амурѣ по берегамъ и по островамъ самъ собою виноградъ ростетъ кромѣ человѣческаго труда; въ великой рѣкѣ Амурѣ противъ Албазинского острога и внизъ по тому жъ рыбъ: бѣлуги чистыхъ, болшихъ калужекъ, осетровъ, стерлядей, сазановъ, лосей и всякой мелкой безчисленно много, и всякія безчисленныя ягоды родятся, иныя же имъ имены не знати. А съ лѣвой стороны великія рѣки Амура съ Ленского боку отъ камени зѣло великія лѣса и всякого звѣря безъ числа много и по рѣкамъ рыбы такожде много.

Отъ Албазинского острога внизъ Амуромъ рѣкою до устья Зіи рѣки 3 недѣли плыть. Зія рѣка съ той же нашей стороны лѣвой въ Амуръ пала; и по той Зіѣ рѣкѣ вверхъ построены два острога, и тѣ оба острожки во 191 году отъ китайскихъ людей взяты, а подъ тѣми жъ острожками на приступѣхъ было китайскихъ воинскихъ людей по 10000 человѣкъ, нашихъ же рускихъ людей въ острожкѣ по 60 человѣкъ было. А отъ Зіи рѣки по той же лѣвой

сторонѣ до рѣки Быстрыя 3 недѣли плыть; Быстрая рѣка въ Амуръ рѣку устьемъ пала. А отъ Быстрыя рѣки до Хамунъ рѣки 2 дни плыть; Хамунъ устьемъ пала въ Амуръ. Отъ Хамуна же до устья великія рѣки Амура мѣсяцъ плыть. И на устьѣ Амура рѣки острогъ зѣло великій, на 60 поприщъ. Съ китайскую правую сторону тѣ рѣки (въ) Амуръ устьемъ пали Гарпинка, Туйманъ, Шингалъ, Ушуръ; и между рѣками Шингаломъ и Ушуромъ поставленъ былъ государевъ городъ, и тотъ городъ взятъ Китайцами. Да съ китайскую жъ правую сторону около тѣхъ рѣкъ Китайского Богдохана Махи городами и посадами живутъ и пашни пашутъ Китайского царя подданныя люди.

А около великой рѣки Амура и Шингала къ правой сторонѣ Китайского государства пошли рѣки изъ каменной вершины и устьемъ пали въ великую рѣку Амуръ; а между тѣми рѣками, между каменемъ и Амуромъ, степные пахотные, добрые хлѣбородные земли, черностію земля въ человѣческой поясъ. Да на тѣхъ же степныхъ мѣстѣхъ многіе соляные самосадные озера; къ самымъ берегамъ около вышеписанныхъ рѣкъ, которые устьемъ въ Амуръ пали, лѣсъ неболшой и мало звѣря болшаго, держатся же въ тѣхъ лѣсахъ и въ рѣкахъ толко бобры, выдры, лисицы, бѣлые зайцы, сѣрые

рыси, волки сѣрочерныи, а иного болшаго звѣря на китайской странѣ правой нѣтъ, токмо въ камени, что подъ Китайскою стѣною, въ горахъ бываютъ бобры великіе. А по Шингалу рѣкѣ, на срединѣ, къ Амурскому устью не доѣзжая 5 дней, построенъ городъ каменной Шингалъ съ уѣздами и деревнями; около Шингала рѣки и по инымъ вышеписанным рѣкамъ, въ городѣ Шингалѣ, по уѣздамъ, по селамъ и по деревнямъ царя Китайского у жителей все полаты каменнаго строенія, связи деревянныя, безъ сводовъ верхнихъ, верхи деревянныя жъ, доски косяки глиною, известію умазаны. А въ томъ китайскомъ порубежномъ городѣ Шингалѣ отъ царя сидятъ на воеводствѣ бояре; и съ того города Шингала и со всего уѣзду съ подданныхъ пашенныхъ Богдуйцовъ на Китайского царя Богдохана Маху Шингалской воевода собираетъ дань всякимъ яровымъ хлѣбомъ, а рожь не родится, понеже земля не прозябаетъ. Въ дань же, по указу отъ царя, даютъ всякимъ скотомъ, дровами и лѣсомъ, досками и брусьемъ для связей; и тотъ зборъ на всякой годъ съ города Шингалского и со всѣхъ уѣздовъ возятъ въ Китайское государство на велбудахъ и на лошадяхъ, и на волахъ зимнимъ и лѣтнимъ путемъ непрестанно, молотой и не молотой хлѣбъ. Въ Китайскомъ

же государствѣ дрова покупаютъ въ вѣсъ, по двѣ гривны пудъ.

Прежде же сего 7160 году въ Китайскомъ государствѣ до сего нынѣшного Богдохана царя Махи былъ въ Китайскомъ строи ихъ природной царь Абадай Ханъ Китайской, и тотъ царь умре, а осталась жена, сынъ царевичъ Абдура да дочь; и Абдура царевичъ послѣ отца своего въ Китайскомъ сидѣлъ на царствѣ 7 лѣтъ. А что нынѣ въ Китайскомъ государствѣ Богдоханъ Маха, и тотъ Богдоханъ Маха въ то время, по указу прежняго Китайского царя Абадая хана и сына Абдуры хана, жилъ въ подданствѣ въ Шингальскомъ городѣ и былъ Богдуйскимъ князцемъ надъ всѣмъ уѣздомъ и надъ подданными Богдуйцами, а отецъ ево и дѣдъ со всѣми улусами своими въ подданствѣ жъ были у прежнихъ Китайскихъ царей и ясакъ съ себя звѣремъ и всякимъ яровымъ хлѣбомъ и всякимъ скотомъ, лѣсомъ и дровами дань давали на всякой годъ и въ Китайское государство сами зборщиками привозили. И во 167 году Китайского царя Абдуры хана бояре измѣнили и взяли на царство сего нынѣшного, подданнаго Богдуйского князца Богдохана Маху. И въ Китайское государство Богдуйской князецъ Богдоханъ Маха пріѣхалъ лестію, по согласію китайскихъ бо-

яръ, и съ собою людей своихъ, Богдуйцовъ, воинскихъ избранныхъ съ лучнымъ боемъ и съ копіи копейщиковъ и съ сулемами вмѣсто сабель взялъ, и будущи подъ стѣною Китайского государства, по 5 человѣкъ въ войлоки обернутыхъ на вюки къ велбудомъ привязать повелѣлъ на 3000 велбудовъ, вмѣсто указного числа дани хлѣбной, лѣсу и дровъ и простыхъ лошадей добрыхъ и всякого скота, и ту собранную дань будто онъ Богдуйской князецъ прислалъ дань въ Китайское государство по древнему указу и присылкѣ. И тако Богдуйской князецъ лестію и лукавствомъ съ тѣми сокровенными воинскими людми пріиде въ Китайское государство въ самолучшей царевъ градъ Камбалыкъ. И пришедъ съ тѣми сокровенными людми въ царевъ дворъ, съ великимъ смятеніемъ многихъ царскихъ сродниковъ поби, и царя Китайского Абдала хана абіе удавити повелѣ. и тако прежде бывшаго царя родъ пресячеся. Послѣ же убіенія царя Китайскаго стараго бояре китайскія и всякого чина люди по своему обыкновенію князцу Богдуйскому Богдохану Махѣ били челомъ на царствѣ и шертовали по своей нечестивой идолопоклонной вѣрѣ, и за царя быти себѣ въ Китайскомъ обрали, по совѣту бояръ своихъ; и прежняго своего царя Абдары хана жену царицу его и

сестру его царевну дву въ законный бракъ поволи взять. 1659

Со 167 году пріѣхали изъ Рима чрезъ Полскую землю и чрезъ Московское государство кругомъ сухимъ путемъ въ Китайское государство 6 человѣкъ ученыхъ людей, езуитовъ, и царь Китайской Богдоханъ Маха ихъ езуитовъ пожаловалъ, велѣлъ имъ въ Китайскомъ царствѣ дать мѣсто подъ монастырь и поволилъ имъ построить костелъ римского закона, и кто похощетъ изъ Китайского народа, поволилъ отъ езуитовъ крестится и грамотѣ латинской учится. И езуиты, по указу царя Китайского, въ Китайскомъ костелъ построили зѣло преизрядный, и тако съ пріѣзду своего и по се число у царя Китайского имѣютъ къ себѣ велію милость, жалованіе и близость всегда, понеже безъ ихъ езуицкого совѣта царь Китайской никакова дѣла и расправы не чинитъ, токмо какъ онѣ сму царю въ какомъ совѣтѣ приговорятъ, то тако и бываетъ. И съ тѣхъ поръ, какъ езуиты въ Китайское государство пріѣхали, по нынѣшнее время Китайского народа людей мужеска и женска пола и всякого чина поволностію своею въ римскую вѣру обратили, и четвертая часть Китайского государства крестилась, многіе младые отроки грамотѣ или писанію латинскому научились;

иные же и нынѣ учатся въ школахъ у езуитовъ, понеже самъ царь Китайской всякого чина людемъ безъ возбраненія поволилъ, кто похощетъ, крестится; и нынѣ въ Китайскомъ два костела и два монастыри каменные, мужескій и женскій, зѣло изрядные построены. Въ костелахъ же во время службы по обыкновенію римского закона сотворена мусикія всякая, и органы зѣло великія устроены на хорахъ или клиросахъ. У Китайцовъ же въ царствѣ ихъ прежняя ихъ вѣра идолопоклонническая была кумирамъ златымъ, сребрянымъ, мѣднымъ, глинянымъ, звѣрямъ, змѣямъ, подобіе ихъ напечатанымъ, которымъ Китайцы некрещеные и донынѣ кланяются, а иные болваны литые болшіе въ 3 сажени величиною, ручные въ каменныхъ божницахъ или мечетяхъ, токмо по ихъ иновѣрническому званію имя ихъ церкви бурханнигеръ, сирѣчь церковъ Божія; идолскія лица розные, литыя, нагія, безодежныя, аки живыя, такожде срамной удъ человѣческій мужеска и женска пола обнаженъ, въ лицѣхъ болваны, звѣри и змѣи на идолѣхъ напечатаны; приносятъ же тѣмъ своимъ мерзкимъ богомъ въ почесть приношеніи всякіи, скотъ, звѣрь, птицы и покупной полонной ясырь иныхъ вѣръ, кромѣ своего народа, мужеской и женской полъ молодой, а своихъ женъ и

дѣтей и рабовъ въ жертву идоламъ не приносятъ.

Въ Китайскомъ государствѣ народъ китайской ядятъ въ ѣствахъ своихъ съ розными травами всякой гадъ, ужей, змѣй всякого рода. ящерицъ, черепахъ, лягушекъ. Руду златую и сребряную и мѣдную въ Китайское государство Китайцы отъ стѣны крайняго своего города въ ихъ далныхъ городѣхъ, отъ Камбалыка, Китайского царева града, разстояніемъ отстояща 2 недѣли, возятъ ту руду на велбудахъ. а берутъ ту руду въ высокихъ горахъ надъ рѣками, и тѣ рѣки изъ тѣхъ горъ устьемъ пали въ теплое море-океанъ, что въ ихъ Китайской стѣнѣ. Въ Китайскомъ же царствѣ у идолопоклонниковъ у царя и у народа Китайского, которые люди Китайскіи идолопоклонники, вмѣсто патріарха поставлена имянуютъ его и чинъ его кутуѳта-лама, вмѣсто архіепископа, вмѣсто священника или попа—лама, вмѣсто діакона—гичюлъ-лама, вмѣсто пѣвчихъ—манжи-лама; а службу свою служатъ въ капищахъ своихъ съ кутуѳтою-ламою, въ службѣ по 300 человѣкъ ламъ, а попы ихъ, сирѣчь ламы и кутуѳты, не женаты, а кто младой падется съ женскимъ поломъ изъ ихъ чину ламы, и имъ положенъ уставъ 6 недѣль постится, и болше того паденія во грѣхъ не ста-

вятъ. А какъ службу свою служатъ, и всенощное пѣніе до самого свѣта съ вечера, днемъ же съ третіяго часа дня до полудня, и въ то время въ службѣ ихъ кутуота-лама, чиноначальникъ ихъ, на высокомъ престолѣ сидитъ въ равенство съ болванами къ стѣнѣ во всемъ нарядѣ по обыкновенію своему, да съ нимъ же кутуотою-ламою въ службѣ служатъ власти его, ламъ всякого чина по уставу по 400 и по 300 человѣкъ; и во время службы ихъ идолской бываетъ мусикійское играніе разное во указное время и въ трубы великія трубятъ, трубы же мѣдныя въ 3 сажени величиною, въ бубны біютъ, въ колоколцы звонятъ и въ желѣзные доски вмѣсто клепалъ, и въ мѣдные въ болшіе чаши, аки кади, вмѣсто звона повѣшена, звонятъ и иные всякіе игры по ихъ идолопоклонническому древнему оставленому обыкновенію въ службѣ бываютъ. Кадилы же болшими серебряными на чѣпяхъ съ колоколчики рознымъ ладономъ въ службѣ своей всякого кадятъ, и вмѣсто потира на тотъ же образецъ великій устроенъ потиръ и ложка серебреная; и изъ той чаши самъ кутуота-лама, сидя на престолѣ своемъ, трижды ѣлъ и чину своему ламамъ . всѣмъ приходящимъ къ нему къ престолу его даетъ такожде по 3 ложки, и мирскимъ, хану царю, женамъ ево, царицамъ,

дѣтемъ и бояромъ всякого чина людемъ мужеска и женска пола, отъ мала и до велика; а потиръ зѣло великъ яко двумъ человѣкомъ предъ кутуотою держати оный; а въ ту чашу или потиръ положено сочиво малосаки, горохъ само малой, вино церковное, масло деревяное; и въ службѣ прежде, какъ принесутъ на престолъ кутуотѣ тотъ потиръ, и кутуота, вземъ тремя персты то приношеніе идоложертвенное, трижды на воздухъ бросаетъ.

А тѣ ихъ кутуоты изъ Китайского и изъ Мунгалскихъ земель отъ розныхъ своихъ хановъ и изъ Калмыцкихъ земель Черныхъ Калмыкъ и Бѣлыхъ и отъ хановъ, отъ тайшъ, сирѣчь отъ князей и владѣтелей, ѣздятъ ставится въ Тангуцкое государство, которое смежно рубежемъ великому Индійскому государству, близъ самой верхней Индіи, именуемой въ Бороптalу, сирѣчь правую вышную страну, къ далай-ламѣ, сирѣчь по ихъ званію къ великому и пространному акіяну-морю, понеже ихъ идолопоклонническихъ патріарховъ кутуотъ поставляетъ, а кутуоты-ламы ставятъ всякой свой меншой чинъ въ Тангутцкой земли. Въ Боронталѣ построены зѣло изрядные три идолопоклонническіе каменные монастыри, а въ тѣхъ каменныхъ монастыряхъ живутъ съ ламами и со всѣмъ своимъ чиномъ по 1000 человѣкъ,

да во всякомъ же ихъ монастырѣ началники далай-лама. И тѣми ихъ учителми и старшинами, которыхъ почитаютъ выше патріарховъ, дѣствуетъ духъ нечистый и лукавый, егда бо мѣсяцъ младъ, тогда и онъ окаянный далай-лама младъ, егда же мѣсяцъ полонъ, въ то время и онъ аки человѣкъ средовѣчь, когда же мѣсяцъ ветохъ, тогда и онъ далай-лама аки зѣло старъ и во 100 лѣтъ; и тако тѣми далай-ламы нечистый духъ дѣйствуетъ всѣми тремя несказанно. и человѣческому естеству мнится быти невѣрно. и аще ли кто изъ нѣкоего государства или земель къ нимъ далай-ламамъ въ Тангутцкое государство въ Боронталу ставится въ кутухты-ламы съ какими дары на поклоненія и благословенія ѣдетъ, за 4 или за три мѣсяцы до ихъ земли разстояніемъ отстающе. и тѣ далай-ламы ученикомъ своимъ повелѣваютъ писать по ихъ пророчеству, кто откуды къ нимъ съ чѣмъ и для чего ѣдетъ и сколко съ собою людей и скота ведетъ, и скоро ли къ нимъ будетъ, и въ которой день. И идолопоклонницы тѣхъ своихъ далай-ламъ почитаютъ святыми, называютъ безсмертными, понеже онѣ далай-ламы никогда не умираютъ, но по мѣсяцу всѣ на всякой мѣсяцъ обновляются; не токмо учители ихъ злочестивыя, ибо тако ими врагъ дѣйствуетъ, но и ученицы ихъ

кутухты-ламы, гичюны, манжи и всякого чина хто что захощетъ дѣйствомъ того жъ лукаваго бѣса громы, дожжи, вѣтры и стужу напущаютъ. и преже себе дождь и вѣтръ за 9 дней пущаютъ и въ Петровъ постъ рѣки ставятъ и замараживаютъ. Вся же сія діяволска дѣйства и волшебства списавшаго очеса видѣша и за государскимъ дѣломъ у нихъ идолопоклонниковъ бывшаго тогда.

Изъ Китайского же государства отъ царя послы ни въ которое государство не ѣздятъ, кромѣ одного Никанского царства, сирѣчь великія Хины, для драгоцѣнныхъ товаровъ.

КОНЕЦЪ.

VI.

Сказаніе о великой рѣкѣ Амурѣ, которая разграничила русское селеніе съ Китайцы.

(Изъ рукописнаго сборника ~~XII~~ XV вѣка, принадлежавшаго Г. П. Спасскому).

Сказаніе о великой рѣкѣ Амурѣ, которая разгранила русское селеніе съ Китайцы.

Она великая и пременитая рѣка Амуръ. Хотя у древнихъ земноописателей нигдѣ о ней слыху не отозвалося и въ описаніи не обрѣталось; но мы ее зычно ляпенію напишемъ пространно, за величество ея; понеже она величиною, не токмо паче всѣхъ Сибирскихъ рѣкъ, но вяще всѣхъ на свѣтѣ обрѣтающихся. Начинаемъ вершину ея съ тѣхъ мѣстъ, идѣже въ нее пала великая рѣка Шингалъ. Оттуда внизъ оной рѣки Амура вѣдомыя и дальнія суть рѣки описуемъ. Первыя рѣки Ононъ, да Нигода текутъ отъ хребта, до котораго ѣхать сухимъ путемъ отъ Селенгинскаго острога 2

недѣли 3 дни; изъ того хребта течетъ рѣка Селенга, въ которую пала рѣка Чикой, а обѣ пришли въ Амуръ же. Оныя рѣки Ононъ и Ингода окружаютъ многія степныя мѣста, и Ононъ на правой (сторонѣ), и по ней кочуютъ многіе Мунгальскіе народы съ тайшами; а Ингода рѣка большая и судовая, и окружаетъ палѣво степныя жъ мѣста, и по ней кочуютъ Мунгальскіе жъ народы. И по той рѣкѣ Ингодѣ въ прошлыхъ годѣхъ приплылъ досчаниками Аоанасій Пашковъ и построилъ острогъ Нерчинской; а пріѣхалъ чрезъ Байкалъ и Селенгою рѣкою и, оставивъ Селенгу, плылъ рѣкою Хилкомъ до Иргенскаго острога 4 недѣли, и въ Иргенскомъ, оставивъ суды, озерами и волоками до Ингоды рѣки 1 день, и на той же Ингодѣ сдѣлалъ новые большіе досчаники, и плылъ внизъ по Ингодѣ и по Хилку до усть Нерчи рѣки 3 сутки, и тутъ построилъ Нерчинской острогъ межъ рѣкъ Нерчи и Шилки.

А вышеименованныя рѣки Ононъ и Ингода пришли изъ степныхъ окруженій, чрезъ камень и лѣсныя мѣста, хребтами близъ Нерчинска 2 дни, и тутъ Ононъ впадаетъ въ Ингоду, и въ томъ мѣстѣ тѣ обѣ рѣки потеряютъ имена своя, и именуются однѣмъ именемъ — рѣка Шилка. Другая вершина великія рѣки Амура есть рѣка

Аргуня, течетъ изъ великаго озера Далая чрезъ хребты и Камени степные, и впала въ Шилку рѣку. Отъ Нерчинска внизъ пловучи 4 сутки, гдѣ сошлися рѣки Шилка да Аргуня, и тѣ обѣ рѣки потеряютъ имена свои и назвася Амуромъ. Отъ того мѣста и до самаго моря и отъ усть Аргуни внизъ по Амуру до Албазинскаго острога, плыть день. А отъ Албазинскаго острога, внизъ же по Амуру, на правой сторонѣ, первая рѣка Камара, течетъ съ Хребта съ Богдойской стороны, и по ней живутъ Богдойскіе Дауры, и на той рѣкѣ Камарѣ построенъ острогъ Камарской, который въ прошлыхъ годѣхъ сожгли иноземцы. Вторая рѣка на лѣвой сторонѣ Азія, течетъ съ Ленскаго хребта, и на устьѣ рѣки живутъ Дауры, а вверхъ той рѣки живутъ Тонгусы, Петрушка (о)ленной съ родомъ своихъ, съ котораго Албазинскаго острога казаки ясакъ имали; и Китайскіе Наунскіе воеводы на него же Петрушку жалобу творили, потому что по Азіѣ рѣкѣ живутъ Никанскіе подданные люди. И по той рѣкѣ и по Шингалу винограду родится много; и отъ Албазинскаго острога мимо устья Камары рѣки до устья Азіи рѣки, внизъ по Амуру, плыть недѣлю. Третья рѣка Быстрая, внизъ по Амуру на лѣвой сторонѣ, течетъ съ Ленскаго жъ хребта; и на устьѣ живутъ

Джючера, пашенные Китайскіе люди: а въ вершинѣ ея живутъ (о)ленные Тонгусы, никому ясаку не платятъ; по ней лѣсу много. Четвертая рѣка большая Шингалъ, внизъ по Амуру на правой сторонѣ: отъ того мѣста, что въ Амуръ пойдетъ, именуютъ однѣмъ именемъ до устья Амура рѣки — Шангаръ или Шонгія. А въ Шингалъ пала рѣка Наунъ, по которой есть многія Китайскія села, и Даурскіе люди всякой хлѣбъ сѣютъ; а въ Наунъ рѣку пала рѣка Ялъ, по которой живутъ Тагачинскіе и Китайскіе люди, и по той рѣкѣ идетъ дорога изъ Нерчинска къ Науну; въ ту же рѣку Наунъ пала рѣка Карга, и сказываютъ, что по той рѣкѣ есть городъ Китайской, и въ немъ живутъ многія тысячи людей, для обереги отъ Русскихъ людей. А отъ устья Шингала до того города ходу 2 недѣли; а изъ того города до Китайскаго царства ѣздятъ скорымъ ходомъ 10 дней; а отъ Албазинскаго острога до усть Шингала внизъ по Амуру рѣкѣ ходу 2 недѣли. И въ прошлыхъ годѣхъ на усть Шингала рѣки былъ водяной бой у Китанцевъ съ Русскими Даурскими Албазинскими казаками, потому что у Китайцевъ были суда большія 50 досчаниковъ и бусы, и на нихъ были пушки, опричь мелкихъ судовъ; а казачьихъ было 12 досчаниковъ. а на нихъ людей 209

человѣкъ, и одинъ досчаникъ ушелъ, а послѣдніе досчаники и люди 400 человѣкъ побиты. А та рѣка Шингалъ великая, течетъ съ Даурской стороны: а по ней живутъ Китайскіе пашенные люди множество, и винограду и иныхъ лѣсовъ довольно. Пятая рѣка Ушаръ, на правой сторонѣ Амура рѣки, течетъ съ того же Наунскаго хребта: а на усть ея живутъ Джючера, пашенные Китайскіе люди: а по вершинѣ кто живутъ, того невѣдомо, потому еще Русскіе люди не провѣдали. Только опые пашенные люди сказываютъ про ту рѣку большимъ Амуромъ, и будетъ-де противъ вышеописаннаго Амура величиною втрое, и пала-де та рѣка въ море особнымъ устьемъ своимъ, и сказываютъ, что по ней живутъ иноземцы Куяры, и дѣлаютъ кумачи, камки, бархаты и иныя всякія парчи, узорочные ковры и занавѣски. А отъ усть Шингала рѣки до усть Ушара рѣки внизъ по Амуру рѣкѣ плыть 2 недѣли. Шестая рѣка Хамунъ, внизъ по Амуру на лѣвой сторонѣ, и отъ усть рѣки Ушара до усть рѣки Хамуна плыть недѣля, а течетъ изъ черныхъ мѣстъ—изъ лѣсовъ: съ устья той рѣки до моря, до Гилянскія земли и до устья Амурскаго плыть 2 недѣли, и подлѣ того моря земля Гилянская.

А въ той Гилянской землѣ впали рѣки въ море: 1) Лама, 2) Охота, 3) Тавуй, 4) Тодуй,

5) Пенжинъ. 6) Камчатка. а противъ, той Камчатки, столбъ каменной высокъ гораздо, 7) рѣка Чулданъ. 8) Анадырь. А Амурскимъ моремъ въ Китайское царство проходу предѣлань путь каменемъ, будто стѣною и объѣхать нельзя, льды не пропускаютъ; а есть проходъ въ Китайское государство съ другую сторону. А на вышеписанныхъ рѣкахъ Русскіе люди бываютъ и промышляютъ рыбью кость. А рѣка Анадырь течетъ изъ камени; а тотъ камень возмется отъ Байкальской пучины и до моря, и въ моря прошелъ далеко такожде стѣною, а конца никто не знаетъ, объѣхать нельзя, потому что льды не пропускаютъ. А чрезъ тотъ камень поперегъ ходу пѣшему день, и съ него оба моря по обѣ стороны видятъ съ верху. Отъ того камени до рѣки Колымы бѣгаютъ парусами на кочахъ однѣмъ лѣтомъ; а какъ льды не пропустятъ, и въ то время ходятъ года по два, по три и больши. А вверху той Анадыри рѣки чрезъ тотъ камень есть волокъ на Блудную рѣку: Блудная пала въ Колыму рѣку, и тѣ мѣста край и конецъ Сибирской земли.

Вышеименитая великая рѣка Амуръ, гористая и лѣсистая и въ окіанъ впала однѣмъ своимъ устьемъ, и противъ того устья есть островъ великой; а живутъ на томъ островѣ многіе иноземцы Гиляцкіе народы. Юрты у нихъ де-

ревянныя рубленыя, а носятъ платья собольи и лисьи, и звѣриные кожаны, и ѣздятъ на собакахъ, партами зимою, а лѣтомъ по водамъ въ лодкахъ, и держатъ въ улусахъ собакъ по 500 и по 1000: питаются всякимъ звѣремъ и рыбою; и медвѣдемъ кормятъ въ улусахъ для работы мирно. По правую сторону, по морю какъ идти, по водѣ въ губахъ ростетъ великой камышъ, и въ лодкахъ ѣздить тѣмъ камышомъ нельзя для того, что тотъ камышъ великой, густой и толстой. И на устьѣ Амурскомъ живутъ многіе иноземцы Гиляки, и сказываютъ тѣ Гиляки, что изъ устья Амурскаго, выпедъ на морѣ, въ лѣвую сторону идти подлѣ земли къ Ламѣ рѣкѣ, и ту обрѣтаются лѣса многіе и великіе, горы высокія. Отъ той рѣки пошелъ носъ великой каменной въ море далеко, иже называютъ Святой носъ, а почему не извѣстно. Къ Амурскому устью ѣздить кочами нельзя, потому что къ тому носу присохъ Утаень великій, и кочи разбиваетъ. Всякаго звѣря въ томъ мѣстѣ морскаго, китовъ и моржей, разбиваетъ много; а лѣсовъ на томъ мысу никакихъ нѣтъ, только иноземцовъ Гиляковъ сыроядцовъ въ томъ мѣстѣ держится много гораздо.

Днесь, на устьѣ при морѣ въ прошлыхъ годѣхъ, тому будетъ лѣтъ 38, казаки Даурскіе

камышники зимовали многажды и сказывали, что море около берегу мерзнетъ и снѣга бываютъ великіе, больши печатной сажени, и стоитъ зима до Маіа мѣсяца и до Николина дни: а вдаль море не мерзнетъ. А какъ рѣка Амуръ и берега морскіе весною опущаются, и тогда плавать на море мочно: а отъ устья Лены рѣки и до устья Амура рѣки, моремъ плавать нельзя для того, что по морю ходятъ льды великіе, да и вышеименованную каменную гору, которая идетъ отъ Байкала и до моря далеко, обходить нельзя же, льдами разбиваетъ, какъ вѣтръ бываетъ и льды, и краями великими запатаются: и пустится по морю шумъ и валъ великой, что никоими мѣрами не возможно другъ отъ друга голосу слышать. Только отъ устья Амурскаго на лѣвой сторонѣ по морю до иныхъ рѣкъ ѣздить мочно. А усть рѣки Амура на правой сторонѣ еще Русскіе люди не провѣдали, только Гиляки, которые тамъ живутъ, сказываютъ, что они по морю ѣздятъ подлѣ берегъ, потому что у нихъ суды небольшія, поднимаетъ человѣкъ 20, для рыбнаго промыслу, и пристаютъ, обыскавъ высокой берегъ, на земли, и есть де тамъ выросъ великой густой камышъ и толстой, и тѣмъ камышомъ вдаль на чистое море никоими мѣры пройти не возможно, потому они (и не могутъ) сказать,

что есть ли какое противъ ихъ государство близко. Только они вѣдаютъ, что на морѣ островы далеко отъ тамошнихъ мѣстъ великіе есть, и селеніе стройное, людей множество; а слышно-де имъ отъ мореходцовъ, которые мимо ихъ изъ моря бѣгаютъ въ рѣку Амуръ и ходятъ въ новое царство Каргалть, что-де на оныхъ великихъ островахъ старинное Китайское государство, и отъ устья Амурскаго неподалеку будетъ, если на мѣру, верстъ съ полтораста, и суды-де у нихъ великія не имѣются. Да они же сказали, что въ мимошедшихъ годѣхъ Голанцы и иныхъ земель Нѣмцы тѣмъ моремъ на корабляхъ ходили въ Китайское царство, и сказывали, что отъ устья Амурскаго моремъ ходить мочно, только беречись, каменья много, и обѣгать то каменье продолжительно; а всего лучше и способнѣе выѣхати съ моря въ устье Амурско и въ верхъ по Амуру-де до рѣки Пенжина, и тою рѣкою придешь къ Калганъ подъ стѣну и на средину царства.

VII.

Historia de Sibiria.

(По рукописямъ Императорской Публичной Библіотеки, Лат. Q. IV, №№ 65, 66).

Текстъ этой статьи печатается по рукописи Имп. Н. Библіотеки Лат. Q. IV, № 66. Варіанты взяты по рукописи той же Библіотеки Лат Q. IV, № 65, озаглавленной слѣдующимъ образомъ:

Relatio de Sibiria. Qua continetur notitia dictae provinciae et litoris Oceani Glacialis et Orientalis a portu S. Michaelis Archangeli usque ad Chinam sive Kataium.

Item de Calmacis Nomadibus et quaedam narratiunculae de gemmariorum, metallariorum et alchimistarum fraudibus.

Scripta anno 1681.—Aeternum soli gloria tota Deo.

На лѣвой сторонѣ переплета рукописи № 65 находятся слѣдующія помѣты: 1) Nunc ex libris Congregationis Missionis domûs Vilnensis. 2) Caisse XIV. № 31; а на первой страницѣ той же рукописи: 1) Ex libris Eustachii Kotowicz, episcopi Smolensis m. p. (т. е. manu propria). 2) Nunc vero Domus Vilnensis Congregationis Missionis.

Въ рукописи № 65 нѣтъ письма, которымъ начинается текстъ въ основной рукописи № 66, но между заглавнымъ и первыми листами, какъ видно, вырѣзаны два листа.

Въ рукописи № 66 подъ послѣднею строкою на первой страницѣ сдѣлана такая помѣта: Ex Musaeo Petri Dubrowsky. № 233.

HISTORIA DE SIBIRIA

sive

Notitia Regnis Sibiriae et Littoris Oceani Glacialis et Orientalis: idem de Calmucis Nomadibus et nonnullae narratiunculae de Gemmariorum, metallorum et alchimistrarum fraudibus.

Anonymi Autographum circa anno MDCLXXX.

Ad Perillustrem ac Praenobilem Dominum Hildebrandum ab Horn, Sacræ Regiæ Maiestatis Daniæ Secretarium.

Praecepisti mihi, Magnifice Horni, Benefactor meus, perpetuo colende et in precibus memorande: ut Tibi Sibiriae (in qua 15 annis exulavi) descriptionem mitterem. Grave scelus admisero, si Tibi morem non gessero: cuius me inexplicabilem profiteor debitorem. Tarditatem tamen mihi quæso ne imputes. Epistola

enim tuæ Nobilitatis, ipso Principum Apostolorum festo Parisiis anno 1680 ad me data, huc quidem perlata fuit; sed Veredarii errore alio missa, et post magnam Europæ partem peragratam, iterum huc relata, mihi vix in fine Novembris reddita fuit [Mosquam fuerat missa: et illinc a Præfecto Postæ, meo amico, irresigillata Vilnam remissa]. Sibiriam igitur Tibi, liberatori meo, non tam describo, quam delibo. Neque enim cum ibi essem, horum quidquam literis consignabam. Neque tango ea, quæ hactenus ab aliis prodita sunt, sed quæ ipsemet observabam et debilis retinuit memoria. Reliquum est, ut Altissimum precor (quod quidem nullo die facere neglexi, ex quo Tuo, et Illustrissimi Domini Friderici a Gabel Insularum Foerensium Præfecti, Hereditarii Baunelsee, et Moerupgarde. Regii nuper Oratoris, Tuique et mei Benefactoris clementissimi, gratioso aspectu gaudere desii) precor inquam Dominum, ut vos longaevos incolumesque servet. Vale et crede me Perillustris ac Magnificae Nobilitatis Tuæ vigilantissimum esse cultorem.

Scripsit quem nosti.

Historia [1]) de Sibiria.

SIBIRIA est ultima ad solis ortum Scythiæ et Moscici Regni provincia, Oceano Orientali terminata. Regno Sinensi contermina.

Qui Mosqua proficiscuntur, post emensas quingentas leucas, perveniunt ad flumen Kamam et ad oppidum dictum Salinæ Camenses. Ibi enim ex puteis profundissimis hauritur aqua salsa. quæ ferreis infusa lacis, a fornace inferno succensa, in salem excoquitur. Hic locus est Russiæ terminus, et Sibiriæ initium. A quo ad Austrum protenditur mons valde longus, sed haud admodum celsus, qui et Russiam a Sibiria. et Astrahaniam a Calmacia dirimit. F. Kama, Salinae. Mons.

Ad huius montis orientale latus situm est primum Sibiriæ oppidum, Verchoturia. sic dictum a fonte Turæ fluminis, quod non procul inde scaturit, et per idem flumen navigatur usque ad alterum flumen maius—Tobol; ex hoc intratur in tertium flumen maximum, cui nomen Irtiscus, ad oppidum Tobolinum, sic dictum, quod contra ostium Toboli, in ortuali Irtisci ripa conditum sit. Numerantur autem a Verchoturia ad hunc locum leucæ fere centum. F. Tura. F. Tobol. F. Irtiscus magnus.

A Tobolino autem ad usque Sibiriæ terminum quot leucae supersint, non ausim affirmare: existimo tamen ingens esse intervallum. Nam qui hiemali tem-

[1]) Historiola.

pore Tobolino Mosquam proficiscuntur, intra duodecim hebdomadas domos suas possunt revisere, quamquam hoc iter tria russiacarum verstarum milia (sive sexcentas leucas) contineat. Qui autem Tobolino in Dauriam, ad ultimam munitionem, dictum Nercinum, proficiscuntur, non solent eadem hieme remeare.

600 Leucae, Dauria. Nercin.

Sibiria in Mosciæ regum ditionem cessit hoc modo. Inter plurimos, qui regis Ioannis Basilii tyrannidem devitantes, omnia latrociniis infestabant, fuit quidam pirata, nomine Iarmacus, qui in flumine Volga et circa ripas viatores spoliabat; sed cum inaudisset validam adversum se militiæ manum appropinquare, relictis suis scaphis, consurrexit cum sociis et orientem versus profectus est. Cumque pervenissent ad oppidum Vicegdam (ubi etiam, sicut ad Camam, sal excoquitur), reperunt ibi quemdam salis negotiatorem, hominem locupletem, cognomento Strogonem, cujus posteri etiamnum ibidem loci commanent: ampla possident praedia et magna tractant negotia, verum nec ad militiam, nec ad curiam vocantur, sed contenti vivunt sua negotiatione et privilegiis, quibus præ aliis negotiatoribus gaudent. Appellantur singulari titulo „Imeníti ljûdi“; in supplicibus tamen ad regem libellis non se inscribunt more nobilium „Cholop twôy“, sed more oppidanorum et villanorum „Syrotà twôy“; quod vocabulum tam significatu, quam aetymologia aequipollet voci *vasallus*, significanti

Vicegda, Salinae.

orphanellum sive pupillum; et tamen hac voce Goti (gens Germanica) omnes summi et infimi, cum suos reges alloquerentur, semetipsos nuncupabant. Ut proinde nemo mirari debeat, si Moscorum nobiles se sui regis *cholopos* nuncupant, cum per hanc vocem plus intelligant, quam per *syrotam* sive vassallum, hoc est non aliud, quam per *slugam*. Sed ut ad Strogones revertamur: pendent illi suo regi amplum quotannis tributum, et in regni statutis praecipua illorum ratio habetur, ut aliquoties nominati et a nonnullis legibus exempti legantur. Quæ privilegia idcirco illis indulta sunt, quod ad Sibiriam acquirendam plurimum contulerunt.

Cum enim memoratus ille negotiator se a latronibus circumventum vidisset, ex necessitate finxit liberalitatem pollicebaturque se illis, tunc et in posterum, commeatum, arma, vestimenta, iumenta et vehicula abunde ministraturum, dummodo negotia ipsius illi non interverterent. Praedones, accepta conditione et secundum pollicita omnibus ad longum iter requisitis liberaliter instructi, progressi sunt ad Sibiriam. Cumque pervenissent ad fluvium Tobolum (vere iam reverso), scaphas sibi fabricaverunt (huius enim artificii non ignari sunt cozaci) et trahis exustis iumentisque trucidatis secundo flumine Tobolo in Irtiscum delati sunt. Moxque munitione erecta praedas de Tataris agebant, et si quos vivos cepissent, ad redemptionem cogebant. Illinc autem leucis

Oppid. Sibir. sex distabat oppidum dictum Sibir, quod inhabitabat Tatarorum quidam regulus nuncupans Kuczùm. Ab hoc Tatari multoties emissi cum cozacis ad praelia deveniebant; sed propter horum arma ignivoma semper fere illi victi recedebant, donec demum nimia Tatarorum multitudine superveniente Iarmacus cum suorum parte occubuit, residui autem cozaci sese in munitionem receperunt. Confestim nuntium ablegant Mosquam, significantes: si rex ipsis perpetratorum scelerum veniam daret et opportunum auxilium mitteret, se ei novum regnum acquisituros. Annuit ille postulatis et praetorem illis cum armis, stipendiis et militum suppetiis ablegavit. Paulo post regulus Kuszum e vivis excessit. Filius autem illius a kozacorum praetore, quasi ad pacis tractanda foedera evocatus, epulis exceptus et inter pocula (quasi pro Moscorum regis salute minus fideliter bibisset) trucidatus fuit.

Oppid. Sibir dirutum. Oppidum autem Sibir a Moscis et Cozacis dirutum.

Ab hoc igitur oppidulo, quod primum fuit acquisitum, Russi illas omnes prope et longe dissitas provincias Sibiriae nomine nuncuparunt, quarum singulae sua habent propria nomina, sive a flumine quo unaquaeque irrigatur, sive a natione, a qua incolitur. Mosci autem postmodum progredientes ad ortum reliquas provincias omnes sui iuris fecerunt, erectis ad flumina passim munitionibus impositisque

Ultimum ad ortum F. Lena. praesidiis. Ultimum ad ortum est flumen Lena, a quo et oppidum et provincia nomen assumpsit. Illinc

praestantiores sobolinae ac nigrarum vulpium pelles proveniunt. Vidi ipse hominem, qui primus supra Lenam munitionem exstruxit provinciamque illam suo Regi tributariam fecit.

Sibiria tribus constat climatibus, ab occasu ad ortum protensis. Clima primum *Boreale*, quod Mari Glaciali alluitur, nullarum terrae frugum neque olerum est ferax, sobolorum tamen et nigrarum vulpium pelles illi(n)c proveniunt. Flumina, quae ab austro ad boream in mare exonerantur. ibi supra modum sunt piscosa: quo enim magis appropinquant mari, eo magis piscibus abundant. Incolae nullo, praeter pisces et cervinam carnem, cibi genere vescuntur. Neque alibi quam ad fluminum ripas habitant. Nullum cernitur domesticorum animalium genus praeter canes, quos trahis levissimis iungere et illis onera transvectare solent. Cervi sunt frequentes, quorum pellibus incolae vestiuntur; hunc tractum Mosci non frequentes incolunt, exceptis oppidis Brezovia, Turuchano, Lena, et si quod est aliud; sed ex proximi climatis oppidis solent emitti milites, qui hic regia tributa exigant: hi solent miseros illos quibusdam munusculis demereri et ab illis vicissim sobolinarum pellium munera pro se ipsis praeter tributa accipere, offerunt illis aciculas, hamos, cultros, secures et alia. Decanis vero villarum (quos *Knezios* vocant) insuper praebent pultes edendas, quibus illi comestis putant se Sybaritarum epulis pastos esse. Est in

Tria Climata Sibiriae.

Dessovages(*sic*).

Canibus trahuntur.

Oppida Brezovia, Turuchano, Lena.

Peninsula Mangazia. illo tractu peninsula nomine Mangazia eratque in illa Moscicum praesidium, ad quod quotannis Tobolino per Irtiscum et Obiam mittebantur octo aut decem rotundae naves, quos *Kocz* vocant, cum commeatu et armis; verum quia bis terve naves illae impegerunt in syrtes et haeserunt, ut commeatus aliaque onera aegre extracta in scaphis ad oppidum vix pertrahi potuerint, idcirco munitio illa nuper destructa fuit et praesidium alio deductum. In hoc boreali climate et in contiguo habitant varii populi, proprio quisque idiomate loquentes, videlicet: Vagulci, Ostiáci, Ziriáni, Brati, Dauri, et si qui sunt alii Omnes autem sunt idololatrae [idola lignea, quas viderunt illi Holandi, qui transire volebant Mare Glaciale ad Chinam inter Novam Zemlam et istas Siberiae regiones]. Idola ipsorum sunt trunci lignei secus vias defixi, quorum summitas aliquam capitis figuram referre vide(a)tur [2]). Affigunt illis pelles sobolinas: quas si qui aliquando Mosci auferebant, non impune id eis cedebat. Mystae illorum nuncupantur Seitannici a Tataris, Samani a suis, et plerique sunt fatidici [hoc est diabolici]. Hos si quis e Russis de rebus sibi eventuris consulat, jubet samanus se ab illo, qui consulit, sagitta vel framea transfigi per latera. Quod ubi factum fuerit, telum corpori infixum haeret: ille autem humum prolapsus per horam

Per Irtiscum flu. et Obyam.

Destructa munitio Mangazia.

Varii populi.

Idololatrae.

Des Sorciers.

---

[2]) videtur.

cruciatur ac spumat. Demum iubet, ut telum extrahat is, qui infixit, neque enim alius potest, et sanguis quidem nullus apparet nec cicatrix, telum autem fervidum fit, ac si ex igne extractum fuisset. Tunc samanus solet multa futura praedicere. Sed observatum fuit, illos, qui dictos hariolos consuluissent, numquam postmodum serio hilares visos fuisse, et infelici exitu terminasse vitam.

Secundum clima.

Alterum clima medium, praedicto contiguum, incolitur a Russis et Tataris. Oppida in eo sunt Vercho turia, Tumenum (Tataricorum regulorum olim sedes), Tara, Tobolinum — metropolis (ubi residet episcopus metropolitanus et praetorum primas, qui reliquis Sibiriae praetoribus imperat), Tomium, Krasnoiarum, Kuzencii, Ienesseium, et alia, in quibus praesident qua bini, qua singuli praetores, seu palatini triennales (a Moscis *voievodae* nuncupati) cum militiis optime instructis; tormenta ignivoma multa habent. In aliis autem munitionibus præsidiorum praefecti resident. Hoc clima est frugum ferax et agricultura in eo facillima: solum enim nulla indiget fimi impinguatione. Rusticus equum lenissimo aratro iunctum propellit et situas idem ipse dirigit et hoc fere currendo peragit. Neque enim humum profundius ultra tres digitos proscindit. Faeni quoque falcandi singularis est ibi modus: falces habent nostratibus breviores et leviores, et manubrio recurvato in utramque partem versatiles. Itaque falcator numquam gratis

Oppida Verchoturia, Tumenum, Tara, Tobolinum.

Oppida Tomium, Krasnoiarum, Kuzencii, Ienesseium.

Hoc clima frugum ferax.

falcem movet, sed ea tam dextrorsum, quam sinistrorsum vibrata, utroque ictu demetit herbam.

In huius et borealis climatis confiniis arbor quaedam nascitur, de genere piceārum, procerissima et rectissima et quae trunci diametro quatuor palmos contineat: cedrum vocant [*Kidr* inveniuntur etiam in nostra Russia ad montem Carpatum, similes pinolis, sed fructus parum minor], nec forsan falso: est enim aedificiis aptissima, et nuces fert affines illis, quas piniolas vocant Itali (quamquam non oblongas), ex quibus oleum exprimitur. In hoc medio tractu sobolinae perpaucae; harmelcinae autem, vulpinae, et alcinae pelles proveniunt plurimae In occidentali autem plaga, ad fines Astrahaniae, reperitur quoddam falconum genus, quos *Krecetos* vocant [rarosi sunt et apud nos]. Maiores sunt communibus falconibus, aspectu vivacissimi, et ad captandas aves praestantissimi. Hos venantur deputati Tatari; et quotquot contigerit per aestatem capi, hieme pro singulis praetor praebet singulas vecturas, in quarum unaquaque unus venator cum sua volucre Mosquam pervehatur. Rex partem pro suo usu retinet, partem solet nomine muneris ad Persarum regem mittere [et ad Turcum et Hanum, aliquando ad reges Poloniae], a quo cum gratiarum actione suscipiuntur. Itinerum duplex est ratio: hieme proficiscuntur super trahas a canibus, sicut praediximus, tractas, sed ob difficultatem nemo hoc iter suscipit,

Sobolinae pelles perpaucae.

Hyeme super trahas a canibus tractas.

nisi praetorum vel regii nuntii. Reliqui viatores aestate sua itinera faciunt per aquas: a Verchoturia secundo flumine Tura, Tobolo et Irtisco, prope mare deferuntur in Obiam; quo flumine adverso intrant Tomum, et cum pervenerint ad quemdam isthmum, sive exiguum terrae spatium inter duo flumina (Tomum et Ienesseium) situm, ibi merces et navigia per terram raptata Ienesseio flumini important, quo secundo ad eiusdem nominis oppidum appellunt, et sic ad reliqua. Hoc iter licet patiatur illud extrahendarum navium incommodum, non tamen caret suis peculiaribus commodis, quia videlicet tum marinorum, tum terrestrium periculorum (quae a tempestatibus, piratis, bellis et latronibus formidantur) est immune.

Aestate per aquas et flu. Tara, Tobolo, Irtisco in Obiam.

Flu. Tomus et Ienesseius.

Perewołoczna

Tertium Sibiriae clima efficiunt campi vastissimi, in quibus Calmaci Nomades sua armenta pascendo vagantur. Sunt autem hi populi diversa natio a Tataris: cum diversa utrisque sint linguarum idiomata, et facies, et superstitiones. Nam Tatari sunt Mahometani; Calmaci autem idololatrae esse videntur. Mysta simplex illis vocatur *Mandzà*, episcopus *Labà*, patriarcha *Kutuchta*. In solennioribus sacrificiis, Mandzà cataphractus, galeatus, arcumque cum sagittis gestans, peragit quosdam motus ac gestus, quasi a furiis incitatus, vertit se in omnes partes et huc atque illuc arcu intenso ac sagitta ad circumstantem spectatorum coronam collimat, omnes-

Tertium clima Sibiriae.

Calmaci vel Calmuci Nomades.

Lingua Calmucorum.

Sunt idololatrae.

Laba, Kutuchta.

que terrore ac tremore replet; tandem derepente sagittam eiaculatur, et si quem sauciat aut occidit, ille beatus esse creditur.

Utuntur Calmaci globulis precatoriis, adinstar nostratium rosariorum [etiam Turcae et Tartari], nisi quod numero a nostris differant, et omnes sint aequales; et quando recitant preces, ad singulos globulos dicunt: *Ommanî Batmechâ*, hoc est Kyrie eleyson; et alia quaedam verba addunt.

Singulis annis cum prima nix ceciderit, illam colligunt, liquefaciunt, et aquam illam ad expiationes per annum asservant. Rationem sui facti reddunt: Quia inquiunt aliquando Deus hominibus de caelo farinam pluebat, sed postmodum propter hominum scelera illud beneficium subtraxit. In huius igitur gratiae et beneficii divini memoriam, nos primam nivem asservamus.

In pileorum autem summitate singuli (quasi ex quadam lege aut religione) gestant floccum rubeum adinstar rosae ex serico vel pannio aliquo adsutum. Causam si quis quaerat, respondent: Deum aliquando in terram descendisse et homines ob peccata reprehendisse; et ab illis insanientibus vulneratum fuisse, ut sanguis copiosus defluceret. In Divini igitur sanguinis honorem se signum illud rubrum in capitibus gestare profitentur.

Referam hic de quodam Calmaco historiolam, quam ab eximiae auctoritatis et fidei viro teste oculato

recitatam audivi. Cum enim quodam tempore ille ipse, qui haec narrabat, a suo rege ad quemdam Calmacorum Taisiam [3]), hoc est Ducem (in Casanensibus campis demorantem), legationem obiret, contigit, ut narrabat, quemdam Calmacum ad ipsum venisse et sacro baptismatis fonte ablui petiisse. Quaerebat orator, a quonam ille conversus, aut quomodo persuasus hanc rem postularet. Respondebat ille se ignorare aliud, nisi quod audivisset christianos (qui baptisati sunt) solos salvari, ideoque supplicare, ut propter Deum se facerent christianum. Orator igitur iussit illum a praesbytero, quem secum habebat, catechizatum baptizari, quo facto homo ille non exibat ex oratorio (hoc est ex tentorio, quod erat ad recitandas preces defixum) ibique assidue Deum precabatur, vix ad cibum sumendum exibat. Ita permansit in oratione continua, donec post aliquos dies ibidem eius corpus exanime repertum fuit. Taisia.

Alter huic similis casus contigit in Sibiria. Praesbyter quidam erat Ienesseii, nomine Demetrius, a natura abstemius et integerrimus vir, mihi familiariter notus, a cuius filio, adolescente permodesto optimeque educato, haec audiebam. Haud procul, inquit, ab oppido Ienesseio habitabat quidam Scytha, qui cum in Dominum Salvatorem ac Deum nostrum Iesum Christum clam credidisset, decreverat sacrum

[3]) Taisam.

baptisma non sine familia expetere, sed per aliquot annos ob uxoris obiurgationes tam pium opus differebat. Demum quodam die praesentiens quodammodo (licet bene valens) sibi de propinquo mortem imminere, iussit famulum una secum, accepto reticulo, scapham conscendere et in quamdam Ienesseii fluminis insulam traiicere quasi piscaturus. Quo cum pervenisset, famulum misit ad Oppidum, ut praesbyterum Demetrium enixe rogaret quanto cius in insulam traiicere, quod haberet ei rem quamdam necessariam dicere, quae moram non pateretur. Praesbyter appulit: Scytha baptizari postulavit; cui respondit non posse id illico fieri, sed opportere illum sex hebdomadis de more catechizari. Subiunxit iste: Non ita, Pater, sed statim me baptiza, quia nunc sum moriturus. Sacerdos igitur illum sacro fonte abluit. Ille vero vix una hora supervivens exspiravit; equum suum praesbytero legavit et in oppido apud ecclesiam tumulari petiit. Mox praesbyter advectis ex oppido sociis cadaver defuncti advexit et terrae mandavit.

Calmuci ab Astracania extenduntur usque ad Cataium.

Calmacorum campus extenditur ab Astrahaniae finibus usque ad Cataium aliquot hebdomadarum itinere vix permeabilis, sed totus sterilis, quia solum arenosum est et salsum, abundat enim lacubus, quorum aqua per aestatem iuxta littora in salem condensari solet [sunt similes lacus in Crimea]; herba crescit quidem, sed humilis; arbores autem non nisi secus fluminum ripas cernuntur. Oves ipsorum maio-

Solum arenosum.

res sunt nostratibus: caudas habent pingues, quarum una duas tresve libras adipis contineat, sed lana illarum est nimis crassa. Salem, quo abundant Calmaci, spernunt, nec ad omnem cibum adhibent, exceptis illis, quae asservata alioquin computrescerent.

Flumina quidem complura ab ipsis defluunt in Sibiriam, sed non sunt ibi tam piscosa, ut hic. Praeterea cum lino et per consequens careant retibus, haud multum piscationi intendunt. Ob eandem lini inopiam non possunt sibi conficere tentoria nostratibus similia, sed pilos vaccarum condensant in quemdam quasi pannum crassum, quod Italis *Feltrum* dicitur, et illo circa Contos humi defixos circumligato formant sibi tuguria, quae *Kibit* vocant. Manent in uno loco, quoad iumentis pascua suppetunt; deinde convastatis omnibus pellunt greges alio. Aestate pascunt in parte australi appropinquando Bucharis, Mungalis et Siriis; autumno autem petunt loca Sibiriae propinquiora ob lignorum copiam. Hinc quidam Taisae (et me quidem ibi praesente duo) ut possent in finitimis illis et dubii iuris terris pacifice commorari pacti sunt Domino Moscorum Regi tributum pendere. Faenum nullum praeparant, sed pecora ipsorum coguntur hieme [etiam in Bigoriali Tartaria] virgultis pasci, iumenta autem ruspando ungulis et nivem hac atque illac disiiciendo miseram herbam quaerunt.

Buchari, Mungali, Syrii.

Quod vero ad militiam attinet, procedunt ad praelia optime armati, hoc est galeati, hastati et squamatis thoracibus cataphracti; utuntur sagittis et frameis, sed brevioribus prae nostratibus et non curvatis: sicas quis dixerit Romanorum, ipsi *sulimas* vocant.

Natio est populosissima, ut putetur, Scythis ipsis seu Tataris haud cedere multitudine. Observatum autem est a Moscis, eo tempore, quo Sibiria subacta fuit, Calmacos aut paucos fuisse, aut non admodum celebres, unum aliquem Taisam seu Ducem habebant; postmodum vero in eam multitudinem excreverunt, quae vix aestimari possit. Idcirco sicut Lipsius de Iudaeis admiratur, quidnam de illis faciendum Divina providentia statuerit, ita de hac quoque natione nonnulli cogitabant (sed aliam ob causam), quidnam ab illis ex arcano Dei decreto nobis exspectandum sit. Notum enim est obscuras quasdam nationes, Gotos, Vandalos, Herolos [4]), Sclavinos, Hunnos, Saracenos, Tataros, Turcos et alios ad exigendas ab aliis populis scelerum paenas, divinitus haud semel fuisse immissos. Auctoritatis summae vir, Morozius Boris, procerum Moscicorum primas, ex me quaerebat, num auditu aut lectu percepissem famam de Altin Tzar, Kon Taisa, Ablai Taisa, Vezurta Taisa, et de aliis Calmacorum tum antiquioribus,

Altin Car, Kon Taisa, rll.

---

4) Herulos.

tum viventibus Taisis sive Ducibus. Dicebam mihi nomina illa eatenus inaudita fuisse. Ille vero mirabatur, si ab historicis europaeis (quorum me putabat esse peritum) tam numerosa ac bellicosa natio silentio fuisset praeterita.

Olim, ut diximus, Calmaci unum habebant principem; nunc habent plures, quos vocant Taisas, quique numerosos ducunt exercitus et inter se interdum bella gerunt. Cum Moscis autem omnes Taisae bonae vicinitatis iura servant, dummodo ipsorum legati benigne tractentur, quod et praestari solet a Moscis diligenter, nec multum constat. Cum enim aliquis Calmacorum legatus Tobolinum advenit, non admittitur ad praetoris praesentiam (nisi veniat a magno sive primario Taisa), sed in suburbio assignatur ei diversorium et emittitur unus secretarius, qui eius propositionem percipiat. Solent autem hi legati non aliam sui adventus causam proponere, nisi ut intelligant de salute Serenissimi Domini Moscorum Regis, et ut significent dominum suum Taisam bene valere et esse promptum ad Regiae Maiestatis Mosciae servitia cum tota sua militia quandocunque et quocunque ire ac militare iubeatur. Tunc legatus tractatur variis potionibus, et praebentur ei cibaria quotidie liberaliter, et in discessu donantur ei duo tresve textus panni communis, et pro Taisa datur pannus praestantior. Legati autem illi eo quod liberaliter tractentur, integris annis ibi hae-

rere solent, licet nihil habeant quod agant. Nonnulli tamen, qui petunt et digni esse videntur, Mosquam pervehuntur, unde cum muneribus praestantioribus solent reverti. Exemplum fidelitatis Calmacorum insigne vidi: cum enim praetor Petrus Gadunius (volens suo Regi singulare quoddam fidelitatis ac solertiae praebere specimen) aliquot mercatores ac milites ablegasset in Cataium cum mercibus Sibiriensibus ibi cummutandis; cumque peracto suo negotio muros Sinenses egressi essent, inaudierunt Calmacos infestino [5]) bello confligere; idcirco iuxta muros dictos substiterunt, donec tutum redeundi tempus eis adveniret; haerebant ita bimestri circiter.

Taisa Selengensis.

Cum autem id intellexissent [6]) Taisa Selengensis (hoc est qui circa ripas Selengae fluminis habitabat), advenit cum sua militia ad mercatores illos timore correptos; secumque illos assumptos usque ad Moscicae ditionis oppidum Ienesseium adduxit, praebitis equis et camelis ad onera transportanda. Misit cum illis suum legatum, qui declararet se esse promptum omni tempore Moscicis sive legatis, sive negotiatoribus in Cataium pergentibus praebere iumenta, quotquot postulaverint, et suam militiam ad custodiam. Ita igitur omnes Taisae amicitiam cum Moscis colunt. Reperiuntur tamen nonnulli praedones, qui nulli Taisae obtemperant, et hi interdum Moscis

---

[5]) intestino. [6]) intellexisset.

faciunt negotium, praesertim circa oppida Taram et Krasnoiarum, tempore messis, depraedando ac captivando agricolas.

Praetor Tobolensis quotannis adverso Irtisco emittit classem quadraginta et plurium navium veliferarum in Calmaciam ad lacum salsum, qui flumini est propinquior. Iter absolvitur quadrimestri, ibi praestolatur aliquis Taisa (Ancias [7]) vocabatur nuper) cum suo ulutio [8]) sive tribu sibi subdito [9]), quod enim Tataris Orda, hoc Calmacis ulus dicitur [Orda en Arabe c'est le campement; Calmuciis Ulus]. Mosci quamprimum appellunt explosis iterumque repletis tormentis fistulisque manualibus excendunt, Taisam salutant et datis acceptisque obsidibus exstruunt eodem die in litore munitionem, ex qua adductis tormentis se contra perfidiam defendere possint. Sale de lacu collecto navigia onerant, merces commutant, non vendunt: neque enim in nundinis illis est usus pecuniae; Mosci advectant merces omnis generis. Calmaci offerunt pecora, iumenta et melotas [10]) suas et casaiensem [11]) tabacum; vendunt etiam servos, ancillas, agnatos et liberos proprios. Qui si tristentur, dicunt ad illos: vade, miser, hilariter, quia melius ibi tibi erit, non enim ita famem patieris, sicut apud nos pateris. Itaque nullus est in Sibiria alicuius facultatis vir, qui non unum vel plures Cal-

---

7) Ancian 8) Ulusio. 9) subdita. 10) melotes. 11) Cataiensem.

macos servos ancillasve habeat. Demum oneratis sale navibus et nundinis peractis, obsides utrinque recipiuntur, et Mosci datis Taisae munusculis explosisque tormentis a litore solvunt.

Bucharorum negotiatores.

Adesse autem semper solent in eodem mercatu Bucharorum negotiatores, qui eo loco nihil negotiantur, sed cum mercibus suis in Moscorum classe Tobolinum devehunt. Sunt autem Buchari non tam Scythica [gens] et barbara ut Tatari; licet lingua utantur scythica et Machometanae sint superstitioni addicti. Statura sunt proceri ac facie venusti [12]), bellis, praedis ac latrociniis haud gaudent: mercaturae et agriculturae student. Habitant in muratis oppidis et regem habent proprium [Uzbek]. Verum tamen quia minime bellicosi sunt, coguntur Calmacis tributum pendere, ut se a vexatione redimant. Horum negotiatores frequentant Cataium et illinc hieme supra camelos, aestate autem in navibus (sicut praediximus) advectant merces suas Tobolinum, scilicet gossipium et pannos cossipinos variis coloribus tinctos, quos Mosci *kitaicas* appellant [13]). Advectant et cinnamomum, sed crassum et vile, et genus quoddam aromatis dictum BADIAN, quod in Sibiria paucos ante annos innotuit. Usum illius alium Mosci nesciunt, nisi ut aquam vitae illo condiant, quae exinde fit dulcis quasi sacharo

Les estofes de Buchar.

Badian, Annizium stellatum

[12]) venusta. [13]) vocant.

condita esset. Quidam autem curiosus enixius illud probare conatus est et affirmabat sibi videri idoneum ad potum aegrotantibus (loco usitati decocti hordeacei) porrigendum. Vim enim exhilarandi illius habere dicebat et Turcico Kave Sinensique *Cia* [14]) virtute comparandum. Sed et Cià iidem negotiatores advectant, quod quidem eundem usum praestat, quem kave, sed diversa est planta. Advectant et tabacum cataiensem adeo subtiliter concisum, ut cum capillis humanis subtilitate certet. Multi ob subtilitatem non credebant esse tabacum, donec Russi negotiatores constanter affirmarunt, se oculis inspexisse, ubi Cataienses tabaci folia ad illum modum concidebant. Est autem idem tabacus coloribus fusco, flavo et viridi tinctus; fuscus suavissimum exhalat odorem et ad inebriandum fortior est reliquis, ut qui capite debiliores sunt, ab illo abstinere cogantur. Maceratur autem, ut referunt, in sachari fecibus. Solent Cataienses et ab illis edocti Russi miro modo tabaci fumo se inebriare, ex quo concidunt et quasi energumeni [15]) tremunt. Multi illo modo animas exhalarunt. Cataianses tamen (multis exemplis eruditi) tali periculo carent, habent enim quasdam fistulas aereas, quarum otificium [16]) dimidium putaminis avellanae nucis haud adaequet, qua fistula repleta ac exhausta (ob ....parvitatem) [17]) periculo carent.

Cia sive The.

Tabacum Cataiense.

---

14) Ciai. 15) energameni. 16) orificium. 17) ob doseos parvitatem.

Gemmae Bucharorum.

Advectant denique Buchari gemmas et illis imperitos incautosque emptores circumvenire miris solent modis. Crystallum enim variis coloribus tinctum ostendant, quod in varias figuras efformatum gemmas quasi rudes ac inelaboratas exhibet una cum earum radicibus sive cum adhaerentibus quibusdam sordibus seu maculis, ut videantur recenter e montibus erutae. Singulae gemmae diversis figuris fusae ac effigiatae sunt, ut inter centum nulla sit alteri figura similis; qua varietate visa emptores facile decipiuntur. Narrabo unum casum. Tribunus quidam Germanus venerat ad Bucharum, petiit gemmas, elegit haud paucas et persoluto pretio domum rediit gaudens. Advocavit alium Bucharum, civem Tobolensem, regiorum falconariorum praefectum, nomine Asbakeium. Quaesivit ex illo, quam bene mercatus esset, et quodnam esset Mosquae illarum gemmarum pretium. Asbakeius detracto mox annulo gemmam unam, alteram ac tertiam adamante attrivit (in quibus illico sulci apparuerunt) et respondit: vides, inquit, hos sulcos? Scito non esse gemmas, sed crystallum. Si enim essent gemmae, adamas eas haud apprehenderet, nec sulci fierent. Tribunus citavit negotiatorem ad tribunal; sed nihil profecit, quia ille se non [18]) adulterinas, sed alias sinceras gemmas vendidisse aiebat. Accedat hic alia, sed de metallariorum ne-

---

[18]) illas.

quitia fabula. In oppido Tula aderant duo ferri fodinarum operarii, qui composita fraude libellum porrexerant, indicantes se reperisse argenti venam [19]); edere specimen lucri laudatos a se lapides igni adhibuerunt et nonnihil argenti eliquati exhibuerunt. ....Mosquam et cum coram curiae ministris iterum iterumque facere experimentum nihil argenti excoquere potuerunt. Rapti igitur ad torturam confessi sunt, se prima vice argentum terrae immiscuisse idemque eliquatum exhibuisse. Itaque taureis castigati Tobolinum deportati fuerunt. Eodem tempore in districtu Tobolensi in coenobio quodam (supra flumen Isettrum [20]) sito) non procul a monte illo, qui (ut diximus [21]) Astrahaniam a Sibiria dirimit) erat monachus quidam magus, vocabulo Iob, qui praedicabat, se e lapidibus vicini montis argentum excoquere, quod et vendebat particulatim conflatum. Sciendum enim est Tataris Sibiriensibus in more esse, ut cum nobilioribus viris arma et vasa argentea et equorum ornamenta sepeliant addita interdum etiam pecunia [22]). Cum ibi essem, obiit quidam Bucharus, vocabulo [23]) Murat. Fama ferebatur octo milia rublo-

[19]) iussi edere specimen, laudatos a se lapides igni adhibuerunt et nonnihil argenti eliquati exhibuerunt. Missi Mosquam et iussi coram curiae ministris etc. [20]) Isettum. [21]) praediximus. [22]) На послѣдней страницѣ основной рукописи № 66 это мѣсто читается такъ: Sciendum est Tartaris Sibiriensibus (et Bucharis) in more esse, ut cum nobilioribus viris arma et vaza aurea et argentea et equorum ornamenta sepeliant, addita interdum etiam pecunia. Etiam in Podolia, Ukraina, Moldavia inveniuntur talia. [23]) appellatione.

rum (id est aureorum) cum illo fuisse sepulta. Illius sepulcrum cum quidam Mosci milites tentassent refodere et accusati fuissent, taureis castigati fuerunt. Exstant autem in Sibiria [24]) antiquorum Scytharum sepulcra ignota, supra quae iam virgulta aut silvae enatae sunt, quaeque non aliter, quam magica daemoniorum ope reperiri possint. Nonnulli igitur se propterea magiae addicunt et repertis talibus sepulturis interdum nonnihil argenti effodiunt. Ipse vidi vasa argentea eo modo effossa. Supradictus igitur monachus Iob hac ratione argentum acquirebat et, ne magiae suspectus esset, vasa effossa conflabat et vendebat, mentiens se argentum de montis praedicti lapidibus conflare [25]). Advenerat eo tempore Tobolinum praetor quidam, qui et ipse magus erat, et daemonium annulo, ut vocant, inclusum habebat. Hic ad montem illum, ex quo monachus Iob argentum conquirere ferebatur, misit milites, qui multos illi [26]) lapides adferrent, qui quidem ad instar argenti splendescebant, sed nihil erant aliud, quam inutile [27]). Unum e lapidibus illis sumptum coram frequentibus convivis ostentabat et ductis ex imo pectore suspiriis dicebat, se desiderare, ut posset cognoscere, quidnam ibi lateret. Interea ex composito aderant illi duo relegati metellarii [28]) nebulones, quibus ille

---

[24]) passim. [25]) de montis praedicti lapidibus argentum conflare. [26]) ei. [27]) quam friabile et inutile talcum. [28]) metallarii.

quasi ex inopinato aspectis [29]) exclamavit: „Heus, vos bene adestis! Dicite mihi quaeso, quid putetis in hoc lapide contineri?“ Responderunt illi: „Domine, fieri nequit, quin hic sit argentum, et quidem copiosum“. Subdidit ille: „Conflate igitur vos et elicite argentum“. Responderunt: „Non posse id fieri, nisi prius curarentur ex Hollandia advehi quaedam mineralia corpora, quae ad talem operationem requirantur“. Quibus auxiliis [30]) quidam conviva dixit: „Domine, noli istis credere, ego enim tibi in hac civitate inveniam tres et plures fabros argentarios, qui tibi poterunt hodie perfectum [31]) experimentum sive probationem facere“. At ille ira commotus acriter convivam obiurgavit, quaerens, ubi studuisset arti metallariae, et quis eum constituisset fabrum argentarium. Ad Regem autem scripsit, esse talem montem plenum lapidibus, qui toti argento resplenderent, et ex quibus quidam monachus saepe argentum conflasset. Rex his perceptis statim misso in Saxoniam nuntio peritum aliquem metallarium accersiri iussit. Venit quidem magus occultus, ex illorum numero, qui se Roseae Crucis Fratres vocitant; paulo post et praetor Mosquam revocatus iussusque fuit suum laudatum lapidem exhibere, quem metallarius coram Rege probaret. Porrexit ille, accepit iste, et mox iniectum mortario comminuit, igni

[29]) conspectis. [30]) auditis. [31]) poterunt hodie experimentum sive probationem facere.

adhibuit et conflabat. Aderat Rex et consiliariorum primas, qui fixis oculis inspiciebat, ne qua fraus interveniret. Tandem peracta liquatione metallarius inventam in fundo unam alteramque argenti unciam protulit. Sed res gesta fuit per fraudem, a duobus praedictis compositam magis. Praetor enim lapidem [32]) illum subula perforatum et excavatum argenti limatura repleverat et foramen eodem lapide dextre obturaverat. Metallarius autem fraudis conscius (cuius etiam intererat Regem decipere, quo diutius peramplo stipendio frueretur) lapidem minime circumspectum contundere festinavit, ne foramen et fraus patesceret. Itaque Rex eundem metallarium additis ei aliis eiusdem profectionis [33]) sociis et militum duabus cohortibus ad praememoratum Sibiriae montem misit. Ibi anno vertente et amplius commorati omnem lapidem moverunt, coxerunt, conflarunt, sed nullam argenti micam excoxerunt. Monacho autem [34]) illo impostore (nam iussus aderat) mori sub flagris coacto, Mosquam recesserunt. Praetor paulo post a latronibus occisus periit. Metallarius aliquamdiu subtracto sibi stipendio in suburbio Germanico omnibus invisus haerebat.

Addatur et altera de alchimistis fabella. Erat Mosquae medicus quidam, mihi notus familiariter. Hic principio belli illius, quod Turci adversus Ve-

---

[32]) friabilem. [33]) professionis. [34]) igitur.

netos gesserunt, degebat Constantinopoli in familia Oratoris Veneti et fuga elapsus pervenit in Podoliam, ubi a viro nobili [Paulo] Potocio [35]) [post castellano Camenecensi] in curia Czartkovo [Czartkoviensi] liberaliter tractabatur, donec una cum domino suo Mosquam captivus fuit adductus. Ille igitur referebat: Fama, inquit, ferebatur Constantinopoli de quodam pharmocopola, quod esset aurifactoriæ artis peritus. Ego igitur et quidam patricius Venetus illam multoties advocatum omni humanitatis genere tractabamus, et muneribus alliciebamus, ut nos suae artis faceret participes. Fatebatur ille: se artem callere, non tamen facile cuiquam revelaturum. Nos instabamus, ut nobis saltem aliquod dictæ artis specimen exhiberet. Ille petiit aliquos aureos ad mineralia quaedam corpora, ut aiebat, comparanda. Postmodum attulit nobis quemdam pulverem, quem iussit cum certa quantitate hydrargyri vasi iniectum ad ignem conflari. Nos, quod iussi eramus, fecimus et in vase aurum invenimus. Non tamen plus aut minus, quam quot aureos dederamus. Hæc operatio tertio et quarto a nobis iterata, et auri semper plus vel minus inventum fuit, secundum pondus aureorum, quos pharmocopolae pro pulvere dabamus. Hydrargyrum autem et ligna (quae Constantinopoli ad pondus comparantur) et labor noster abibat in vanum. Tan-

35) ubi a viro nobili N. Potocio in curia Czartkovo liberaliter tractabatur

dem nos impatientia commoti serio illum alloquebamur, ne nos diutius vana spe traheret, sed simpliciter veritatem fateretur. Respondit ille: accipe, inquit, aureos tres, aut quot volueris, et vespere, quando decubiturus es, pone illos supra mensam, circumscribe circulum et adde verba haec (N: N:), et mane cum surrexeris, aurum quidem in mensa nullum reperies, sed loco illius pulverem habebis, plus vel minus pro quantitate auri appositi. Hunc pulverem, si eo modo, quo nostis, adhibueris, aurum tuum, quod in mensa disparuit, eodem pondere in tuo vase reperies.

Liceat et tertiam addere praemissae geminam narrationem. Cui enim Ioannis Caramuelis ignotum est nomen, viri tota Europa celeberrimi? Qui cum in urbe esset et die quodam (quo et ipse aderam), cum famulus significasset, adesse hospitem, virum nobilem, incognitum, ad socium ille suum et ad me dixit: Secedite vos in interius cubiculum, ego istum quisquis sit tribus verbis expediam. Sed vix duabus horis expedivit. Ingressus enim ille: Quoniam, inquit, Reverendissime Abbas, tota Europa te ob ingenium eruditionemque tuam quasi phenicem admiratur; idcirco ego quoque tuae sapientiae auscultandae avidus esse [36]) adsum. Supplico autem tuae humanitati, ut unicam mihi resolvas quaestionem. *Caramuel*: Quidnam tale?

---

[36]) было *esse*, поправлено на *ecce*.

Hospes. Cupio a te audire, an aurum arte confici possit, nec ne? *Caramuel:* Quid iubes, Domine, ut tibi probem? Posse id fieri, an non posse? *Hospes:* Neutrum ipse determino. Sed quaeso [37]) intelligere, quid tu sentias. *Caramuel.* Ego quoque nihil definio, sed in utramque partem paratus sum, et ad [38]) quod tu iusseris, argumentis tibi probare conabor. *Hospes.* Domine Abbas, ut video, mecum iocaris; sed quaeso, ut missis facetiis sententiam mihi tuam candide aperias. *Caramuel.* Ego vero minime iocor, sed alchimistarum (de quorum te numero unum esse suspicor) ingenium tibi ob oculos pono. Vos enim, domini alchimistae, adeo opinionis vestrae tenaces estis, ut etiamsi omnes sancti Seraphini coelitus descenderent et vobis probare niterentur rem quam vos inquiritis factu esse impossibilem, vos illis haudquamquam crederetis. Quomodo igitur vobis ego persuasero id, quod nec coelites persuaderent?—Post multa demum hinc inde dicta, referebat hospes, qua occasione ipse animum ad alchimiae studium adiecisset. „In civitatem, inquit, quam ipse incolo, advenit quidam Romipeta, qui pulsatis aedium mearum foribus admissus alloquebatur me: Domine, sum, inquit, genere Germanus, arte faber argentarius, peto urbem ad visitandae [39]) voto Apostolorum limina. Cupio in hac vestra urbe visitare loca pia, sed pecunia careo,

---

37) quaero. 38) id. 39) ex.

qua diversorium persolverem. Supplico tuae Nobilitati, ut mihi triduo praebeas panem et hospitium. Ego porrexi homini clavem et assignavi cubiculum in quo sua libertate uteretur; exibat summo mane, redibat ad coenas. Quarto die vocavit me ad suum cubiculum, petiit, ut emerem aliquot uncias hydrargyri; quod cum adlatum esset, vasi idoneo infudit, pulverem quẽndam adspersit, coopertum ad ignem ibidem succensum applicuit et ad me dixit: Domine, cras in hoc vase inveniemus egregium ientaculum. Ego discessi, summo mane ille [40]) domo exivit et die ac nocte sequente emansit. Ego altero die effracta sera cubiculum ingressus inspexi, quidnam in illo praedicto vase esset, et reperi frustum auri, quod quinquaginta [41]) aureos pondere superabat; ostendi [42]) illud metallorum peritis, qui factis omnibus experimentis affirmabant aurum esse obrisum [43]). Ex illo igitur tempore ego viso tam illustri exemplo ad alchimiam animum studiumque meum applicui. Multum laboravi, multos sumptos feci, sed nihil hactenus profeci". *Caramuel:* De illo Romipeta [44]) quidnam factum est? *Hospes:* Ego illum curavi in omnibus ecclesiis et xenodochiis et cauponis inquiri, cursorem quoque per viam Urbanam expedivi, sed nemo repertus fuit qui illum a se visum fuisse assereret.

---

[40]) ille summo mane. [41]) 50. [42]) ostendi. [43]) obryzum [44]) Romipeta illo.

Caramuel: Nonne igitur perspicis, Domine, istum non hominem fuisse, sed angelum, atrum tamen, non album; utpote qui nusquam, nisi in aedibus tuis visus fuerit? Si enim ille, teste Apostolo, in angelum lucis se transformare potest, cur non potuerit tibi humani corporis forma larvatus illudere? Existimo enim te a misericordiae operibus haud alienum fuisse, utpote qui homini peregrino tam liberaliter, ut narras, hospitium praebuisti, Sathanas igitur, ut te a misericordiae virtute abalienaret [45]), diametrice exposito [46]) avaritiae vicio manciparet; ista tali impostura te in fraudem induxit.

Quartum magicae imposturae exemplum. Tobolini degebat militum quidam tribunus (quem hic Antonium appellabo), eximiae auctoritatis vir. Ad hunc quodam die venerat alter tribunus, qui referebat se habere librum mole exiguum, sed virtute magnum. Quotiescunque enim inquiebat illum perlegi [47]), per triginta dies securus vivo ab omni armorum documento [48]) et coram quibusvis dominis gratus et in omni lite victor ero. Auctor autem libri est quidam papa. Ad ista supervenit quidam catholicus; tunc Antonius ad illum: Ho, ho, Domine Pontificie, recte advenisti, dum [49]) te cepi. Ecce quales doctrinas vestri pontifices in publicum emittunt. Quibus verbis directe quidem catholicus [50]) (ut putabat) obli-

45) alienaret. 46) opposito. 47) perlego. 48) nocumento. 49) iam. 50) catholicum

que autem suum illum collegam petebat, tanquam magum. Respondit catholicus: Istud quidem nulla ratione est verum, quia summi pontifices talia scripta maledicunt et sub excommunicationis censura legi vetant. Tunc magus ille tribunus: Atqui, inquit, ego tibi ostendam ipsum libri titulum. Moxque prosiliens domum abiit et cum libro rediit. Erat autem auctor libro praescriptus Bernardus Papa. Tum catholicus exclamavit: Ecce, inquit, palpabile putidumque mendacium. Neque enim unquam inter summos pontifices fuit, qui Bernardi nomine nuncuparetur. Testes invoco centuriarum Magdeburgensium auctores et illarum abbreviatorem Ioannem Micrelium, quem, si lubet, confestim vobis producam. Ibi enim legitur omnium pontificum catalogus, sed nullus invenitur Bernardus. Et in hoc mihi fidem adstruent omnes (cuiuscunque confessionis viri [51])) historici. Deinde conversus ad Antonium dixit: Domine tribune, attende, quaeso, et observa: quod nunquam Deus tantam potestatem permittit satanae in tentandis hominibus, quin vir prudens et de sua salute sollicitus possit fraudem animadvertere; si modo sollicite ingruentem sibi tentationem perpenderit [52]). Quod quidem in hoc magico libro manifeste liquet. Magus enim ille, qui ipsum conscripsit, licet haberet potestatem inscribendi summum pontificem, non

---

51) sint. 52) perpenderit tentationem.

tamen permissus est aliquod verum cuiuscunque pontificis proferre nomen, ut ita satanae fallacia ex ipsa statim [53]) codicis fronte appareret.

Subiungatur hic brevis disputatio, eo quod ibidem contigerit inter dictos Antonium et catholicum, quem appellabo Petrum. Antonius erat de reformata, ut vocant, ecclesia, qui cum quadam vice assereret patres sanctos fuisse homines, potuisse errare ut homines, et errare [54]) in multis ut homines. *Petrus* dixit: Calvinus et Luterus fueruntne homines? *Antonius:* Quid tum? *Petrus:* Ergo et ipsi errarunt ut homines. — Fortasse errarunt. — *Petrus:* Tu vero iniquus es iudex. Sanctos enim categorice dixisti errasse, Calvinum vero [55]) hypothetice et dubitative: forte, ais, erravit. Cum tamen illi fuerint sancti et iste minime. Verumtamen attende, quod utrumvis dixeris in idem incommodum prolaberis. Si enim categorice ais Calvinum errasse, et tamen eius doctrinam sectaris ac tueris: Ergo ipse tu etiam (et quidem sciens ac volens) erras. Si vero ais dubitative, forte Calvinus erravit, et tamen eandem doctrinam amplecteris de cuius veritate ambigis: fides tua ambigua est et incerta, imo est non fides, sed illusoria opinio. *Antonius:* Ego soli Sacrae Scripturae credo. Papae enim [56]) et concilio et Augustino et Calvino atque adeo omni homini non plus credo,

---

[53]) statim пропущено. [54]) errasse. [55]) autem. [56]) autem.

nisi quantum quis cum scriptura concordat. *Petrus:* Sed nostine tu iudicare, quinam concordent aut non? *Antonius:* Novi per Dei gratiam. *Petrus:* Ergo tu es iudex omnium? Et plus, quam pontifex, qui et pontificem ipsum, et omnes alios condemnas et iudicas. *Antonius:* Tu quoque facis idem, nam dum pontifici adhaeres, utrique cum [57]) iudicio proprio et non coactione facis, et pontificem quidem iudicas esse veracem, reliquos autem omnes condemnas ut fallaces. *Petrus:* At magnum est discrimen inter nos: ego enim (cum catholicis) omnes (praeter pontificem et qui cum illo unanimes sunt) iudico esse fallaces, idque non propria, sed ecclesiae auctoritate fretus. Ecclesiam autem ipsam nullo modo iudico, in aliquo particulari articulo nec examino, sed simpliciter credo, ipsam esse infallibilem nunquamque [58]) errasse nec errare posse. Quoniam credo Salvatori promittenti: „Portae inferi non praevallebunt adversus eam“ et Apostolo dicenti: „Ecclesia est columna et firmamentum veritatis“, ideoque obtempero Domino iubenti: „Si autem Ecclesiam non audierit, sit tibi sicut Ethnicus et Publicanus“; et omnes qui Ecclesiam non audiunt censeo ut ethnicos et publicanos. Ipse autem Ecclesiam in nullo articulo diiudico nec quidquam eorum quae illa ad credendum proponit discutio. Sed clausis frontis ac mentis oculis (tutis-

57) id. 58) nunquam.

sima et [59]) tranquilissima conscientia) omnia, quae illa credi iubet, amplector simpliciterque credo. „Ut iumentum factus sum apud te et ego semper tecum". Psal. 72. At vero tu tuam reformatam ecclesiam (quatenus visibilis est), scilicet omnes pastores et libros discutis et examinas et ais potuisse et posse errare: ex hoc autem recte dubitativa conclusio infertur: Ergo fortasse errarunt; atsi fortasse errarunt, fides ergo tua fortasse erronea est [60]). *Antonius:* Ego non credo visibili Ecclesiae (sive hominibus et libris visibilibus), sed invisibili Ecclesiae sive spiritui, qui me docet recte capere sensum Sacrae Scripturae. *Petr.:* Quis ergo aut qualis est ille spiritus? *Anton.:* Est meus spiritus proprius a Deo mihi donatus, quem vocant privatum spiritum sive internum iudicium, quod nil [61]) est aliud quam Dei gratia, quae me docet intelligere scripturas et omnem veritatem secundum illud: „Ille vos deducet in omnem veritatem". *Petrus:* Valde falleris, quia hoc non cuiquum privato sed Ecclesiae congregatae [62]) promissum est et maxime illius capiti: „Ubicunque fuerint duo aut tres congregati in nomine Meo, in medio illorum sum". Alioquin enim etiam omnes patres, quos tu condemnas [63]), habuerunt singuli suos spiritus proprios et cum Apostolo (forte rectius, quam tu, vel Calvinus) dicebant: „Puto autem quod et

---

59) ac. 60) certo autem incerta est. 61) nihil. 62) sed Apostolis congregatis et in illis Ecclesiae congregatae. 63) condemnasti

ego Spiritum Dei habeam", et tamen (nihil obstantibus tot privatis spiritibus) omnes te iudice errarunt. Quidni igitur et te tuus privatus spiritus in errorem inducere possit, si tot illos ac tales viros sanctos ipsorum privati spiritus in plurimos errores (ut tu quidem ais) induxerunt?—Ut cum *Antonius* aliquantum reticuisset [64]), cogitans, quidnam responderet, prosequendo dixit *Petrus:* Videris sentire vim argumenti, sed quidquid dixeris, huic te nunquam applicabis [65]). Hoc igitur nunc non urgeo, concedo tibi tempus ad meditandum; unum saltem quaero ex te: exstatne aliquis in orbe liber doctrinae (praeter Sacram Scripturam) qui te iudice sit ab omni errore immunis et cui possit homo tuto suam conscientiam et negotium salutis confidere; et nominatim quaero: Institutiones Calvini suntne ab omni errore immunes? *Ant.:* Respondeo tibi, sicut et antea respondi: immunes sunt, si et in quantum cum Sacra Scriptura concordant. *Petrus:* Rursum mihi ad priora et iam discussa relaberis; hoc enim ipsum quaero ex te: An institutiones Calvini in omnibus verbis suis perfecte concordent cum Scriptura, nec ne? Ad hoc mihi responde. *Antonius:* Ego illas verbatim nondum examinavi. *Petr.:* Vide ergo iam, ne et Calvino et tuae ecclesiae pastoribus insignem facias iniuriam, et ne fides tua sit incerta, dubia et nulla,

64) Hic cum Antonius aliquantum haesisset. 65) hinc te nunquam explicabis.

si verum [66]) institutiones dictae non nisi ac praemium earum examine ab erroribus sunt immunes [67]) et nondum sunt examinatae: suspectae ergo sunt falsitatis et quare illas dicti pastores tamdiu non [68]) se cum Scriptura contulerunt, et tu ipse quare non contulisti, sed et illi in scholis et pulpitis categorice eas praelegunt et praedicant. Et tu ipse quare liberis tuis illas et praelegis et legi iubes? An forte singuli auditores (priusquam dictis institutionibus credant) singulis vicibus pro singulis verbis debebunt Sacram Scripturam evolvere et spiritum privatum consulere? Et si aliqui forte id fecerint, rustici quid a concione reduces facient, qui Scripturam nec habent, nec legere norunt. Si ita est, ut tu narras, profecto debebant vestri superattendentes et theologi dictas institutiones antea verbatim examinare et cum dictamine privati spiritus ad Sacram Scripturam conferre, et si illas omnino puras deprehendissent. debebant eis perhibere testimonium. Sin vero aliqua menda reperissent, illa debebant expungere. Quod cum illi nunquam fecerint, sed rem suspectam (per tot annos a Calvini obitu) publice categorice et authentice praedicarent [69]) magno profecto (socordiae ne dicam, an fallaciae et deceptionis) crimine se obstrinxerunt. Cuius tu quoque ipse quoad tuam

---

[66]) enim. [67]) non nisi supposito ac praemisso earum examine ab erroribus sunt immunes. [68]) examinarunt, nec cum Scriptura contulerunt? [69]) praedicarint.

familiam reus es. *Anton.:* At ego meae familiolae [70]) sicubi dubitant ac quaerunt facile verum sensum aperio. *Petrus:* Et illi tenentur tibi credere? *Anton.:* Et de hoc dubitas? *Petrus:* Nam [71]) forsan ego quoque tenebor tibi credere, si me in aliquo docueris? *Anton.:* Nullum dubium quidem si te Deus illuminaverit. Non enim mihi, sed Divino Spiritui me docenti credes. *Petrus:* Heu, quam incohaerentia loqueris. Nam primo quid si meus privatus spiritus aliud mihi dictaret, quam tuus tibi? Caeterum est: quod tu non teneris credere papae nec concilio, nec patribus sanctis, imo nec suis superattendentibus et theologis nec ipsi Calvino. Quare? Quia sunt homines et visibiles et libri illorum Sive institutiones tuae pariter visibiles sunt. Ego autem teneor credere tibi qui tamen et ipse atque ut illi homo es et visibilis es et institutiones tuae visibiles sunt. O Domine mi, nimis tarde et tu ambo surreximus, ut iam post sedecim centennia in hoc saeculorum fine postquam tot Sancti pontifices (ut tu vis) et Martyres et patres et concilia una cum suis privatis spiritibus (ut tu quidem praedicas) errarunt, postquam et reformator ipse vestrae ecclesiae et eius successores certi aut securi nihil attulerant, sed omnia manent adhuc a te examinanda, ut inquam iam nunc ego credam te solum possidere veritatem, te solum non errare et tuum

---

70) familiae. 71) Num.

privatum spiritum solum nec velle fallere nec posse: licet tot innumerabiles alii spiritus tot viros pios et sanctos in plurimos errores induxerint. Nolite credere omni spiritui, sed probate, utrum ex Deo sint. Sed haec hactenus.

Munitio Moscha supra fluvium Singalum ad fines Catai.

Ante annos 30 et aliquot exstruxerant Mosci munitionem prope Orientalem Oceanum supra fluvium Singâlum, ex qua regis Cataiensium subditos infestabant cogendo eos sub tributum. Missa autem a dicto rege classis ex oceano per ostium dicti fluminis ad munitionem appulit eamque oppugnare milites coeperunt tum tormentis, tum manualibus fistulis ignivomis. Mosci autem intra parietes se continentes illorum multos eiusdem modi iaculis prostraverunt. Sed cum eos pulvis iaculatorius defecisset munitione relicta abierunt. Cataienses eos persecuti non sunt, sed munitione demolita ipsi quoque reversi sunt domos suas.

Munitio Nercin. Dauri et Nicani.

Verum quia postmodum ex alia munitione dicta Nercin Mosci eosdem Cataiensium subditos (qui Dauri et Nicani dicuntur) vexabant, rex Cataii ante 10 circiter annos ad Nercini praefectum misit nuntium, qui postulabat, ut praefectus ab ipso acciperet obsides et concederet ei duos tresve Moscios [72]) milites suos ad regem perducendos. Quia inquiebat nostri regis subditi tributa pendere [73]) tergiversantur

---

[72]) Moscicos. [73]) pensitare.

eo, quod a vobis etiam exactione molestentur. Rex autem illis credere nequit, sed oculari experimento vult certiorari; etsi ita est, vult per vestros homines ad regem vestrum mandata pacifica perferenda dare de finibus dirimendis [74]). Praefectus tres concessit milites, qui narrabant se a Nercino usque ad murum et portum Cataii quatuor hebdomadis, a muro autem usque ad regiam urbem Kambalik sex hebdomadarum itinere pervenire [75]). Cumque ad regem adducti et ab illo curiose inspecti fuissent muneribus affecti fuerunt et mandatum illis, ut suum regem admonerent, ut legatum mitteret cum potestate, cum quo possent regnorum fines designari et de tranquilla vicinitate foedus uniri [76]). Reversi illi Mosquam pervenerunt et literas quoque sinensibus [77]) characteribus scriptas attulerunt, sed [78]) quarum lector reperiri nullus potuit. Elapso deinde fere triennio misit Moscus [79]) rex illuc legatum quendam Graecum cognomento Spatharium cum potestate [80]) finium et foederis de futura negotiatione ineundi. Is cum Tobolino transiret narrabat: adfuisse Mosquae duos Societatis IESU sacerdotes, sedis Apostolicae missionarios, qui regi supplicabant, ut liceret eis cum dicta legatione Pokinum [81]) proficisci, verum quia incertum

A Nercino ad murum 4 septimanae.

Legatus Spatharius.

---

74) ... vult per vestros homines de finibus dirimendis ad regem vestrum mandata pacifica perferenda dare. 75) pervenisse. 76) iniri. 77) siriensibus. 78) sed нѣтъ. 79) Mosciae. 80) Nerciscundorum. 81) Pekinum.

erat, qualem legatio exitum sortitura esset (cum et via eatenus ignoraretur) dictis illis patribus facultas illa non fuit concessa, sed missi fuerunt per Astrahanum [82]) in Persiam. Mihi tamen, dicebat Spatharius, Serenissimus praecepit, ut in reditu si qui Societatis IESU patres Pekino voluerint mecum in Europam reverti, ut illos quotquot fuerint assumam et liberaliter tractem. Pervenit ille ad Cataium et, cum murum penetrasset, rescripsit Mosquam. Quid postmodum de illo factum sit, mihi non constat.

Tribunus Polonus.

Ante annos 20 et plures in oppido Ienesseio militum tribunus erat quidam Polonus, cuius sororem virginem cum quidam praetor defloraſſet indignatione ille ex facdo facinore commotus socios ad seditionem concitavit. Qui proinde praetore trucidato et mercatorum tabernis direptis oppido excedentes ad austrum porrexerunt. Et emensi multorum dierum iter, supra fluvium dictum Abazin munitionem construxerunt. Cumque per decennium habitationem sibi firmassent, misso Mosquam donativo Regiae Maiestati supplicabant, ut admissi facinoris culpam ipsis ignosceret; se vero spondebant quotannis tributa a provincialibus exacturos ac ad regem missuros. Rex igitur venia illis data praedictum tribunum praetoris titulo ornavit et Ienesseiensi prae-

Fluvius Abazyn.

82) Astrahaniam.

tori mandavit, ut illis de necessariis, quibus indigerent, provideret.

Horum exemplum paucos post annos secutus est miles quidam gregarius in oppido Krasnoiaro. Collegit turmam sociorum, sed absque scelere, et ad austrum longe progressi pervenerunt ad flumen Selengam, quod cum piscosum valde et solum egregie frugum ferax animadvertissent, munitionem exstruxerunt et exactis aliquot annis ad Regem miserunt nuntios cum muneribus (in quibus erat ipsemet negotii auctor, a nobis visus et nobis collocutus) postulabatque in protectionem suscipi, pollicentes tributa pensitare. Rex itaque etiam horum postulationi liberaliter annuit.

Flumen Selenga.

Quoniam vero regnum illud quod moenibus cinctum traditur [83]) Lusitani Chinam sive Sinam et urbem regiam Pekinum, Scythae vero et Mosci regionem Kitay, urbem Kambalik vocitant: dubium erat, utrum ista unum, an diversa regna essent. Sed postmodum (non ita pridem) innotuit: Kitay nil aliud esse quam Sinam, et Kambalik esse Pekinum.

Alterum dubium erat: utrum Mare glaciale sit contiguum cum Oceano Ortuali: qui ab ortu Sibiriam et inter medias australiores provincias Dauriam et Nikaniam ac tandem regnum Sinae alluit, an vero aliquo a Sibiria ad ortum ex porrecto con-

83) narratur.

tinentis terrae tractu, maria ista dirimantur: Glaciale scilicet ab Ortuali, sive Sinensi. Sed hoc dubium novissime resolutum est a militibus provinciae Lenensibus et Nercinensibus [84]), qui tributorum exigendorum causa totam illam oram usque ad Oceanum peragrarunt et affirmant: nullum terrae tractum exporrigi ad ortum, nec dicta maria dirimi, sed Sibiriam, Dauriam, Nikaniam et Kitaium [85]) uno continuo oceano ab ortu ablui.

Cum vero a nonnullis quaereretur, anne possent naves a portu S. Michaelis Archangeli vel certe ab ostio fluminis Obiae et ab oppido Brezovia legendo continue, Sibiriae, Dauriae Nikaniaeque latera ad Kataium [86]) appellere, respondebant dicti milites: In Mari Glaciali glaciem nunquam perfecte liquefieri, sed per totam aestatem ingentia et frequentia glaciei frusta pelago innatare seque in vicem collidere, quae apta sint (praesertim vento flante), quascunque naves evertere.

Quodsi vero quis obiecerit: Quomodo ergo [87]) ex Cataio naves per Singali ostium in Nikaniam penetrarunt, sicut retulimus ante? Noverit ille Singalum esse prae Mari Glaciali permultum austro viciniorem et synclimaticum Calmaciae, in qua aqua stagnans aestate prae solis calore in salem densatur, ideoque non est mirum, si et glacies Oceani

---

[84]) Lenensis, Nercinensis. [85]) sive Sinam. [86]) Kitaium. [87]) igitur.

in eodem climate perfecte liquescat aut nulla concrescat. Cum igitur nulla appareat commoditas ut ex aliqua Sibiriae aut Russiae statione possent naves in Indiam penetrare, reliquum est, ut id videatur possibile in littoribus Dauriae, aut Nikaniae circa Singali, Abazini, [Amuri], Selengae aut alterius fluminis ostia quod ortuale [88]) influat Oceanum [89]).

Aeternum soli gloria tota Deo. 1680.

---

[88]) ortuali. [89]) Oceano.

ИСТОРІЯ
О
СИБИРИ
ИЛИ

Свѣдѣнія о царствахъ Сибири и берегѣ Ледовитаго и Восточнаго океана, также о кочевыхъ Калмыкахъ и нѣкоторыя повѣствованія объ обманахъ ювелировъ, рудоплавовъ и алхимиковъ.

Автографъ Анонима, около 1680 года.

Преславному и преблагородному господину Гильдебранду фонъ-Горну, секретарю его священнаго величества, короля Даніи.

Высокородный Горнъ, всегда мною чтимый и поминаемый въ молитвахъ благодѣтель! Вы изволили предписать мнѣ, чтобъ я прислалъ вамъ описаніе Сибири, въ которой я провелъ изгнанникомъ пятнадцать лѣтъ. Великое допустилъ бы

я прегрѣшеніе, еслибы не угодилъ вашему желанію, такъ какъ считаю себя вашимъ неоплатнымъ должникомъ. Но прошу васъ, не вмѣните мнѣ въ вину позднее исполненіе. Письмо вашего высокородія, написанное ко мнѣ изъ Парижа въ самый день праздника Первопрестольныхъ Апостоловъ въ 1680 году, дѣйствительно было сюда доставлено; но по ошибкѣ гонца оно было послано въ иное мѣсто и, пространствовавъ по большей части Европы, снова было возвращено сюда, такъ что было мнѣ доставлено лишь въ концѣ ноября. [Оно было послано въ Москву, а оттуда начальникомъ почты, моимъ другомъ, не распечатанное снова отослано въ Вильну]. Итакъ, вамъ, моему освободителю, я представляю описаніе Сибири, или вѣрнѣе, лишь ея поверхностный очеркъ. Во врéмя пребыванія моего тамъ я не заносилъ на бумагу ничего изъ нижеслѣдующаго. Того, что̀ до сихъ поръ было описано другими, я также не касаюсь; говорю лишь о томъ, чего самъ былъ очевидцемъ и что̀ удержала моя слабая память. Въ заключеніе, умоляю Всевышняго (чего по истинѣ не упускаю дѣлать ежедневно съ того времени, какъ я лишенъ удовольствія лицезрѣть васъ и преславнаго господина Фридриха фонъ-Габеля, наслѣдственнаго губерна-

тора Ферерскихъ острововъ, и въ недавнее время королевскаго намѣстника in Bauelsee et Moerupgarde, милостивѣйшаго вашего и моего благодѣтеля), умоляю, говорю я, Господа, да сохранитъ васъ на долгое и благополучное житіе. Прощайте и вѣрьте, что я всегда остаюсь усерднѣйшимъ почитателемъ вашего преславнаго и именитаго высокородія.

Извѣстный вамъ.

Исторія о Сибири.

Сибирь есть самая послѣдняя, по направленію къ востоку, область Скиоіи и Московскаго царства; она оканчивается у Восточнаго океана и граничитъ съ царствомъ Китайскимъ.

Отправляющіеся изъ Москвы, прослѣдовавъ пятьсотъ левкъ, достигаютъ рѣки Камы и города, называемаго Соль Камская. Здѣсь изъ весьма глубокихъ колодцевъ черпается соленая вода; ее вливаютъ въ желѣзные сосуды и печью, отопляемою подъ землею, выпариваютъ въ соль. Мѣсто это есть конецъ Россіи и начало Сибири. Отсюда къ югу простираются горы, весьма длинныя, но не особенно высокія: онѣ отдѣляютъ Россію отъ Сибири и Астраханскую землю отъ Калмыцкой.

Р. Кама. Соляныя варницы.

Горы.

На восточномъ склонѣ этихъ горъ лежитъ первый сибирскій городъ—Верхотурье, названный такъ отъ истока рѣки Туры, которая недалеко оттуда береть начало; по этой рѣкѣ идетъ водный путь до другой рѣки, болѣе значительной—Тобола; изъ этой послѣдней можно попасть въ третью, самую большую рѣку—Иртышъ, къ городу Тобольску, называемому такъ потому, что онъ построенъ противъ устья Тобола на восточномъ берегу Иртыша. Отъ Верхотурья же до этого мѣста считается почти сто левкъ.

Р. Тура.

Р. Тоболъ.

Великая рѣка Иртышъ.

О томъ же, сколько левкъ остается отъ Тобольска до конца Сибири, я не рѣшаюсь сказать утвердительно; однако полагаю, что разстояніе это огромно: путешественники, отправляющіеся изъ Тобольска въ Москву въ зимнее время, могутъ возвратиться домой въ двѣнадцать недѣль, хотя путь этотъ вмѣщаетъ въ себѣ три тысячи русскихъ верстъ (или 600 левкъ). Путешественники же, отправляющіеся изъ Тобольска въ Даурію, къ крайней крѣпости, именуемой Нерчинскъ, обыкновенно не могутъ возвратиться зимою того же года.

600 левкъ.

Даурія.

Нерчинскъ.

Сибирь перешла во власть Московскихъ царей слѣдующимъ образомъ. Въ числѣ многихъ бѣжавшихъ тиранніи царя Ивана Васильевича были и такіе, которые повсюду промышляли

разбоями; между ними былъ одинъ разбойникъ, именемъ Ермакъ. Онъ грабилъ путниковъ по рѣкѣ Волгѣ и ея берегамъ. Однако, услыхавъ, что противъ него идетъ сильный отрядъ войска, Ермакъ со своими товарищами, бросивъ лодки, вышелъ на берегъ и направился въ восточный край. Дойдя до города Вычегды (гдѣ также, какъ и на Камѣ, вываривается соль), они нашли здѣсь одного солепромышленника, богатаго человѣка, по прозвищу Строганова. Потомки этого послѣдняго и по сей день живутъ въ той же мѣстности; они владѣютъ обширными угодьями и ведутъ значительную торговлю. Ихъ не требуютъ ни въ военную, ни въ гражданскую службу; они живутъ въ довольствѣ своимъ промысломъ и пользуются преимуществами, не въ примѣръ другимъ промышленникамъ. Строгановы имѣютъ особый титулъ: „именитые люди“; впрочемъ, въ челобитныхъ къ царю грамотахъ, они пишутся не по примѣру дворянъ: „холопъ твой“, а по примѣру мѣщанъ и крестьянъ „сирота твой“. Слово это и по значенію, и по этимологіи равнозначуще слову „вассалъ“, то-есть, сирота или опекаемый, а между тѣмъ Готы (германское племя) всѣ—и высшіе, и низшіе—въ обращеніяхъ своихъ къ королямъ употребляли именно это слово. Такимъ образомъ не слѣ-

Городъ Вычегда, соляныя варницы.

дуетъ удивляться тому, что московскіе дворяне называютъ себя „холопами“ своего царя, такъ какъ подъ этимъ словомъ они разумѣютъ нѣчто большее, чѣмъ то, что заключается въ словѣ „сирота“ или „вассалъ“, то-есть, не что иное, какъ заключающееся и въ словѣ „слуга“. Но возвратимся къ Строгановымъ. Они ежегодно платятъ своему царю значительную подать, и въ царскомъ Уложеніи имъ оказываются значительныя преимущества: они тамъ неоднократно упомянуты, и имена ихъ читаются какъ изъятыхъ отъ нѣкоторыхъ повинностей. Эти привилегіи оказаны имъ именно потому, что они много содѣйствовали покоренію Сибири.

Итакъ, когда вышеупомянутый промышленникъ увидѣлъ себя окруженнымъ разбойниками, онъ по необходимости прикинулся щедрымъ: обѣщалъ имъ и теперь, и впредь въ обиліи доставлять съѣстные припасы, оружіе, одежду, вьючный скотъ и повозки, лишь бы они не препятствовали его промыслу. Согласившись на такія условія, разбойники по обѣщанію были щедро снабжены всѣмъ необходимымъ для дальняго пути и послѣ того направились на Сибирь. Достигнувъ рѣки Тобола (уже по наступленіи слѣдующей весны), они соорудили себѣ ладьи (и въ этомъ дѣлѣ казаки достаточно искусны) и, предавъ огню повозки и поколовъ

скотъ, по теченію рѣки Тобола доплыли до Иртыша. Здѣсь они не медля воздвигли укрѣпленіе и начали грабить Татаръ, а если имъ удавалось захватить плѣнниковъ, то они принуждали ихъ къ выкупу. Отъ этого мѣста въ шести левкахъ находился городъ, называвшійся Сибирь; въ немъ жилъ татарскій царекъ, по имени Кучумъ. Этотъ Кучумъ неоднократно высылалъ противъ казаковъ Татаръ, которые вступали съ ними въ бой, но, благодаря огнестрѣльному оружію казаковъ, Татары почти каждый разъ оставались побѣжденными и отступали, пока наконецъ не палъ съ частью своего отряда Ермакъ, осиленный чрезмѣрною и постоянно возраставшею многочисленностью Татаръ. Оставшіеся въ живыхъ казаки собрались въ своемъ укрѣпленіи. Не теряя времени, они отрядили посла въ Москву съ такимъ наказомъ: если царь проститъ имъ совершенныя злодѣянія и пришлетъ необходимую подмогу, то они пріобрѣтутъ ему новое царство. Царь снизошелъ къ ихъ просьбѣ и отрядилъ къ нимъ воеводу съ оружіемъ, деньгами и вспомогательнымъ отрядомъ. Немного спустя послѣ того умеръ царекъ Кучумъ. Сынъ же его былъ приглашенъ казачьимъ атаманомъ будто бы для заключенія мирнаго договора, угощенъ пиромъ и во время пира умерщвленъ (подъ тѣмъ предлогомъ, что

Городъ Сибирь.

онъ съ недостаточнымъ для вѣрноподданнаго усердіемъ пилъ за здоровье Московскаго царя).

Разрушеніе гор. Сибири.

Городъ Сибирь послѣ того былъ разрушенъ Москвитянами и казаками. Отъ этого-то городка, перваго изъ завоеванныхъ, Русскіе и прозвали всѣ эти области, какъ ближайшія, такъ и далеко отстоящія, Сибирью, хотя каждая изъ этихъ областей имѣетъ свое собственное названіе или отъ рѣки, которою орошается, или отъ племени, въ ней живущаго. Впослѣдствіи Москвитяне, постепенно распространившись къ востоку, подчинили своей власти и остальныя области, воздвигая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по берегамъ рѣкъ укрѣпленія и оставляя въ нихъ гарнизонъ.

Самая восточная р. Лена.

Самая восточная рѣка въ Сибири Лена; отъ нея получили имя и городъ, и область. Изъ этой области получаются лучшія шкуры соболей и чернобурыхъ лисицъ. Я лично видѣлъ того, кто первый воздвигъ крѣпость на берегахъ Лены и обложилъ эту область податью именемъ своего царя.

Три климата Сибири.

Сибирь состоитъ изъ трехъ климатовъ, простирающихся отъ запада къ востоку. Первый климатъ, омываемый Ледовитымъ моремъ,—сѣверный; здѣсь не произрастаютъ ни плоды, ни овощи, за то отсюда получаются шкурки соболей и чернобурыхъ лисицъ. Рѣки этого края, изливающіяся въ море съ юга на

Первый климатъ.

сѣверъ, изобилуютъ рыбою выше мѣры, и чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ болѣе въ нихъ рыбы. Здѣшніе жители не знаютъ другой пищи, кромѣ рыбы и оленьяго мяса, почему и живутъ исключительно по берегамъ рѣкъ. Здѣсь нѣтъ иныхъ домашнихъ животныхъ, кромѣ собакъ. Ихъ запрягаютъ въ самыя легкія сани и перевозятъ на нихъ поклажу. Олени попадаются во множествѣ, и шкуры ихъ служатъ одеждою туземцамъ. Въ краѣ этомъ живетъ мало Москвитянъ, кромѣ городовъ Березова, Туруханска и Лены и другихъ; но сюда посылаютъ изъ городовъ ближайшаго климата стрѣльцовъ для сбора царской подати. Эти сборщики задариваютъ ничтожными подарками бѣдняковъ-туземцевъ и за это, кромѣ подати, получаютъ отъ нихъ собольи мѣха: туземцы же получаютъ отъ нихъ иголки, крючки, ножи, топоры и проч. Старшины селеній (которыхъ называютъ князьями), кромѣ того, получаютъ еще крупу для пищи; это угощеніе въ ихъ глазахъ является яствами сибаритовъ. Въ этомъ краѣ есть полуостровъ, называющійся Мангазея; на немъ прежде находился московскій гарнизонъ, и туда ежегодно изъ Тобольска по Иртышу и Оби посылалось восемь или девять круглыхъ судовъ, называемыхъ кочами, съ съѣстными припасами и ору-

О дикаряхъ.

Ѣзда на собакахъ.

Города Березовъ, Туруханскъ, Лена.

Полуостровъ Мангазея.

По рр. Иртышу и Оби.

жіемъ. Однако, такъ какъ суда эти неоднократно застрѣвали въ мелях, и припасы и прочій грузъ лишь съ большимъ трудомъ могли быть доставляемы на лодкахъ къ городу, то укрѣпленіе въ недавнее время было уничтожено, а гарнизонъ переведенъ въ другое мѣсто. Этотъ сѣверный край и его окрестности населены различными народностями, изъ которыхъ каждая говоритъ на собственномъ нарѣчіи: таковы Вогуличи, Остяки, Зыряне, Братскіе, Дауры и друг. Всѣ они язычники. [Они покланяются деревяннымъ идоламъ, которые видѣли Голландцы, пытавшіеся проникнуть въ Китай по Ледовитому морю, между Новою Землею и этими странами Сибири]. Идолы ихъ не что иное, какъ деревянные обрубки, поставленные при дорогахъ; вершина обрубка представляетъ нѣкоторое подобіе головы. Чурбаны увѣшаны собольями шкурками, и похищеніе ихъ со стороны Москвитянъ ни разу не проходило безнаказанно послѣднимъ. Жрецовъ этихъ народцевъ Татары называютъ шайтанами, сами же они—шаманами; большая часть ихъ вѣщуны [то-есть, служители діавола]. Если кто-либо изъ Русскихъ обращается къ нимъ съ вопросомъ о своей судьбѣ, то шаманъ приказываетъ вопрошающему поразить его въ бокъ стрѣлой или копьемъ. Вонзенное такимъ об-

Уничтоженіе Мангазейскаго укрѣпленія.

Различныя народности.

Язычники.

О колдунахъ.

разомъ оружіе остается въ тѣлѣ, а шаманъ въ теченіе часа корчится въ мукахъ и покрывается пѣною. Наконецъ, онъ приказываетъ поразившему его извлечь оружіе (никто другой сдѣлать этого не можетъ); при этомъ крови вовсе не показывается, а оружіе нагрѣвается до такой степени, что кажется извлеченнымъ изъ огня. Тогда шаманъ начинаетъ предсказывать будущее. Однако вообще замѣчено, что никто изъ прибѣгавшихъ къ сказаннымъ колдунамъ никогда во все послѣдующее время не бывалъ веселъ и оканчивалъ жизнь какимъ-нибудь несчастнымъ случаемъ.

Второй климатъ. Второй климатъ, средній, смежный съ упомянутымъ выше, населенъ Русскими и Татарами. Въ немъ находятся города: Верхотурье, Тюмень (нѣкогда мѣстопребываніе татарскихъ царьковъ), Тара, Тобольскъ — столица (здѣсь имѣетъ мѣстопребываніе митрополитъ и главный воевода, начальствующій надъ прочими Сибирскими воеводами), Томскъ, Красноярскъ, Кузнецкъ, Енисейскъ и др., въ которыхъ проживаютъ, по двое или по одному, начальники или намѣстники, назначаемые на три года (Москвитяне называютъ ихъ воеводами), съ прекрасно снаряженнымъ войскомъ. Здѣсь имѣется много огнестрѣльнаго оружія. Въ другихъ же укрѣпленіяхъ проживаютъ на-

Города: Верхотурье, Тюмень, Тара, Тобольскъ.

Города: Томскъ, Красноярскъ, Кузнецкъ, Енисейскъ.

Плодородіе этого пояса.

чальники гарнизоновъ. Поясъ этотъ богатъ произрастеніями земли, и земледѣліе въ немъ въ высшей степени облегчено: земля вовсе не нуждается въ удобреніи навозомъ. Поселянинъ гонитъ передъ собою лошадь, запряженную въ самую легкую соху, и самъ въ то же время направляетъ борозды; дѣлается это почти на бѣгу, такъ какъ здѣсь не бороздятъ земли глубже, чѣмъ на три пальца. Сѣнокосъ здѣсь производится также особеннымъ способомъ. Туземцы употребляютъ косы короче и легче, чѣмъ наши земляки, съ загнутою назадъ рукояткою, такъ что косу можно двигать въ обѣ стороны. Такимъ образомъ косцу ни разу не приходится даромъ взмахивать косою: при каждомъ взмахѣ, вправо или влѣво, ударомъ своей косы онъ срѣзываетъ траву.

Въ мѣстахъ, ближайшихъ къ сѣверному и среднему климату произрастаетъ особое дерево, изъ породы хвойныхъ, необыкновенной вышины и прямизны, имѣющее въ діаметрѣ нижней части ствола до четырехъ футовъ; называется оно кедръ [кедры попадаются также и въ нашей Руси, у горъ Карпатскихъ; они хвоею сходны (съ сибирскими), но плодъ ихъ уступаетъ имъ въ величинѣ] и, быть можетъ, не безъ основанія, такъ какъ дерево это весьма удобно для построекъ. Оно приноситъ и орѣхи,

родственные тѣмъ, которые Италіанцы называютъ „pinioli“ (хотя орѣхи эти не продолговатой формы); изъ нихъ выжимаютъ масло. Въ этой средней полосѣ соболей очень мало; за то шкурки горностаевъ и лисицъ и лосиные мѣха получаются отсюда въ большомъ количествѣ. Въ западной части этого края, на границахъ съ Астраханскою областью, встрѣчается особый видъ соколовъ, называемый кречетами (крайне рѣдко они попадаются и у насъ). Они величиною больше обыкновеннаго сокола, отличаются быстротою взора и превосходны для птичьяго лова. За ними охотятся особо наряженные Татары; всю добычу ихъ лѣтней охоты воевода зимою распредѣляетъ между охотниками и даетъ каждому особую повозку: въ нее садится охотникъ со своею птицей и отправляется въ Москву. Часть привезенныхъ птицъ царь удерживаетъ для себя, часть въ видѣ подарка обыкновенно отсылаетъ Персидскому шаху [а также Турецкому султану, Крымскому хану, временами и королямъ Польскимъ], которымъ и принимаются онѣ съ изъявленіемъ благодарности.

Немногочисленность соболь-ихъ шкурокъ.

Здѣсь возможенъ двоякій способъ путей сообщенія. Зимою ѣздятъ на саняхъ, запряженныхъ, какъ мы выше сказали, собаками; но по причинѣ трудности такого сообщенія, имъ

Зимою ѣзда на саняхъ, запряженныхъ собаками.

никто не пользуется, кромѣ воеводскихъ или царскихъ гонцовъ. Прочіе путешественники совершаютъ свой путь лѣтомъ по водѣ: отъ Верхотурья по теченію рѣкъ Туры, Тобола и Иртыша путники спускаются въ Обь, близъ ея впаденія въ море. Вверхъ по этой рѣкѣ они вступаютъ въ Томь и, достигнувъ нѣкотораго перешейка, то-есть, узкой полосы земли, находящейся между двумя рѣками (Томью и Енисеемъ), выгрузивъ здѣсь товары и вытащивъ суда (на берегъ), волокомъ тянутъ ихъ по землѣ до рѣки Енисея, а по теченію этого послѣдняго доплываютъ до города того же имени и такъ далѣе. Хотя этотъ путь страдаетъ неудобствомъ, состоящимъ въ вышесказанномъ вытягиваніи судовъ, однако онъ не лишенъ и своихъ значительныхъ преимуществъ: онъ свободенъ отъ опасностей, сопряженныхъ съ путешествіемъ по морю и по сушѣ (то-есть, бурь, пиратовъ, войнъ, разбойниковъ).

Лѣтній путь по водѣ: по рр. Турѣ, Тоболу, Иртышу въ Обь.

Рр. Томь и Енисей.

Переволочна.

Третій климатъ (поясъ) составляютъ обширнѣйшія степи, въ которыхъ блуждаютъ кочевые Калмаки со своими стадами. Племена эти составляетъ народъ отличный отъ Татаръ: обѣ націи отличаются другъ отъ друга и языкомъ, и наружнымъ видомъ, и вѣрованіями: Татары—магометане, Калмыки же, по всѣмъ признакамъ,—язычники. Простой жрецъ называется у нихъ

3-й климатъ Сибири.

Калмаки или Калмуки, кочевники.

Калмуцкій языкъ.

Идолопоклонство.

мандза́, старшій жрецъ—лаба́, а верховный— Лаба.
кутухта. Во время торжественныхъ жертво- Кутухта.
приношеній мандза, въ панцырѣ, шлемѣ и съ лукомъ и стрѣлами въ рукахъ, производитъ нѣкія движенія и дѣйствія и вертится во всѣ стороны, какъ бы обуреваемый злыми духами; направляя лукъ и стрѣлу то туда, то сюда, онъ прицѣливается въ зрителей, стоящихъ вокругъ него вѣнцомъ, и преисполняетъ ихъ всѣхъ страхомъ и ужасомъ. Наконецъ, онъ неожиданно выпускаетъ стрѣлу: кого онъ ранитъ или убьетъ, тотъ считается (у Калмыковъ) блаженнымъ.

Калмыки употребляютъ молитвенные шарики, на подобіе четокъ нашихъ земляковъ [ихъ употребляютъ также Турки и Татары]: отъ нашихъ четокъ калмыцкія отличаются лишь числомъ шариковъ, да еще тѣмъ, что всѣ онѣ одинаковой величины; когда Калмыки произносятъ молитвы, то при каждомъ шарикѣ произносятъ: Ommanî Batmechû, то-есть, Господи, помилуй, прибавляя и другія слова.

Каждый годъ, когда выпадетъ первый снѣгъ, Калмыки его собираютъ, топятъ и сохраняютъ эту воду въ теченіе года для очистительныхъ обрядовъ. Причиною такого своего обыкновенія они приводятъ слѣдующее: „Нѣкогда“, говорятъ они,—„Богъ посылалъ людямъ съ неба муку́ въ видѣ дождя, но затѣмъ, вслѣдствіе людскихъ

беззаконій, лишилъ людей этого благодѣянія. Вотъ въ память этой-то божественной милости и благодѣянія мы и сохраняемъ у себя первый снѣгъ".

На темени каждый Калмыкъ (вѣроятно, по какому-нибудь уставу или вѣрованію) носитъ красный пучекъ, на подобіе розы, изъ шелка или какой-нибудь матеріи. Желающему узнать причину такого обычая Калмыки отвѣчаютъ слѣдующее: Нѣкогда Богъ сходилъ на землю и укорялъ людей за ихъ прегрѣшенія; они же въ своемъ безуміи нанесли ему раны, такъ что кровь истекала въ изобиліи. Въ честь этой божественной крови Калмыки и носятъ на головѣ упомянутый красный значекъ.

Приведу здѣсь небольшой разсказъ объ одномъ Калмыкѣ, слышанный мною отъ человѣка, заслуживающаго полнаго довѣрія, бывшаго личнымъ свидѣтелемъ нижеслѣдующаго. Однажды разсказывавшій намъ объ этомъ происшествіи былъ посланъ царемъ своимъ къ какому-то калмыцкому тайшѣ, то-есть, князю (кочевавшему въ Казанскихъ степяхъ). Вдругъ къ нему приходитъ одинъ Калмыкъ и проситъ его совершить надъ нимъ обрядъ святого крещенія. Разскащикъ спросилъ его, кѣмъ же онъ былъ обращенъ и вслѣдствіе чего пожелалъ такого

Тайша

дѣла? Калмыкъ отвѣчалъ ему, что ему извѣстно лишь одно: что только одни христіане (то-есть, принявшіе крещеніе) могутъ спастись, а потому онъ умоляетъ ради Бога обратить его въ христіанство. Послѣ того разскащикъ оказалъ ему содѣйствіе, и бывшій при немъ священникъ наставилъ Калмыка въ христіанской вѣрѣ и окрестилъ. Послѣ чего этотъ человѣкъ не выходилъ изъ часовни (то-есть, палатки, предназначенной для чтенія молитвъ) и тамъ безпрерывно возносилъ мольбы къ Богу: лишь на короткое время отрывался онъ для принятія пищи. Такъ пребывалъ онъ въ молитвѣ до тѣхъ поръ, пока черезъ нѣсколько дней его бездыханное тѣло не было найдено въ часовнѣ.

Другой подобный предыдущему случай произошелъ въ Сибири. Въ Енисейскѣ былъ одинъ священникъ, по имени Димитрій, мужъ права воздержаннаго и непорочнаго, мнѣ близко знакомый. Отъ его сына, отрока скромнаго и прекрасно воспитаннаго, я слышалъ слѣдующее: Недалеко отъ города Енисейска—разсказывалъ онъ—жилъ одинъ Татаринъ. Уже давно тайно увѣровавъ въ Господа Спасителя и Бога нашего Іисуса Христа, онъ собирался, вмѣстѣ со своею семьей, принять святое крещеніе, но въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вслѣдствіе упрековъ жены откладывалъ совершеніе столь бла-

гочестиваго дѣла. Наконецъ, однажды, почувствовавъ какимъ-то образомъ приближеніе смерти (хотя въ это время онъ находился въ добромъ здоровьѣ), онъ велѣлъ своему слугѣ, взявъ сѣти, сѣсть вмѣстѣ съ нимъ въ лодку и вести его къ нѣкоему острову на рѣкѣ Енисеѣ, какъ бы для рыбной ловли. Прибывъ туда, Татаринъ послалъ своего слугу въ городъ съ униженною просьбой къ священнику Димитрію—какъ можно скорѣе переправиться къ нему на островъ, такъ какъ онъ имѣетъ сообщить ему весьма нужное дѣло, не терпящее отлагательства. Священникъ прибылъ. Татаринъ сталъ просить его совершить надъ нимъ обрядъ крещенія. Услышавъ отъ священника, что это не можетъ быть совершено тотчасъ же, но что по обряду онъ долженъ въ теченіе шести недѣль быть наставляемъ въ ученіи христіанской церкви, Татаринъ возразилъ: „Нѣтъ, отецъ мой, крести меня немедленно, такъ какъ я вскорѣ умру“. Тогда священнослужитель совершилъ надъ нимъ обрядъ крещенія. Татаринъ, не проживъ и часу послѣ того, испустилъ духъ, завѣщавъ священнику своего коня и испросивъ похоронить его въ городѣ близъ церкви. Священникъ, немедленно призвавъ помощниковъ изъ города, перевезъ тѣло умершаго и предалъ землѣ.

Калмыцкія степи простираются отъ границъ Астраханской области до самаго Китая; пространство это можетъ быть пройдено лишь въ нѣсколько недѣль. Всѣ эти степи безплодны, такъ какъ почва ихъ песчаная и солонцоватая. Онѣ изобилуютъ озерами, воды которыхъ во время лѣта около береговъ обыкновенно осаждаютъ соль [подобныя озера находятся также въ Крыму]. Здѣсь хотя и произростаетъ трава, но она низка; деревьевъ же здѣсь не видно нигдѣ, развѣ только по берегамъ рѣкъ. Туземныя овцы крупнѣе нашихъ: онѣ имѣютъ жирные хвосты, содержащіе въ себѣ до двухъ или трехъ фунтовъ жиру; но шерсть ихъ чрезвычайно груба. Калмыки не пользуются солью, которою изобилуетъ ихъ страна, и не употребляютъ ее ни въ какія кушанья, кромѣ тѣхъ, которыя иначе могли бы испортиться, будучи сберегаемы въ прокъ.

Калмыки живутъ на пространствѣ отъ Астрахани до Китая.

Изъ этихъ мѣстностей вытекаетъ много рѣкъ въ Сибирь, но тамъ онѣ не такъ рыбны, какъ здѣсь. Кромѣ того, Калмыки, не имѣя льна, а слѣдовательно, и сѣтей, не слишкомъ много занимаются рыбною ловлей. Вслѣдствіе того же недостатка во льнѣ они не могутъ изготовлять себѣ палатокъ, подобныхъ нашимъ; вмѣсто того Калмыки валяютъ коровью шерсть, превращая ее въ массу, подобную грубому сукну,

которое Италіанцы называютъ feltrum, и обмотавъ его вокругъ кольевъ, воткнутыхъ въ землю, дѣлаютъ себѣ шалаши, которые называютъ кибитками. Калмыки остаются на одномъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока стадамъ ихъ хватаетъ корму; затѣмъ, когда вся трава истреблена, они гонятъ стада въ другое мѣсто. Лѣтомъ они кочуютъ въ южной части края, приближаясь къ предѣламъ Бухарцевъ, Монголовъ и Китайцевъ; осенью же направляются въ мѣста, ближайшія къ Сибири, ради изобилія тамъ топлива. Поэтому нѣкоторые тайши (въ мою бытность тамъ—двое) ради спокойнаго кочеванья въ этихъ пограничныхъ и спорныхъ земляхъ, обязались платить дань государю Московскому царю. Сѣна Калмыки вовсе не заготовляютъ, но заставляютъ свои стада зимою питаться кустарникомъ [даже въ сѣверной Татаріи]; вьючный же скотъ, разбивая копытами ледъ и разрывая тамъ и сямъ снѣгъ, отыскиваетъ скудную траву.

Бухарцы, Монголы, Китайцы.

Что касается военнаго дѣла, то Калмыки выходятъ въ бой прекрасно вооруженные, то-есть, въ шлемахъ, съ копьями и въ кольчугахъ. Они сражаются стрѣлами и саблями, но короче нашихъ и не загнутыми: ихъ можно сравнить съ оружіемъ, называвшимся у Римлянъ „siccae“, сами же они называютъ ихъ сулимами.

Народъ этотъ чрезвычайно многочисленъ, такъ что онъ считается не уступающимъ въ этомъ отношеніи даже Скиоамъ или Татарамъ. Однако Москвитянами замѣчено, что въ то время, когда была покорена Сибирь, Калмыки были немногочисленны, или же они еще не были достаточно извѣстны. Они имѣли лишь одного тайшу или князя. Съ тѣхъ же поръ они размножились въ такомъ количествѣ, что ихъ едва ли можно исчислить. Поэтому многіе старались угадать (подобно тому, какъ Липсій недоумѣвалъ относительно Іудеевъ, какую участь готовитъ имъ Божественное Провидѣніе, но лишь по другой причинѣ), чего должно ждать намъ отъ этого народа по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ. Вѣдь извѣстно, что нѣкоторые темные народы, каковы Готы, Вандалы, Герулы, Славяне, Гунны, Сарацины, Татары, Турки и другіе, неоднократно Божіимъ произволеніемъ были насылаемы въ наказаніе за грѣхи другихъ народовъ. Мужъ, пользовавшійся весьма значительнымъ вліяніемъ, одинъ изъ главныхъ московскихъ вельможъ, Борисъ Морозовъ, спрашивалъ меня: извѣстно ли мнѣ изъ разговоровъ или изъ чтенія что-либо объ Алтынѣ-царѣ, Конъ-тайшѣ, Аблаѣ-тайшѣ, Везуртѣ-тайшѣ или о другихъ калмыцкихъ тайшахъ или князьяхъ, жившихъ ранѣе или въ

Алтынъ-царь, Конъ-тайша и др.

наше время. Я отвѣчалъ, что имена эти до сихъ поръ оставались мнѣ неизвѣстны; Морозовъ же удивлялся, что столь многочисленный и воинственный народъ, каковы Калмыки, пройденъ молчаніемъ у европейскихъ историковъ, съ трудами которыхъ онъ считалъ меня знакомымъ.

Какъ мы сказали, Калмыки прежде имѣли одного князя; теперь же князей у нихъ много; они называютъ ихъ тайшами. Эти послѣдніе имѣютъ при себѣ многочисленныя войска и время отъ времени ведутъ между собою войны. Съ Москвитянами же тайши стараются жить въ условіяхъ дружелюбнаго сосѣдства, на томъ лишь условіи, чтобы послы ихъ были благосклонно принимаемы. Это обыкновенно и соблюдается со стороны Москвитянъ рачительно, тѣмъ болѣе, что это имъ не дорого стоитъ. Когда въ Тобольскъ прибываетъ какой-либо калмыцкій посолъ, то его не допускаютъ до личнаго представленія воеводѣ (если только это не посолъ великаго или верховнаго тайши): ему отводится помѣщеніе въ пригородѣ, а для ознакомленія съ цѣлью его пріѣзда посылаютъ подъячаго. Причиною же посольства своего по большей части такіе гонцы выставляютъ лишь желаніе освѣдомиться о здравіи пресвѣтлѣйшаго государя царя Московскаго и донести

о вожделѣнномъ здравіи государя ихъ тайши и его готовности къ службѣ его царскаго величества во всякое время и во всякомъ мѣстѣ, со всѣмъ своимъ войскомъ, куда бы ни было приказано. Затѣмъ посла угощаютъ различными питіями и ежедневно въ изобиліи доставляютъ ему съѣстные припасы: при отъѣздѣ же ему жалуются два или три куска обыкновеннаго сукна, а для тайши отпускается сукно получше. Благодаря такому щедрому пріему, послы эти часто остаются по цѣлымъ годамъ, хотя бы имъ нечего было дѣлать. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ, по ихъ требованію, признанному заслуживающимъ вниманія, препровождаются въ Москву, откуда возвращаются съ болѣе цѣнными подарками. Я лично видѣлъ замѣчательный примѣръ вѣрноподданности Калмыковъ. Однажды воевода Петръ Годуновъ (желая выказать передъ царемъ свою особую преданность и дѣятельность) снарядилъ въ Китай нѣсколькихъ купцовъ и воиновъ съ сибирскими товарами, предназначавшимися для мѣны. Окончивъ свои дѣла, они вышли изъ Китайской стѣны и тутъ узнали, что среди Калмыковъ вспыхнула междоусобная война. Вслѣдствіе того они остановились невдалекѣ отъ вышесказанной стѣны и стали выжидать безопаснаго времени для возвращенія. Въ такомъ положеніи

они оставались около двухъ мѣсяцевъ; но лишь только объ этомъ обстоятельствѣ узналъ Селенгинскій тайша (то-есть, тайша, кочевавшій по берегамъ рѣки Селенги), какъ немедленно поспѣшилъ со своимъ войскомъ къ сказаннымъ купцамъ, находившимся въ сильномъ страхѣ. Взявъ ихъ подъ свою охрану, тайша доставилъ купцовъ до города Енисейска, находящагося во владѣніяхъ Московскаго царя, снабдивъ ихъ лошадьми и верблюдами для перевозки тяжестей. Съ ними вмѣстѣ онъ отправилъ и посла своего, съ объявленіемъ, что онъ во всякое время готовъ московскимъ посламъ или купцамъ, отправляющимся въ Китай, доставлять въ требуемомъ количествѣ вьючный скотъ и свое войско для охраны. Подобнымъ образомъ и всѣ тайши поддерживаютъ дружескія отношенія къ Москвитянамъ. Однако, есть между Калмыками и разбойники, которые не повинуются никакому тайшѣ; эти по временамъ причиняютъ Москвитянамъ затрудненія, особенно близъ городовъ Тары и Красноярска: во время жатвы они грабятъ и забираютъ земледѣльцевъ въ плѣнъ.

Селенгинскій тайша.

Тобольскій воевода ежегодно высылаетъ вверхъ по Иртышу флотъ изъ сорока или болѣе парусныхъ судовъ въ землю Калмыковъ къ Соленому озеру, находящемуся недалеко отъ

рѣки. Путь этотъ совершается въ четыре мѣсяца; тамъ господствуетъ нѣкоторый тайша (въ недавнее время это былъ Анціанъ) со своимъ улусомъ, то-есть, подчиненнымъ ему племенемъ: то, что у Татаръ называется ордою, то у Калмыковъ называется улусомъ [по арабски „орда“ означаетъ станъ; по калмыцки же - „улусъ“]. Какъ только Москвитяне достигаютъ этого мѣста, они производятъ залпъ изъ пушекъ и снова ихъ заряжаютъ; затѣмъ производятъ огонь изъ ручныхъ пищалей; отсалютовавъ такимъ образомъ тайшѣ, Москвитяне даютъ заложниковъ и, получивъ таковыхъ же отъ Калмыковъ, въ тотъ же день воздвигаютъ на берегу укрѣпленіе и ставятъ на немъ пушки, чтобъ имѣть защиту въ случаѣ вѣроломства. Добывъ изъ озера соль, они нагружаютъ ею суда и затѣмъ вступаютъ въ торгъ мѣновой, такъ какъ на этихъ ярмаркахъ деньги не въ употребленіи. Москвитяне привозятъ съ собою товары всякаго рода, Калмыки же въ обмѣнъ предлагаютъ рогатый и вьючный скотъ, свои сласти и китайскій табакъ; продаютъ также рабовъ и рабынь--своихъ свойственниковъ и собственныхъ дѣтей. Если проданные въ рабство начинаютъ горевать, то Калмыки говорятъ имъ: „Ступай, бѣдняга, и не грусти: тебѣ будетъ тамъ лучше—не будешь

такъ голодать, какъ голодалъ у насъ". Такимъ образомъ въ Сибири нѣтъ ни одного человѣка съ какими бы то ни было средствами, который не имѣлъ бы одного или болѣе рабовъ или рабынь изъ Калмыковъ. Наконецъ, по нагрузкѣ судовъ солью и завершеніи торга, производится обмѣнъ заложниковъ съ обѣихъ сторонъ. Москвитяне, надѣливъ тайшу небольшими подарками, разряжаютъ пушки и отчаливаютъ отъ берега.

Бухарскіе купцы.

Кромѣ того, при этихъ торгахъ всегда присутствуютъ бухарскіе купцы; эти послѣдніе здѣсь не производятъ торга, но со своими товарами отправляются на московскихъ судахъ въ Тобольскъ. Бухарцы—народъ не столь варварскій и скіоскій, какъ Татары, хотя и они употребляютъ скіоскій языкъ и принадлежатъ къ Магометову лжеученію. Они высокаго роста и красивы лицомъ; войнами, грабежами и разбоемъ не занимаются, а живутъ торговлей и земледѣліемъ. Живутъ въ городахъ, обнесенныхъ стѣнами, имѣютъ собственнаго царя [Узбека]; но такъ какъ Бухарцы—народъ весьма невоинственный, то, для избѣжанія набѣговъ, принуждены платить дань Калмыкамъ. Бухарцы находятся въ частыхъ сношеніяхъ съ Китаемъ и оттуда, зимою на верблюдахъ, лѣтомъ на судахъ (тѣмъ путемъ, о которомъ мы сказали выше) приво-

зять свои товары въ Тобольскъ—хлопокъ, хлопчатобумажныя ткани, окрашенныя въ разные цвѣта, которыя Москвитяне называютъ „китайками“, также корицу, но грубую и плохого качества, и особый родъ пахучей травы, называемой „бадьяномъ“, которая лишь за нѣсколько лѣтъ передъ симъ сдѣлалась извѣстна въ Сибири. Москвитяне не знаютъ иного употребленія этой травы, какъ для настаиванія водки, которая отъ этого дѣлается сладкою, какъ бы подслащенная сахаромъ. Однако, одинъ любознательный человѣкъ попытался точнѣе изслѣдовать свойства бадьяна: онъ увѣрялъ, что трава эта кажется ему пригодною для питья больнымъ (вмѣсто обыкновенно употребляемаго навара изъ ячменя): она имѣетъ, по его словамъ, свойство поддерживать бодрость и по своему дѣйствію можетъ быть сравнена съ турецкимъ кофе и съ китайскимъ чаемъ. Впрочемъ, тѣ же бухарскіе купцы привозятъ и чай, который употребляется также, какъ и кофе, но растеніе это иное. Привозятъ они и китайскій табакъ столь мелкой рѣзки, что по тонкости можетъ поспорить съ человѣческимъ волосомъ. Вслѣдствіе такой тонины волоконъ многіе сперва не вѣрили, что это дѣйствительно табакъ; но русскіе купцы постоянно утверждали, что они собственными глазами ви-

Бухарскія ткани.

Бадьянъ (Anisizium Stellatum).

Чай или Теа.

Китайскій табакъ.

дѣли, какъ Китайцы рѣзали табачные листы такимъ образомъ. Табакъ этотъ бываетъ цвѣта темнаго, свѣтлаго и зеленаго. Темный имѣетъ самый пріятный запахъ и опьяняетъ сильнѣе другихъ сортовъ, такъ что тѣ, у кого голова слаба, должны отъ него воздерживаться. Какъ говорятъ, табакъ этотъ разваривaютъ въ сахарномъ растворѣ. Китайцы и перенявшіе отъ нихъ Русскіе удивительно упиваются табачнымъ дымомъ, такъ что они падаютъ въ обморокъ и какъ бы подвергаются судорогамъ; многіе вслѣдствіе того даже испускали духъ. Впрочемъ, Китайцы, наученные долгимъ опытомъ, умѣютъ избѣжать такой опасности; у нихъ есть маленькія мѣдныя трубочки, съ отверстіемъ величиной въ половину скорлупы лѣсного орѣха. Набить и выкурить такую трубочку, вслѣдствіе ничтожности пріема, не представляетъ никакой опасности.

Драгоцѣнные бухарскіе камни.

Кромѣ того, Бухарцы привозятъ еще драгоцѣнные камни и умѣютъ удивительнымъ образомъ вводить ими въ обманъ неопытныхъ или неосторожныхъ покупателей. Они предлагаютъ стекло, окрашенное въ различные цвѣта; стекло это, вылитое въ разнообразныя формы, имѣетъ видъ драгоцѣнныхъ камней, но дикихъ и не обработанныхъ, такъ что они кажутся недавно вырытыми изъ горъ вмѣстѣ съ корнями и при-

ставшимъ сором или пятнами. Каждый камень имѣетъ свою собственную форму и обдѣлку, такъ что въ сотнѣ каменьевъ не найдется ни одного похожаго на другой. Видя это разнообразіе покупатели и вводятся легко въ обманъ. Разскажу одинъ случай. Одинъ служилый человѣкъ изъ Нѣмцевъ пришелъ къ Бухарцу, спросилъ у него каменьевъ, выбралъ порядочное количество и, заплативъ деньги, съ торжествомъ возвратился домой. Онъ пригласилъ затѣмъ другого Бухарца, тобольскаго жителя, начальника царскихъ сокольниковъ, по имени Асбакея, и спросилъ у него: на сколько выгодна его покупка, и какова цѣна этихъ каменьевъ въ Москвѣ. Асбакей снялъ съ пальца кольцо и находившимся въ немъ алмазомъ потеръ одинъ, другой и третій изъ показанныхъ каменьевъ (на которыхъ немедленно показались царапины) и отвѣчалъ: „Видишь эти царапины? Значитъ, это стекло, а не драгоцѣнные камни. Еслибъ это были драгоцѣнные камни, то алмазъ не могъ бы ихъ испортить, и царапинъ не было бы“. Служилый человѣкъ позвалъ купца въ судъ, но толку изъ этого никакого не вышло, потому что купецъ утверждалъ, что онъ продалъ не эти поддѣльные, а другіе, настоящіе драгоцѣнные камни.

Разскажемъ здѣсь и другой случай, но только

о нечестности рудоплавовъ. Въ городѣ Тулѣ были два мастера оружейнаго дѣла. Задумавъ обманъ, они послали челобитье, объявляя въ немъ, что нашли сереброносную жилу. Получивъ приказаніе представить образецъ своей находки, они подвергли дѣйствію огня выхваляемую ими руду и предъявили нѣкоторое количество выплавленнаго серебра. Они были посланы въ Москву и въ присутствіи государственныхъ сановниковъ нѣсколько разъ производили опыты, но не могли выплавить серебра нисколько. Ихъ подвергли пыткѣ и тѣмъ заставили сознаться, что при первомъ своемъ опытѣ они примѣшали къ рудѣ серебро и его-то показали какъ выплавленное. За это ихъ наказали плетьми и сослали въ Тобольскъ. Въ это же время въ Тобольскомъ уѣздѣ, въ одномъ монастырѣ, лежащемъ на рѣкѣ Исети, недалеко отъ тѣхъ горъ, которыя, какъ мы (выше) сказали, отдѣляютъ Астраханскую область отъ Сибири, жилъ одинъ монахъ, слывшій колдуномъ, по имени Іовъ. Онъ хвалился, что выплавляетъ серебро изъ руды, добываемой имъ изъ сосѣдней горы; серебро это онъ продавалъ по частямъ въ слиткахъ. Должно знать, что у сибирскихъ Татаръ есть обычай погребать съ знатными людьми ихъ оружіе, серебряные сосуды и конскія украшенія, а иногда и деньги. Во время моего

тамъ пребыванія умеръ одинъ Бухарецъ, по имени Муратъ. Молва говорила, что съ нимъ было зарыто восемь тысячъ рублей (золотомъ). Нѣкоторые изъ московскихъ стрѣльцовъ сдѣлали попытку разрыть его могилу, но были уличены и наказаны кнутомъ. Въ Сибири есть неизвѣстныя могилы древнихъ Скиѳовъ, на которыхъ уже выросли кустарники или лѣсъ: разыскать ихъ можно не иначе, какъ при помощи колдовства. Съ этою цѣлью нѣкоторые люди отдаются чернокнижію и, найдя таковыя могилы, иногда вырываютъ изъ нихъ немного серебра. Я самъ видѣлъ серебряные сосуды, вырытые такимъ образомъ. Итакъ, вышесказанный монахъ Іовъ такимъ-то способомъ и пріобрѣталъ серебро; но чтобы не навлечь на себя подозрѣнія въ колдовствѣ, онъ расплавлялъ вырытые сосуды и продавалъ ихъ, ложно показывая, что серебро это выплавлено имъ изъ руды вышеупомянутой горы. Въ это время въ Тобольскъ прибылъ одинъ воевода, который, самъ будучи колдуномъ, какъ говорятъ, носилъ кольцо, въ коемъ была заключена діавольская сила. Воевода этотъ послалъ къ той горѣ, изъ которой, какъ говорили, монахъ Іовъ добывалъ серебро, воиновъ, съ приказаніемъ привезти ему оттуда большое количество камней, которые, правда, блестѣли подобно серебру, но въ сущности были не что

иное, какъ не имѣющій цѣны талькъ. Въ присутствіи многочисленныхъ гостей воевода взялъ одинъ изъ этихъ камней, показывалъ его гостямъ и съ глубокимъ вздохомъ выражалъ желаніе узнать, что̀ можетъ скрываться въ этомъ камнѣ. А тутъ по условію находились и тѣ двое ссыльныхъ плутовъ рудоплавовъ. Какъ бы невзначай примѣтивъ ихъ, воевода воскликнулъ: „Вотъ и кстати, что вы здѣсь. Скажите же, какъ вы полагаете, что̀ заключаетъ въ себѣ этотъ камень?“ — „Господинъ“, отвѣтили они, — „не можетъ быть, чтобы въ немъ не было серебра, и даже въ значительномъ количествѣ“. „Ну, такъ расплавьте этотъ камень“, сказалъ воевода, — „и извлеките изъ него серебро“. Рудоплавы отвѣтили, что этого нельзя сдѣлать, если предварительно не будутъ выписаны изъ Голландіи нѣкоторыя минеральныя вещества, потребныя для такой операціи. Услыхавъ это, одинъ изъ гостей сказалъ: „Господинъ, не вѣрь имъ. Въ этомъ самомъ городѣ я найду для тебя трехъ или болѣе серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, которые сегодня же сумѣютъ отлично произвести требуемый опытъ или пробу“. Разсердившись, воевода, сталъ сильно бранить гостя и спрашивалъ его, гдѣ онъ учился рудному дѣлу, и кто далъ ему право быть серебряныхъ дѣлъ мастеромъ? Царю же онъ донесъ, что дѣй-

ствительно есть гора, гдѣ много камней, имѣющихъ видъ серебра, и что нѣкоторый монахъ неоднократно выплавлялъ изъ нихъ серебро. Узнавъ объ этомъ, царь немедленно послалъ гонца въ Саксонію и велѣлъ пригласить оттуда какого-нибудь искуснаго рудознатца. Такимъ образомъ прибылъ нѣкоторый тайный чернокнижникъ изъ числа тѣхъ, которые называютъ себя братьями розенкрейцерами. Немного спустя былъ вызванъ въ Москву и воевода; ему было приказано представить хваленый камень, чтобы рудознатецъ, въ присутствіи царя, испыталъ его доброкачественность. Воевода далъ камень; тотъ взялъ его, положилъ въ иготь, растолокъ, подвергъ дѣйствію огня и расплавилъ. При опытѣ присутствовали царь и первый изъ его совѣтниковъ: они, не спуская глазъ, наблюдали за тѣмъ, чтобы не было никакого обмана. Когда расплавка была окончена, рудознатецъ представилъ имъ двѣ-три найденныя на днѣ унціи серебра. Но все это произошло благодаря обману, заранѣе условленному между двумя вышесказанными чернокнижниками: воевода просверлилъ и продолбилъ этотъ мягкій камень буравчикомъ, а скважину наполнилъ серебрянымъ пескомъ и искусно прикрылъ ее тѣмъ же камнемъ; рудознатецъ же, будучи соучастникомъ въ обманѣ (и ему было выгодно обмануть царя,

чтобы такимъ образомъ долѣе пользоваться щедрымъ жалованіемъ), ни мало не осмотрѣвъ камня, поспѣшилъ его растолочь, чтобы нельзя было замѣтить скважины и обнаружить обманъ. Итакъ, царь послалъ этого самого рудознатца къ вышеупомянутой Сибирской горѣ, давъ ему въ помощь другихъ товарищей, того же ремесла, и два отряда войска. Пробывъ тамъ въ теченіе года или болѣе, они перекопали всю руду, плавили ее и переплавляли, но не выплавили серебра ни капли. Итакъ, до смерти засѣкши плетьми вышеупомянутаго обманщика монаха (такъ какъ и онъ по приказанію находился при нихъ), они возвратились въ Москву. Воевода же вскорѣ погибъ убитый разбойниками, а рудознатецъ былъ лишенъ жалованья и нѣкоторое время во всеобщемъ презрѣніи проживалъ въ Нѣмецкой слободѣ.

Присовокупимъ сюда и второй разсказъ объ алхимикахъ. Въ Москвѣ проживалъ одинъ врачъ, мнѣ близко знакомый. Въ началѣ войны, которую Турки вели противъ Венеціанцевъ, онъ жилъ въ Константинополѣ въ семьѣ венеціанскаго посланника, и, спасаясь бѣгствомъ, прибылъ въ Подолію. Тамъ онъ былъ гостепріимно принятъ знатнымъ мужемъ Н. [Павломъ] Потоцкимъ [впослѣдствіи каштеляномъ Каменецкимъ], въ области Чартково [Чартковской],

пока не былъ взятъ со своимъ господиномъ въ плѣнъ и отправленъ въ Москву. Онъ разсказывалъ мнѣ слѣдующее: Въ Константинополѣ, говорилъ онъ,—ходили слухи объ одномъ аптекарѣ, будто онъ искусенъ въ дѣланіи золота. Я и еще одинъ венеціанскій дворянинъ многократно призывали его къ себѣ, принимали со всякаго рода угожденіями и привлекали подарками, чтобы только онъ посвятилъ насъ въ тайны своего искусства. Аптекарь сознавался, что искусство это ему извѣстно, но говорилъ, что трудно передать его кому бы то ни было. Мы настаивали, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ показалъ намъ хоть какой-нибудь обращикъ сказаннаго искусства. Тогда онъ спросилъ у насъ нѣсколько червонцевъ для пріобрѣтенія, какъ онъ утверждалъ, нѣкоторыхъ минераловъ. Затѣмъ онъ принесъ намъ какой-то порошокъ, смѣшалъ его съ извѣстнымъ количествомъ ртути и приказалъ, положивъ въ сосудъ, плавить на огнѣ. Мы исполнили все, какъ было приказано, и въ сосудѣ у насъ получилось золото, однако ни болѣе, ни менѣе того, чѣмъ сколько заключалось въ данныхъ нами червонцахъ. Повторяя этотъ опытъ до трехъ и четырехъ разъ, мы каждый разъ находили золота то болѣе, то менѣе, сообразно съ тѣмъ его количествомъ, какое мы давали аптекарю за его порошокъ. Сто-

имость же ртути и дровъ (которыя въ Константинополѣ покупаются на вѣсъ), а также и нашъ трудъ, пропадали даромъ. Въ концѣ концовъ, выйдя изъ терпѣнія, мы очень серьезно стали его уговаривать, чтобъ онъ пересталъ внушать намъ тщетныя ожиданія, а по просту сказалъ бы правду. Тогда аптекарь сказалъ: „Возьми три, или сколько хочешь, червонцевъ и вечеромъ, когда собираешься отходить ко сну, положи ихъ на столъ, очерти ихъ кругомъ и проговори такія-то слова: имя рекъ; утромъ, когда встанешь, ты не найдешь золота на столѣ, но вмѣсто него у тебя будетъ порошокъ много или мало, сообразно съ количествомъ положеннаго золота. Если ты употребишь этотъ порошокъ уже извѣстнымъ тебѣ способомъ, то найдешь исчезнувшее со стола золото въ томъ же самомъ количествѣ въ сосудѣ".

Позволяю себѣ къ предшествовавшему разсказу прибавить еще и третій, съ нимъ сходный. Кому не извѣстно имя Іоанна Карамуеля, мужа знаменитаго по всей Европѣ? Въ то время, какъ онъ находился въ Римѣ, однажды, когда я былъ у него, слуга его возвѣстилъ о приходѣ гостя, дворянина, ему незнакомаго. Карамуель сказалъ мнѣ и своему товарищу: „Подите въ заднюю комнату; кто бы ни былъ

припедшій, я покончу съ нимъ тремя словами". Однако гость успелъ едва по прошествіи двухъ часовъ. Вошедшій гость началъ такъ: „Вся Европа, достопочтеннѣйшій аббатъ, удивляется твоимъ дарованіямъ и познаніямъ, какъ фениксу. Поэтому и я прибѣгаю къ тебѣ, алкая внять твоей мудрости; прибѣгаю къ твоей снисходительности и умоляю тебя разрѣшить мнѣ одинъ только вопросъ". Карамуель: „Въ чемъ же дѣло?" Гость: „Я желаю знать твое мнѣніе: можно ли искусственнымъ путемъ добыть золото, или нѣтъ?" Карамуель: „Какого же отвѣта ждешь ты отъ меня, господинъ? Чтобъ я тебѣ доказалъ, что это возможно, или на оборотъ?" Гость: „Я не рѣшаюсь самъ сказать на это ни да, ни нѣтъ; но прошу узнать, что ты самъ объ этомъ думаешь". Карамуель: „Точно также и я заранѣе ничего не предрѣшаю; я готовъ и на то, и на другое, и попытаюсь доказать то, что ты прикажешь". Гость: „Господинъ аббатъ, ты, какъ кажется, шутишь со мною; но, прошу тебя, оставь остроты и откровенно открой мнѣ свое мнѣніе". Карамуель: „Я-то нисколько не шучу, но только раскрываю передъ твоими глазами способъ разсужденія алхимиковъ (ибо подозрѣваю, что ты принадлежишь къ ихъ числу). Вѣдь вы, господа алхимики, такъ упрямы въ вашемъ

убѣжденіи, что еслибы даже съ неба сошли всѣ святые серафимы и пытались бы вамъ доказывать, что искомое вами дѣло не возможно, то вы и имъ никакъ бы не повѣрили. Какъ же я-то могу убѣдить васъ въ томъ, въ чемъ не убѣдить васъ и духамъ небеснымъ?“ Далѣе послѣ многихъ словъ съ той и другой стороны, гость наконецъ сталъ излагать причины, по которымъ онъ обратился къ занятію алхиміей. „Въ тотъ городъ“, сказалъ онъ,— „въ которомъ я живу, однажды пришелъ нѣкоторый человѣкъ, направлявшійся въ Римъ; постучавшись въ двери моего дома, онъ былъ мною принятъ и сказалъ мнѣ слѣдующее: „Господинъ, я родомъ Нѣмецъ, по ремеслу серебряныхъ дѣлъ мастеръ, иду въ Римъ по обѣту посѣтить мѣстопребываніе апостоловъ. Я желаю поклониться святынямъ въ вашемъ городѣ; но у меня не хватаетъ денегъ для уплаты за пребываніе здѣсь. Прибѣгаю къ твоему высокородію съ просьбою въ теченіе трехъ дней прокормить меня и дать мнѣ пріютъ“. Я далъ ключь этому человѣку и указалъ ему комнату для его полнаго распоряженія. Гость мой уходилъ изъ дому на разсвѣтѣ и возвращался ко времени обѣдни. На четвертый день онъ призвалъ меня въ свою комнату и попросилъ купить ему нѣсколько унцій ртути. Получивъ

требуемое, онъ положилъ ртуть въ подходящій сосудъ, подсыпалъ какого-то порошка и, не закрывая его, поставилъ на огонь, тамъ же разложенный. Затѣмъ онъ сказалъ мнѣ: „Господинъ, завтра въ этомъ сосудѣ мы найдемъ прекрасный завтракъ“. Я ушелъ, а гость на самомъ разсвѣтѣ ушелъ изъ дому и пробылъ внѣ дома весь день и слѣдующую ночь. На другой день я сломалъ замокъ и вошелъ въ его комнату; тамъ я осмотрѣлъ вышесказанные сосуды и нашелъ въ немъ кусокъ золота, цѣною превосходившій пятьдесятъ червонцевъ. Я показалъ его опытнымъ ювелирамъ, и они, произведя всякія пробы, утверждали, что золото это вполнѣ чистое. Съ этого-то времени, увидавъ такой блестящій примѣръ, я и обратился къ занятіямъ алхиміей. Много трудился я, много понесъ издержекъ, а выгоды до сихъ поръ не получилъ никакой“. Карамуель: „А что же сталось съ этимъ странникомъ въ Римѣ?“ Гость: „Я старался разыскать его во всѣхъ церквахъ, странноприимныхъ домахъ и гостинницахъ; послалъ даже гонца по дорогѣ въ Римъ, но не нашелся никто, кто указалъ бы путника“. Карамуель: „Неужели же ты, господинъ, не видишь, что это былъ не человѣкъ, а ангелъ, но только черный, а не бѣлый; и что его не видѣли нигдѣ въ дру-

гомъ мѣстѣ, кромѣ твоего дома? Вѣдь если онъ, по свидѣтельству апостола, могъ преобразиться въ „ангела свѣта“, то почему же не могъ онъ насмѣяться надъ тобою, надѣвъ на себя личину человѣческаго тѣла? Я почитаю тебя человѣкомъ, не чуждымъ дѣлъ милосердія: вѣдь ты, по твоему разсказу, предложилъ съ полною готовностью гостепріимство чужому человѣку. Поэтому-то сатана, чтобъ отвратить тебя отъ дѣла милосердія и поработить противоположному пороку—корыстолюбія, и ввелъ тебя въ обманъ таковымъ наваждeніемъ“.

Вотъ и четвертый примѣръ наваждeнія волшебства. Въ Тобольскѣ проживалъ одинъ воинскій начальникъ (котораго назовемъ здѣсь Антоніемъ), мужъ почтенной жизни. Однажды къ нему пришелъ другой начальникъ и разсказалъ, что у него есть книга малая величиною, но великая по достоинству. „Всякій разъ“, говорилъ онъ,—„какъ я прочту ее, жизнь моя въ теченіе тридцати дней бываетъ безопасна отъ всякаго оружія, я пользуюсь расположeніемъ какихъ угодно начальствующихъ лицъ и во всякомъ спорѣ бываю побѣдителемъ. Сочинитель же этой книги есть какой-то папа“. Въ это самое время пришелъ къ разговаривавшимъ какой-то католикъ. Антоній обратился къ нему съ такими словами: „Господинъ папистъ, ты при-

шелъ какъ разъ во время, теперь уже я тебя не выпущу. Послушай-ка, какія ученія ваши первосвященники распространяютъ въ народѣ". Этими словами онъ полагалъ прямо задѣть католика, косвенно же своего сослуживца, какъ волшебника. Католикъ отвѣтилъ: „Все это ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть справедливо: наши первосвященники предаютъ подобныя сочиненія проклятію и запрещаютъ ихъ чтеніе подъ страхомъ отлученія". Начальникъ-колдунъ отвѣтилъ на это: „я покажу тебѣ самое заглавіе книги" и съ этими словами вскочилъ, отправился домой и возвратился съ книгою. Сочинителемъ книги былъ названъ въ ней папа Бернардъ. Тогда католикъ воскликнулъ: „Вотъ явная и постыдная ложь! Вѣдь между высшими первосвященниками не было ни одного, который носилъ бы имя Бернарда. Въ свидѣтели того я призываю авторовъ „Магдебургскихъ центурій" и ихъ сократителя Іоанна Микелія: если вамъ угодно, я сейчасъ же принесу его сочиненіе: въ немъ можно найдти перечень всѣхъ первосвященниковъ, и между ними нѣтъ ни одного Бернарда: слова мои подтвердятъ всѣ историки (къ какому бы вѣроисповѣданію они не принадлежали)". Затѣмъ, обратясь къ Антонію, онъ сказалъ: „Господинъ начальникъ, прошу тебя, обрати вниманіе и замѣть: ни-

когда Господь Богъ не дастъ такой власти сатанѣ въ испытаніи людей, чтобы человѣкъ благоразумный и заботящійся о спасеніи души не могъ не замѣтить обмана, если только онъ станетъ внимательно взвѣшивать угрожающее ему искушеніе. Это вполнѣ ясно видно на этой чародѣйской книгѣ: тотъ чародѣй, который сочинилъ ее, хотя и имѣлъ возможность приписать свою книгу папѣ, однако ему не было дозволено выставить на ней истинное имя какого бы то ни было папы. Такимъ образомъ сатанинскій обманъ обнаруживается немедленно на первой же страницѣ рукописи".

Здѣсь же присовокупимъ краткій диспутъ между сказанными Антоніемъ и католикомъ, котораго назову Петромъ, такъ какъ диспутъ этотъ произошелъ тамъ же. Антоній принадлежалъ къ такъ-называемой реформатской церкви; однажды по какому-то поводу онъ сталъ утверждать, что святые отцы, будучи людьми, могли ошибаться, какъ люди, и во многомъ дѣйствительно, какъ люди, ошиблись. Петръ сказалъ: А Кальвинъ и Лютеръ были тоже люди! Антоній: Что жь изъ этого? Петръ: Слѣдовательно, и они, какъ люди, ошиблись. Антоній: Можетъ быть, и ошиблись. Петръ: Ты пристрастный судія: про святыхъ ты категорически сказалъ, что они ошиблись; про

Кальвина же лишь предположительно и съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ: быть можетъ, говоришь ты, и они ошиблись; а между тѣмъ первые были святыми, чего уже никакъ нельзя сказать про послѣдняго. Однако обрати вниманіе: какъ бы ты ни выразился, во всякомъ случаѣ ты впадешь въ одинаковую для себя неловкость. Если ты станешь положительно утверждать, что Кальвинъ ошибся и тѣмъ не менѣе будешь продолжать принимать и признавать его ученіе, то слѣдовательно, ты самъ ошибаешься (и притомъ сознательно и по доброй волѣ); если же ты выражаешься условно—быть можетъ, Кальвинъ ошибся—и все-таки принимаешь его ученіе, въ истинѣ котораго ты не вполнѣ убѣжденъ, то вѣра твоя сомнительна и не опредѣленна; собственно говоря, это даже не вѣра, а предположеніе, которое можетъ оказаться ложнымъ. Антоній: Я вѣрю единственно одному Священному Писанію. Папѣ же, или собору, или Августину, или Кальвину, или вообще всякому человѣку я вѣрю лишь на столько, на сколько ученіе его согласно съ Писаніемъ. Петръ: А умѣешь ли ты различить, кто изъ нихъ согласенъ съ Писаніемъ, кто нѣтъ. Антоній: Благодаря Бога, умѣю. Петръ: Итакъ, ты считаешь себя судіей всѣхъ? И притомъ даже въ большей степени, чѣмъ священнослужитель,

такъ какъ ты судишь и осуждаешь и священнослужителей, и всѣхъ другихъ. Антоній: Но вѣдь и ты дѣлаешь то же: если ты присоединяешься къ папѣ и если дѣлаешь это по собственному убѣжденію, а не по принужденію, то слѣдовательно, ты истину признаешь только за папой, а всѣхъ другихъ осуждаешь, какъ впавшихъ въ ошибку. Петръ: Нѣтъ, между нами есть великое различіе: Я (вкупѣ съ католиками) признаю всѣхъ (кромѣ папы и тѣхъ, которые единомышленны съ нимъ) впавшими въ ошибку; но дѣлаю я это, основываясь не на личномъ своемъ достовѣріи, а на авторитетѣ церкви. Самую же церковь я никакимъ образомъ не сужу, ни въ одномъ отдѣльномъ догматѣ я не испытываю ее, но просто вѣрю, что церковь непогрѣшима, что она никогда не ошибалась и ошибаться не можетъ. Я вѣрю обѣщанію Спасителя: „Врата Адова не одолѣютъ ю“ и словамъ апостола: „Церковь есть столпъ и утвержденіе истины“. По той же причинѣ я повинуюсь Господу, дающему такое приказаніе: „Аще и церковь преслушаетъ, буди тебѣ яко язычникъ и мытарь“, и всѣхъ, не слушающихъ церкви, считаю язычниками и мытарями. Я же самъ не разбираю ученія церкви ни въ какомъ догматѣ и не оспориваю ничего изъ того, во что она предлагаетъ намъ вѣрить.

Нѣтъ, закрывъ тѣлесныя и умственныя очи (съ неуязвимою и спокойною совѣстью), я пріемлю все то, во что̀ она приказываетъ вѣрить, и вѣрю въ это искренне. „Скотенъ быхъ у Тебе, и азъ выну съ Тобою“. Ты же препираешься и испытываешь свою реформатскую церковь (по скольку она есть видимая), то-есть, всѣхъ пастырей и писанія, и утверждаешь, что они могли и могутъ ошибаться, а изъ этого по справедливости вытекаетъ условное заключеніе: слѣдовательно, они, быть можетъ, дѣйствительно ошиблись; если же это такъ, то и вѣра твоя, быть можетъ, ошибочна, а во всякомъ случаѣ не непреложна. Антоній: Я не вѣрю видимой церкви (то-есть, видимымъ людямъ и писаніямъ), но лишь церкви невидимой, другими словами—духу, который научаетъ меня истинному пониманію смысла Священнаго Писанія. Петръ: Что̀ же это за духъ, и каковы его свойства? Антоній: Это мой собственный духъ, данный мнѣ отъ Бога, или иначе, мое внутреннее сужденіе, которое есть не что иное, какъ благодать Божія, научающая меня познавать Писаніе и всяческую истину, сообразно со словами Писанія: „Той наставитъ васъ на всякую истину“. Петръ: Ты сильно ошибаешься, зане это обѣщано не каждому человѣку, но лишь апостольскому собору, и въ немъ

Псал. 72.

соборной церкви, а въ особенности главѣ ея: „Идѣже еста два или тріе собрани во имя мое, ту есмь посредѣ ихъ“. Кромѣ того, всѣ тѣ пастыри, которыхъ ты осудилъ, имѣли каждый свой собственный духъ и вмѣстѣ съ апостоломъ (вѣроятно, правильнѣе, чѣмъ ты или Кальвинъ) говорили: „Мню, яко и во мнѣ духъ Божій есть“, и не смотря на то, по твоему мнѣнію, всѣ они ошиблись (и ошибкѣ ихъ нисколько не помѣшало такое число ихъ личныхъ духовъ). Итакъ, почему же, спрашивается, твой собственный духъ не можетъ ввести тебя въ заблужденіе, если собственные духи столькихъ и притомъ столь святыхъ мужей ввели ихъ (какъ по крайней мѣрѣ ты полагаешь) во многія заблужденія? Тутъ Антоній нѣкоторое время оставался въ молчаніи, обдумывая, что̀ ему отвѣтить; но Петръ, продолжая свою рѣчь, сказалъ: Мнѣ кажется, что ты почувствовалъ силу моихъ доводовъ; но что̀ бы ты ни сказалъ, ты никогда ни присоединишься къ сказанному мною. Итакъ, я на томъ и не настаиваю и даю тебѣ время на размышленіе. Однако спрашиваю тебя только объ одномъ: есть ли на свѣтѣ какая-нибудь книга ученія (кромѣ Священнаго Писанія), которая, по твоему мнѣнію, свободна отъ всякаго заблужденія, и которой человѣкъ вполнѣ безопасно могъ бы довѣрить свою совѣсть и дѣло

своего спасенія? Точнѣе говоря, спрашиваю тебя: ученіе Кальвиново вполнѣ ли свободно отъ всякаго заблужденія? Антоній: Отвѣчаю тебѣ, какъ уже отвѣчалъ и ранѣе: ученіе это свободно отъ заблужденій, если только и по скольку оно согласно съ Священнымъ Писаніемъ. Петръ: Ты опять возвращаешься къ прежде сказанному и притомъ къ тому, что̀ уже нами разсмотрѣно. Я тебя именно объ этомъ и спрашиваю: ученіе Кальвиново во всѣхъ своихъ словахъ вполнѣ согласуется съ Священнымъ Писаніемъ, или нѣтъ? Отвѣчай же мнѣ именно на это. Антоній: Я еще не имѣлъ случая испытать его ученіе отъ слова до слова. Петръ: Смотри же, чтобы слова твои не оказались приносящими значительную обиду и Кальвину, и другимъ пастырямъ твоей церкви, и чтобы вѣра твоя не оказалась шаткою, сомнительною, превращающеюся въ ничто. Если предположить, что сказанное ученіе свободно отъ ошибокъ только при условіи предварительнаго его испытанія, а испытаніе это еще и до сихъ поръ не сдѣлано, то оно подлежитъ подозрѣнію въ ложности. Почему же сказанные пастыри еще до сихъ поръ не испытали этого ученія и не сличили его со Священнымъ Писаніемъ? Почему же ты самъ этого до сихъ поръ не сдѣлалъ? А между тѣмъ и пастыри ваши въ школахъ и съ

каоедры излагаютъ его и проповѣдуютъ безусловно; да и ты самъ почему излагаешь его своимъ дѣтямъ и имъ приказываешь дѣлать то же? Неужели же каждый слушатель (прежде чѣмъ повѣрить сказанному ученію) всякій разъ при каждомъ словѣ долженъ будетъ раскрывать Священное Писаніе и совѣтываться съ своимъ собственнымъ духомъ? Если даже кто-либо изъ слушателей это, пожалуй, и можетъ сдѣлать, то что же дѣлать крестьянамъ по возвращеніи съ богослуженія? Вѣдь у нихъ нѣтъ Священнаго Писанія, да и читать-то они не умѣютъ. Если все это такъ, какъ ты говоришь, то всеконечно, ваши суперинтенденты и богословы должны были бы уже ранѣе дословно испытать сказанное ученіе и подъ диктовку своего личнаго духа сравнить его со Священнымъ Писаніемъ. Если они найдутъ его вполнѣ свободнымъ отъ заблужденій, то обязаны представить тому доказательство; если же въ немъ окажется что-либо ложное, то они должны это ложное исключить. Но такъ какъ они этого никогда не дѣлали и тѣмъ не менѣе во всеуслышаніе, безусловно и самоувѣренно проповѣдывали ученіе, подлежащее сомнѣнію (въ теченіе столькихъ годовъ, протекшихъ со времени смерти Кальвина), то они по истинѣ приняли на себя великую вину (не буду говорить, въ чемъ она заключается:

въ безпечности ли, или въ лжеученіи и обманѣ). Этой винѣ причастенъ и ты, на сколько это касается твоего семейства. Антоній: Что касается лично меня, то я весьма легко открываю моей семьѣ истинный смыслъ въ случаѣ сомнѣній и вопросовъ. Петръ: И они должны тебѣ вѣрить? Антоній: Неужели ты сомнѣваешься и въ этомъ? Петръ: Быть можетъ, и я буду обязанъ вѣрить тебѣ, если ты будешь меня въ чемъ-либо наставлять? Антоній: Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, если только тебя освѣтитъ Богъ: ты повѣришь не мнѣ, но Божественному Духу, меня поучающему. Петръ: Боже, какія ты говоришь несообразности! Во-первыхъ: что если мой личный духъ сталъ бы мнѣ предписывать не то, что твой тебѣ предписываетъ? Вовторыхъ: почему ты не обязанъ вѣрить ни нашѣ, ни собору, ни святымъ отцамъ, ни даже своимъ суперинтентендамъ и богословамъ, ни наконецъ самому Кальвину? Почему? Потому что они люди и, слѣдовательно, видимы, и писанія ихъ или ученіе тоже видимы. Я же, напротивъ, долженъ вѣрить тебѣ, хотя и ты, какъ человѣкъ, подобно имъ, видимъ, слѣдовательно, и ученіе твое тоже видимо. О, господинъ мой, оба мы съ тобою слишкомъ поздно родились: послѣ протекшихъ шестнадцати столѣтій, въ исходѣ этого вѣка, послѣ того какъ

(по твоимъ словамъ) столько святыхъ священнослужителей, мучениковъ, соборовъ, купно со своими частными духами (опять же по твоимъ словамъ), впали въ заблужденіе; послѣ того, какъ и самъ реформаторъ вашей церкви и его преемники не принесли ничего твердаго и безусловно вѣрнаго, но все ими сдѣланное до сихъ поръ ждетъ твоего испытанія; послѣ всего этого, говорю я, долженъ я вѣрить, что ты одинъ обладаешь истиною, что ты одинъ не заблуждаешься, и что только одинъ твой собственный духъ не хочетъ и не можетъ меня обмануть, хотя такое безчисленное число другихъ духовъ ввели въ многочисленныя ошибки столькихъ благочестивыхъ и святыхъ мужей. „Не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи, аще отъ Бога суть“.

Но объ этомъ довольно.

Московскій острогъ надъ рѣкою Шингаломъ, у границъ Китая.

За тридцать слишкомъ лѣтъ передъ симъ Москвитяне выстроили острогъ, близъ Восточнаго океана надъ рѣкою Шингаломъ; изъ него они нападали на подданныхъ Китайскаго царя, заставляя ихъ платить дань. Однако флотъ, посланный сказаннымъ царемъ, изъ океана вошелъ въ устье сказанной рѣчки и подошелъ къ острогу. Войско начало осаду, пользуясь пушками, а также ручными огнестрѣльными пищалями. Москвитяне же, держась за стѣнами,

многихъ изъ нихъ положили замертво выстрѣлами изъ такого же рода орудій. Когда у нихъ вышелъ весь порохъ, они должны были оставить острогъ и удалиться. Китайцы ихъ не преслѣдовали, но, разрушивъ крѣпость, и сами возвратились домой.

Острогъ Нерчинскій.

Однако, такъ какъ и послѣ того Москвитяне безпокоили изъ другого острога, называемаго Нерчинскимъ, тѣхъ же китайскихъ подданныхъ (называемыхъ Даурами и Никанами), то царь Китайскій, около десяти лѣтъ передъ симъ, послалъ посла къ Нерчинскому воеводѣ. Посолъ этотъ требовалъ, чтобы воевода взялъ у Китайцевъ заложниковъ и представилъ ему двухъ или трехъ московскихъ воиновъ для слѣдованія къ Китайскому царю. Онъ говорилъ, что подданные его царя отказываются платить ему дань, такъ какъ они отягчены уже поборами со стороны Москвитянъ. Царь же его не можетъ имъ вѣрить и хочетъ собственными глазами убѣдиться: „Если все это дѣйствительно такъ, то царь пошлетъ съ вашими людьми мирныя условія для установленія границъ“. Воевода отпустилъ трехъ воиновъ, которые разсказывали, что они совершили путь отъ Нерчинска до Стѣны и Китайскихъ воротъ въ 4 недѣли, а отъ стѣны до столицы Камбаликъ въ 6 недѣль. Они были приведены къ царю,

Дауры и Никаны.

Отъ Нерчинска до Стѣны 4 недѣли.

который, осмотрѣвъ ихъ съ любопытствомъ, одѣлилъ дарами и поручилъ имъ передать своему царю, чтобъ онъ послалъ посла съ полномочіемъ установить границы двухъ царствъ и заключить договоръ ради спокойнаго сосѣдства. Послы возвратились, прибыли въ Москву и привезли грамоту, но такъ какъ она была написана китайскими письменами, то не нашлось никого, кто могъ бы ее прочесть. Затѣмъ по прошествіи трехъ лѣтъ царь Московскій послалъ туда посла, нѣкоего Грека, по имени Спаѳарія, съ полномочіемъ войдти въ соглашеніе относительно границъ съ Китаемъ и будущей съ нимъ торговли. Проѣздомъ чрезъ Тобольскъ этотъ Спаѳарій разсказывалъ, что въ Москвѣ находились два члена общества Іисусова, посланные отъ папскаго престола; они ходатайствовали передъ царемъ, чтобъ имъ было дозволено съ вышеупомянутымъ посольствомъ отправиться въ Пекинъ. Но такъ какъ было сомнительно, какой исходъ ожидаетъ это посольство (до того времени и дорога туда была еще не извѣстна), то сказаннымъ отцамъ было отказано въ исполненіи ихъ просьбы, а были они посланы черезъ Астрахань въ Персію. Однако Спаѳарій говорилъ мнѣ: „Государь далъ приказъ, что если при моемъ возвращеніи кто-либо изъ отцовъ общества Іисусова пожелаетъ

Посолъ Спаѳарій.

со мною возвратиться въ Европу, то чтобъ я принималъ ихъ, сколько бы ихъ ни было". Спаѳарій прибылъ къ Китаю и, проникнувъ по ту сторону Стѣны, написалъ въ Москву. Что было съ нимъ послѣ того, мнѣ не извѣстно.

Лѣтъ за двадцать и болѣе передъ симъ, былъ въ городѣ Енисейскѣ одинъ военачальникъ, родомъ Полякъ. Сестра его, дѣвица, была лишена невинности однимъ изъ начальниковъ; Полякъ, движимый негодованіемъ вслѣдствіе такого подлаго поступка, склонилъ своихъ товарищей къ возстанію. Они убили того начальника и, разграбивъ лавки купцовъ, вышли изъ города и направились къ югу; пройдя путь многихъ дней, они воздвигли крѣпость на рѣкѣ, именуемой Абазинъ. Въ теченіе десяти лѣтъ они утвердили тамъ свое мѣстопребываніе, послали въ Москву дары и били челомъ царскому величеству снять съ нихъ вину въ совершенномъ ими преступленіи; сами же обѣщали ежегодно собирать съ туземцевъ дани и посылать царю. Царь, даровавъ имъ прощеніе, облекъ сказаннаго Поляка саномъ воеводы, а Енисейскому воеводѣ приказалъ снабжать ихъ всѣмъ необходимымъ, въ чемъ будутъ нуждаться.

Военачальникъ Полякъ.

Рѣка Абазинъ.

Немного лѣтъ спустя примѣру ихъ послѣдовалъ одинъ стрѣлецъ въ городѣ Красно-

ярскѣ. Онъ собралъ отрядъ товарищей, и, не учинивъ никакого злодѣянія, они проникли далеко къ югу до рѣки Селенги. Найдя, что рѣка эта богата рыбой, а почва въ изобиліи приноситъ плоды, они основали здѣсь крѣпость и, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, послали къ царю гонцовъ съ дарами (въ числѣ ихъ находился и самъ виновникъ предпріятія, съ которымъ я лично видѣлся и бесѣдовалъ) и просили принять ихъ подъ свою власть, обѣщая выплачивать дань. Царь и на ихъ ходатайство благосклонно согласился.

Рѣка Селенга.

Такъ какъ царство это, которое, по разсказамъ, окружено стѣнами, Португальцы называютъ Хиною или Синою, а его столицу—Пекиномъ, Татары же и Москвитяне страну именуютъ Китаемъ, а столицу—Камбаликомъ, то было сомнительно, есть ли это одно и то же царство или два различныя. Но впослѣдствіи (не слишкомъ давно) стало извѣстно, что Китай есть не что иное, какъ Сина, а Камбаликъ—Пекинъ.

Было и другое сомнѣніе: соединено ли Ледовитое море съ Восточнымъ океаномъ, омывающимъ съ востока Сибирь, затѣмъ южнѣе области Даурію и Никанію и наконецъ царство Китайское; или же моря эти, то-есть, Ледовитое море и Восточное, или Китайское, отдѣлены другъ отъ друга какимъ-нибудь материкомъ

простирающимся отъ Сибири на востокъ? Сомнѣніе это въ самое послѣднее время было разрѣшено воинами Ленской и Нерчинской области: они, собирая съ туземцевъ дань, прошли всю эту страну до самаго океана и утверждаютъ, что къ востоку нѣтъ никакой твердой земли, и что сказанныя моря ничѣмъ другъ отъ друга не отдѣлены, но что Сибирь, Даурія, Никанія и Китай (или Сина) съ востока омываются однимъ сплошнымъ океаномъ.

На вопросъ же нѣкоторыхъ: могутъ ли корабли отъ гавани св. Михаила Архангела, или же отъ устья рѣки Оби и города Березова, плывя безпрерывно около береговъ Сибири, Дауріи и Никаніи, приплыть къ Китаю,—упомянутые воины отвѣчали, что въ Ледовитомъ морѣ ледъ никогда не таетъ вполнѣ, но въ теченіе всего лѣта по водамъ плаваютъ въ большомъ количествѣ огромныя глыбы льда, сталкиваясь между собою; поэтому глыбы эти (особенно при сильномъ вѣтрѣ) могутъ уничтожить какое угодно судно.

На это можно возразить: какимъ же образомъ, какъ мы выше сообщили, корабли изъ Китая черезъ устье Шингала проникли въ Никанію? Да будетъ же извѣстно, что Шингалъ лежитъ гораздо южнѣе Ледовитаго моря, въ одномъ климатѣ съ Калмыцкою землею, въ которой

стоячая вода лѣтомъ отъ солнечнаго жара сгущается въ соль; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что и льды океана въ томъ же климатѣ совершенно уничтожаются или даже вовсе не образуются. Слѣдовательно, такъ какъ представляется совершенно неудобнымъ изъ какого-нибудь пункта Сибири или Россіи плыть на корабляхъ въ Индію, то путь этотъ, какъ кажется, возможно совершить по берегамъ Дауріи или Никаніи, мимо устьевъ Шингала, Абазина, [Амура], Селенги и другихъ рѣкъ, которыя изливаются въ Восточный океанъ.

Единому Богу во вѣки слава. 1680.

УКАЗАТЕЛЬ *).

А.

Абадай ханъ, царь Китайскій 93.
Абазинъ, р., см. **Албазинна**.
Абалаевы жилища 45.
Абаланъ, Абалатское село, Обалакъ, вотчина царя Кучума 37, 44, 64, 68.
Абдура ханъ, Абдалъ ханъ, Абдара ханъ, сынъ царя Китайскаго Абадая хана 93, 94.
Аблай-тайша (Ablai-taisa), Калмыцкій тайша (132), 181.
Абуга, Айбуга, урочище 45.
Августинъ (Augustinus) Блаженный (149), 203.
Аврамашева слобода 27, 43.
Агирка, р., см. **Аркарка**.
Азія, р., см. **Зія**.
Айбуга, см. **Абуга**.
Алабуха, г. 59.
Алазбинское зимовье, см. **Албазинскій** острожекъ.
Алазеево зимовье 32.
Алазея, р. 32, 88.
Алачевъ, Дмитрій, кп. Остяцкій 17, 20, 21.
Албазинка, Албазпел, Абазинъ (Abazin), р. 52, 90, (157, 160), 213, 216.
Албазинъ, Алазбинское зимовье, Албазинскій острожекъ, онъ же —**Лапкаевъ**, китайскій даурскій городъ 32, 33, 48, 52, 86, 89, 107, 108.
Алданъ, р. 32, 52, 87.
Алексѣй Михайловичъ, царь V, X, 23, 25.
Алканы, матерія 86.
Алмазъ (adamas) (138), 189.
Алтай, камень рубежный 45, 78.
Алтынъ, Алтынъ-кулъ, озеро 50, 81.
Алтынъ-царь (Altin-Tzar), тайша Калмыцкій (132), 181.
Алхимія (alchimia) (146), 198, 199.

*) Слова и цифры, заключенныя въ скобки, относятся къ латинскому тексту.

Алхимики (alchimistae) (116, 117, 142, 145), 161, 194, 197.
Амазаръ, р. 89.
Аманаты, см. **Заложники**.
Амурская сторона 84.
Амурское море 49, 54, 110.
Амурское устье 49, 85, 109, 112.
Амуръ (Amurus), р. VII, 31—34, 48, 49, 84—86, 88—91, 103, 105—113, (160), 216.
Анабара, Нанабора, р. 53, 54, 88.
Анадырь, р. 54, 84, 110.
Ангара, Верхняя Тунгуска, р. 30, 31, 47, 82, 83, 87.
Ангарскіе пороги 83.
Антоній (Antonius, tribunus militum), начальникъ воинскій въ Тобольскѣ (147—152, 154), 200—207, 209.
Анучинъ, Дм. Н., профессоръ III, IV, XI.
Анціанъ (Ancias), тайша Калмыцкій (135), 185.
Арбузы, гарбузы 34.
Аргуня, Архуня, р. 31, 48, 107.
Аремзинская волость 17.
Аркарка, Агирка, р. 19, 37, 44, 45.
Аруня, р. 89.
Архангельскъ, г. 61, 62, 75.
Асбакей (Asbakeius), бухарецъ (138), 189.
Астрахань, г., Астраханская земля (Astrachania) 29, 44, 58, (119, 126, 130, 139), 163, 173, 179, 190, 212.

Б.

Бабасанская волость 18.
Бабы, птицы 73.
Бадьянъ (badian или anniziûm stellatum), анисъ (136), 187.
Байкалъ, озеро 31, 47, 83, 88, 106, 110, 112.
Балагансій острогъ 31, 47, 82, 83.
Балдъ, земля въ верху Оби рѣки IV, 5.
Барабинская волость 37, 44.
Барбуза, Барбузинская р., 83, 88.
Барбузинскій острогъ 83, 88.
Барсы 77.
Бархаты 109.
Baulsee (118), 163.
Баунтъ, озеро 83.
Баунъ, р., 83.
Башкирская земля 44.
Башкирцы, Баскирцы, нар. 29, 59.
Баянсума, городъ китайскій 46.
Берега морскіе весною опущаются 112.
Березовскій уѣздъ 20.
Бэрезовъ (Brezovia), г. 17, 19—21, 36, 50, 51, 74, 75, (123, 159), 169, 215.
Бернардъ (Bernardus) (148), 201.
Безсоновъ, П. А. IX.
Бешкильская слобода 43.
Библіотека Императорская Публичная IV, V, IX, 1, 7, 115, 116; Стокгольмская Королевская X.
Бичевой путь 51, 81.
Бія, Бея, р. 35, 50, 80.
Благовѣщенская слобода 27, 42.
Блудная, р. 54, 88, 110.

Бобровина, лица Самоѣдовъ 6.
Бобровка, р. 27, 43.
Бобры 69, 73, 74, 77, 78, 91, 92.
Богдойская сторона 107.
Богдойскій, Богдуйскій царь 78.
Богдойцы, Богдуйцы, нар. 85, 92—94.
Богдоханъ Махъ, Богодой, царь Китайскій, онъ же князь Богдуйскій 46, 78, 84, 92—95.
Богодой, см. **Богдоханъ Махъ**.
Божницы или мечети каменныя 96.
Бой водяной 108; лучный 65, 77, 94; огненный 63.
Болваны литые 96, 98.
Болота 29, 33, 88.
Болшуй, р. 37.
Борзя, р. 48.
Боронтала, г. въ Тангутской землѣ 99, 100.
Боры 82.
Бошохта, ханъ черныхъ Калмыкъ 77, 80.
Бояре (боляре) 69; китайскіе 92 — 94, 99; удѣльные царя Кучума 62.
Братскій Нижній острогъ 30, 31, 47, 82.
Браты, Братскіе, Буряты (Brati), нар. 87, 88, (124), 170.
Бубны при богослуженіи ламъ 98.
Буза, см. **Соль**.
Булагунъ, урочище 45.
Булатъ, р. 57.
Бурханнигеръ, храмъ китайскій 96.
Буряты, см. **Браты**.
Бусы, суда китайскія 108.
Бухарія 61.
Бухарскій уѣздъ 29.
Бухарцы (Buchari), нар. 26, 76, 78, (131, 136, 138, 139), 180, 186, 188, 189.
Быстрая, р. 91, 107.
Бѣлослутская слобода 43.
Бѣлуги 90.
Бѣляновская слобода 27, 43.

В.

Вагай, р. 15.
Вагайскій острожекъ 15.
Вагиличи, см. **Вогуличи**.
Вагулка, Вогулка, р. 19, 75.
Вагъ, Вахъ, р. 36.
Вандалы (Vandali), нар. (132), 181.
Варка, р. 53.
Варла, р. 87.
Варницы соляныя (salinae) (119, 120), 163, 165.
Везуртъ-тайша (Vesyrta-taisa) Калмыцкій (132), 181.
Велбуды, см. **Верблюды**.
Венеціане (Veneti), нар. (143), 194.
Верблюды, велбуды (cameli) 64, 76—78, 83, 86, 89, 92, 94, 97, (134, 136), 184, 186.
Верхнее зимовье 32.
Верхоленскій острогъ 87.
Верхотурка, р. 61, 62.
Верхотурскій камень 60—62, 68.
Верхотурскій уѣздъ 10, 26, 42.
Верхотурье (Verchoturia), г. 9—13, 27, 42, 70, (119, 125, 127), 164, 171, 174.

Верхоянское зимовье 32, 52.
Вильна (Vilna), г. (118), 162.
Вилюй, р. 53, 87.
Вино въ богослуженіи ламъ 99.
Виноградъ 90, 107, 109.
Витимъ, р. 32, 52, 87.
Вогуличи (Vagulci), Вагиличи, нар. 13, 18, (124), 170.
Вода проведенная въ г. Камбалыкѣ 37.
Водка (aqua vitae) (136), 187.
Воеводы: государевы (praetores, voievodae) 18, 70, (122, 125—127, 133), 167, 171, 173, 182; Енисейскій (praetor Ienessensis) (157), 213; китайскіе Паунскіе 107; Перчинскій (pr. Nercini) (155, 156), 211; Сибирскіе (pr. Sibiriae) (125), 171; Тобольскій (pr. Tobolensis) (135, 140—142), 184, 191—194; Шингальскій 92.
Войско (exercitus, militia) (125, 133, 134), 171, 182—184.
Волга (Volga), р. 11, 57, 58, 60, 61, (120), 165.
Волки 92.
Вологда, г. 70.
Волоковая, р. 87, 88.
Волокъ, р. 88.
Волокъ 20, 21, 27, 31—34, 36, 37, 42, 47, 50 (каменный), 51, 52, 54, 82, 87, 88, 106, 110, 174.
Волости 17; ясачныя 14, 15.
Волочайка, Волочанка, р., притокъ р. Таза 21, 37; р., притокъ р. Турухана 21.
Волшебство, колдовство (ops magica, magia) (124, 125, 132, 140, 148), 170, 171, 190, 191, 200, 201.
Волы 92.
Ворота Китайскія (portus Kataii) (156), 211.
Воротынскій, кн. Иванъ Алексѣевичъ X.
Востоковъ, А. X. VI, VII.
Восточный или Китайскій океанъ (Oceanus Orientalis, Ortualis, Sinensis) II, (116, 117, 119, 155, 158—160), 161, 210, 214—216.
Вотчина Строганова мужика 59.
Вотяки, нар. 59.
Врачъ (medicus), при Венеціанскомъ посланникѣ въ Москвѣ (142), 194.
Выдры 73, 74, 78, 91.
Вымь, р. 51.
Вычегда (Vicegda), г. (120), 165.
Вычегда, р. 51.
Вѣсти, посылаемыя съ гонцами, 14, 19.
Вѣщуны (fatidici) (124), 170.
Вятка, р. 59.

Г.

Габель, Фридрихъ (Gabel, Fridericus) (118), 162.
Гагары, птицы 73.
Гады, пища Китайцевъ 97.
Гарнизонъ (praesidium) московскій (124, 125), 169, 172.
Гарпинка, р. 91.
Генесей, Генесейскій острогъ, см. **Енисей, Енисейскій** острогъ.
Герулы (Heruli), нар. (132), 181.

Гиляки, Гиляпки, Гилянскіе люди, Гиляцкіе народы 34, 49, 54, 110—112.
Гиляцкая, Гилянская земля 34, 54, 109.
Гичюлъ лама 97, 100.
Говнюха, р. 51.
Годуновъ (Gadunius, Petrus), Петръ Ивановичъ, стольникъ и воевода Тобольскій V, IX, 26, (134), 183.
Голландія (Hollandia) (141), 192.
Голландцы (Hollandi), нар. 113, (124), 170.
Головы оленьи, пища Самоѣдовъ 5.
Гонцы (legati, nuntii, veredarius) 10, 11, 14, 15, 64, (118, 127, 133, 158), 162, 174, 182, 214.
Гоньба ямская V, 9, 12—14, 18, 19.
Горностаи 78, 173.
Горнъ, Гильдебрандъ (Horn, Hildebrandus) (117), 161.
Города, городки IV, V, 34, 37, 41, 46, 64, 76, 78, 91.
Горохъ при богослуженіи ламъ 99.
Горы каменныя, камень 36, 38, 45, 48, 49, 54, 64, 79, 84—90, 97, 106, 110—112, (119, 139, 142), 163, 190, 194.
Гостинницы (xenodochiae) (146), 199.
Готы (Goti), нар. (121, 132), 165, 181.
Грабежи (praedae) (136), 186.
Градъ великъ въ землѣ Самоѣдовъ на р. Оби 5, 6.
Грамота или писаніе латинское 95.
Грамоты: жалованная 70; (litterae) царя Китайскаго въ Москву (156), 212; царя Кучума 63.
Гроза Ивановичъ, атаманъ казаковъ 68—71.
Гротъ, Я. К. X.
Груши 34.
Гунны (Hunni), нар. (132), 181.
Гуси 73.

Д.

Далай, озеро 107.
Далай-лама 99, 100.
Данія (Dania) (117), 161.
Дань (tributum) 92 — 94, (131, 155, 157—160), 180, 186, 210, 211, 213, 215.
Дарья, р. 61.
Даура, Дуря, р. 53, 88.
Даурія (Dauria), Даурская земля, Даурская сторона 85, 89, 90, 109, (120, 158—160), 164, 214—216.
Дауры (Dauri), Даурскіе люди 39, 49, 108, (124, 155), 170, 211.
Дворъ царевъ въ г. Камбалыкѣ 94.
Дворяне (nobiles) (120, 144), 165, 166; дворянинъ венеціанскій (patricius venetus) (143), 195.
Демьянскій ямъ, Демьянская 30, 46, 72.
Деньги (pecunia) 20, 21, (135, 139, 145), 185, 190, 198.
Дербитскій Калмыцкій улусъ 44,

Деревья хвойныя (piceae) (126), 172.
Десятина, подать 85.
Десятники у инородцевъ 73.
Джючера, см. **Дючерцы**.
Димитрій (Demetrius praesbiter), священникъ (129, 130), 177, 178.
Договоръ съ Китаемъ (foedus) (156), 212.
Дома страннопріимные (cauponae) (146), 199.
Domus Vilnensis 116.
Донъ, р. 57.
Дороги V, 9, 12, 14, 19, 25, 30, 41, 44, 46, 49, (146), 199.
Доски желѣзныя вмѣсто клепалъ при богослуженіи ламъ 98.
Дочь царя Китайскаго Абадая хана 93.
Дощаники IV, 9, 10, 12—18, 32, 33, 35, 37, 44, 46, 50, 52, 106, 108, 109.
Драгуны V, 26, 28, 29.
Дрова (ligna) 92—94, (143), 196.
Дружина 58, 59, 64, 69, 72.
Dubrowsky, Petrus 116.
Дуря, р., см. **Даура**, р.
Дыки 34.
Дѣло военное (militia) (132), 180; государево 10, 13—15, 17, 19, 21, 101; оружейное (ferri fodinae) (139), 190; рудное (ars metallaria) (141), 192; серебряное 192, 198.
Дѣти царя Китайскаго 99; царя Кучума 64, 68.
Дючерцы, Джючера, нар. 85, 108, 109.

Е.

Европа (Europa) (118, 144, 157), 162, 196, 197, 213.
Езеро въ землѣ Самоѣдовъ въ верховьяхъ р. Оби 5, 6.
Елдень, тайша Мунгальскій 45.
Елецъ, р. 50.
Елогуй, р. 35, 36, 51, 82.
Енисей, Генесей, Енесія (Ienesseius), р. 22, 30, 34—36, 47, 51, 52, 80, 82, 84, 85, (127, 130), 174, 178.
Енисейскій, Генесейскій волокъ 82.
Енисейскій, Енесейскій, Генесейскій острогъ (Ienesseium) 20—22, 30, 32, 34, 47, 51, 52, 80, 82, 87, (125, 129, 134, 157), 171, 177, 184, 213.
Ермакъ Тимоѳеевъ (Iarmacus), атаманъ 57—72, (120, 122), 165, 167.
Есаулы, асаульные, есаульные, ясаулы 71, 73.
Есиповъ, Савва, см. **Лѣтописи**.

Ж.

Жалованье (stipendium) государское 70, (142), 194.
Желѣзо (ferrum) свейское 79, (139), 190.
Жеребьи желѣзные (вм. пуль) 66.
Жертвоприношенія у Калмыковъ (sacrificia solenniora) (127), 175.

Животныя домашнія (animalia domestica) (123), 169.
Жила сереброносная (vena argenti) (139), 190.
Жилище Строгановo 60.
Жиръ овечій (adeps) (131), 179; рыбій 74.
Жрецы (mystae) у Калмыковъ 24, (127), 170, 174.
Журавли, жеравли 73.

З.

Задуня, р. 89.
Зайсанкулъ, озеро 77.
Зайцы 91.
Знаменное зимовье 22.
Заложники, аманаты (obsides) 59, 62, 76, (135, 136, 155), 185, 186, 211.
Занавѣски, издѣлье Куяровъ 109.
Запасы всякіе 60, 83; хлѣбные государевы 14, 17, 18.
Захребетье 19.
Зашиверское зимовье 32, 52.
Звенигородъ, Звенградъ, г. 57.
Звѣри всякіе 35, 59, 60, 74, 76, 78, 80, 84, 85, 87, 90—93, 96, 111.
Земледѣліе (agricultura) (125, 136), 173, 186.
Земли пахатныя 91.
Зимовья на р. Колымѣ 53.
Зія, Азія, р. 33, 48, 84, 90, 107.
Змѣи 89, 96, 97.
Значекъ красный (signum rubrum) у Калмыковъ на головѣ (128), 176.
Золото (aurum) 34, 38, 49, 78, 86, (143—146), 191, 195—197, 199.
Зубъ рыбій 78.
Зыряне (Ziriani), нар., сирѣчь Пермь Великая 59, (124), 170.

И.

Иголки (aciculae) (123), 169.
Играніе мусикійское при богослуженіи ламъ 98.
Идолопоклонники, язычники (idololatrae) 97, 100, 101, (124, 127), 170, 174.
Идолопоклонство 94, 96, 174.
Идолы деревянные (idola lignea), кумиры 96, (124), 170.
Ижимская слобода 20.
Ижма, р. 20.
Икона Богородицы Абалацкія Знаменія, чудотворная 64.
Илимскій острогъ 32, 52.
Илимское устье 87.
Илимъ, р. 31, 47, 52, 82, 87.
Илья, р., см. **Улья**.
Инбатское зимовье 21.
Ингода, р. 31, 47, 48, 88, 89, 105, 106.
Индигирка, Индигирская р. 32, 52, 88.
Индія (India), Индѣйская земля, Индѣйское государство 38, 89, 99, (160), 216.
Иновѣрцы некрещеные люди 58, 65, 67, 68, 82, 85.
Иноземцы 26, 35, 50, 107, 109, 110.
Иноплеменники 71.
Ирбитская слобода 27.
Ирбить, р. 27, 43.

Иргенскій, Иргинскій острогъ 31, 47, 83, 106.
Ирдень-Зэйсанъ, тайша Мунгальскій 45.
Иркутскъ, Иркутскій острогъ 31, 47, 83.
Иркутъ, р. 82.
Иртышъ, р. 14—18, 30, 36, 37, 44, 46, 50, 62, 64, 71, 72, 75—77, (119, 124, 127, 135), 164, 167, 169, 174, 184.
Исетскій, Исетинный острогъ 28.
Исеть, озеро 29.
Исеть (Isetum), р. 28, 43, 61, 62, (139), 190.
Италіанцы (Itali), нар. (126, 131), 173, 180.
Ишеки, лошадки малыя 77.
Ишимское устье 15, 16.
Ишимъ, р. 44.

I.

Іезуиты VII, 95, 96.
Іоаннъ Васильевичъ (Ioannis Basilii), царь 57—60, 66, 68—70, (120), 164.
Іовъ (Iob), монахъ (139—142), 190, 191, 193, 194.
Іудеи (Iudaei), нар. (132), 181.

К.

Кадила при богослуженіи ламъ 98.
Казаки (cozaci) 57, 65—70, 107, (121, 122), 166—168; бѣломѣстные 28, 29; албазинскіе даурскіе 108, 111; амурскіе 84; сибирскіе 89.
Казанскія степи (campi Casanenses) (129), 176.
Казанское царство 57, 58.
Казань, г. 11, 30, 44.
Казарки, см. **Цесарки**.
Казна государева 20, 58, 66, 68—70, 74, 79, 85.
Кай-городонъ, г. 42.
Кайларъ, озеро 31, 48, 88.
Кайларъ, р. 89.
Кайманцы, нар. 50.
Калга, ханъ Мунгальскій 77.
Калганъ, г. китайскій 113.
Калмыки (Calmaci, Calmuci), нар. 28, 75—78, 80, 99, (116, 117, 127—135, 161), 174—177, 179, 186.
Калмыцкая земля (Calmacia) (119, 159), 163, 215.
Калмыцкій улусъ 29.
Калмыцкія степи (campi Calmacorum) (130), 178, 179.
Калужка, рыба 90.
Кальвинъ (Calvinus) (149, 151—154), 202, 203, 206—209.
Кама (Kama), р. 11, 42, 58—61, 119, 120), 163, 165.
Камара, Комара, р. 33, 48, 89, 107.
Камарскій, Комарскій острогъ 89, 107.
Камбаликъ, Камбаликъ, Камбалыкъ, Пекинъ (Kambalik, Pekinum), г. 37, 78, 94, 97, (156—158), 211, 212, 214.
Каменка, р. 29.
Камень, см. **Горы**.
Каменьская Самоѣдь, см. Самоѣды.

Каменья (gemmae) дорогіе 34, 38, 49, 78, 86, (138), 188, 189.
Камка, ткань 78, 86, 109.
Камни степные 107.
Камскій уѣздъ 59.
Камчатка, р. 54, 84, 110.
Камышнини, казаки Даурскіе 112.
Канцелей, совѣтникъ царя Кучума 62, 63.
Капища у Китайцевъ 97.
Капка, городокъ китайскій 45, 46.
Карагайцы, нар. 50.
Карамуель, Іоаннъ (Caramuel, Ioannis) VIII, (144—147), 196, 197, 199.
Караси 73.
Караулы китайскіе 45, 48.
Карга, р. см. **Корга**.
Каргалъ, старинное Китайское царство 113.
Карпатскія горы (Carpatus mons) (126), 172.
Катай, см. **Китай**.
Катайскій острогъ 29, 44.
Католикъ (catholicus) (147, 148, 150), 200—202, 204.
Катуня, р. 35, 50, 80—82.
Каурдацкій острожекъ 15.
Каюки 21.
Квинзанъ, г. китайскій 38.
Кедръ сибирскій (cedrus, kidr) (126), 172.
Кетскій острогъ 30, 47, 82.
Кеть, р. 30, 46, 47, 81, 82.
Кибитки (kibit) (131), 180.
Киргизская земля 79, 80.
Киргизы, нар. 79, 80.
Киргинская слобода 26, 42.
Киренга, Киршга, р. 32, 52, 87.
Китай, Катай, Китайская земля, Китайское государство, Сина, Хина (China, Kataius, Kitay, Regnum Sinense, Sina) VI, 26, 30, 33—35, 38, 45, 46, 49, 50, 78, 79, 83, 86—89, 91 — 97, 101, 108, 110, 113, (116, 119, 124, 130, 134, 136, 155—159), 170, 173, 183, 184, 186, 212—215.
Китайка (kitaica), ткань 78, (136), 187.
Китайское море, см. **Восточный океанъ**.
Китайцы, Китайскіе люди, Китайскій народъ (Cataienses, Syrii) VII, 34, 48, 90, 91, 95—97, 102, 105, 108, 109, (131, 137, 155), 180, 188, 211.
Киты 111.
Ключи, см. **Благовѣщенская слобода**.
Книга чародѣйская (liber magicus) (147, 148), 200—202.
Княжцы удѣльные царя Кучума 62.
Князья Калмыцкіе (knezii, princeps) (133), 182. См. также **Старшины**.
Ковры узорочные 109.
Ковыча, р. 53, 54, 88.
Кожаны звѣриные 111.
Кожи оленьи 4; рыбьи 73, 74; золотыя, красныя, серебряныя 78.
Кожудскій, Кощутскій городокъ 26, 46.

Кокутанскій городъ, Кокутанъ, въ Тибетѣ 45.
Кокутанскій камень 45.
Колокольца при богослуженіи ламъ 98.
Колпаки у Самоѣдовъ 4.
Колымъ, Колыма, р. 32, 53, 88, 110.
Кольчуга (thorax squamatus) (132), 180.
Комара, р., см. **Камара**.
Кондомцы, нар. 79.
Константинополь (Constantinopolis), г. (143), 194, 195.
Контайшины улусы 35, 36, 45.
Конъ-тайша (Kon-Taisa) Калмыцкій (132), 181.
Копейщики 94.
Копи алтайскія IV.
Копья 180.
Корабли (naves) 113, (159, 160), 215, 216.
Коралки бѣлые и красные зъ бѣла 78.
Корга, Карга, р. 33, 49, 108.
Корица (cinnamomum) (136), 187.
Коровы 77.
Король Польскій (rex Poloniae) (126), 173.
Костелы католическіе въ Китаѣ 95, 96.
Кость 78; рыбья 54, 85, 110.
Косы (falces) (125, 126), 172
Kotowicz, Eustachius, episcopus Smolensis 116.
Кофе турецкій (kave turcicum) (137), 187.
Кочи, круглыя суда (kocz=navis rotunda) 21, 33, 53, 110, 111, (124), 169, 170.
Кощутскій городокъ, см. **Кожудскій**.
Красный Яръ (Krasnoiarum). Красноярскій острогъ 20, 34, 50, 80, (125, 135, 158), 171, 184, 213.
Кречеты (crezeti) 73, (126), 173.
Крижаничъ, Юрій VIII, IX.
Кровати 73.
Кровь: пьютъ Самоѣды 6; въ религіозномъ преданіи Калмыковъ (128), 176.
Кронманъ, Фрицъ IX.
Крымъ (Crimea) (130), 179.
Крѣпости, см. **Остроги**.
Крючки (hami) (123), 169.
Ксупа, р., см. **Кута**.
Кузнецкій острогъ, Кузнецкъ, Кузнецы (Kuzencii), г. 35, 50, 78, 79, (125), 171.
Куйруки, см. **Овцы**.
Кумачь, ткань 109.
Кумиры, см. **Идолы**.
Купцы (mercatores, negotiatores) (120, 134, 136 — 138, 157), 165, 183, 184, 186, 187, 213.
Куринская слобода 28, 43, 44.
Кута, Ксупа, р. 32, 52, 87.
Кутухта, Кутуѳта-лама (Kutuchta) 97—100, (127), 175.
Кучумовы внучата 28.
Кучумъ (Kuczum), царь Сибирскій 62—65, 67—69, 71, 72, (122), 167.
Куярская слобода 27, 43.
Куяры, нар. 109.

Л.

Лабá (labá—episcopus), старшій жрецъ у Калмыковъ (127), 175.
Ладанъ при богослуженіи ламъ 98.
Ладьи, см. **Лодьи**.
Лаишевъ, г. 11.
Лама, р. 54, 109.
Ламы 97—100.
Лапкаевъ городокъ, см. **Албазинскій** острожекъ.
Лебеди 73.
Ледовитое море (Mare Glaciale), **Ледовитый** океанъ (Oceanus Glacialis) (116, 117, 123, 124, 158, 159), 161, 168, 170, 214, 215.
Лена (Lena), р. 22, 32, 33, 52, 53, 84, 85, 87—89, 112, (122, 123), 168.
Ленская область (provincia Lenensis) (159), 215.
Ленскій хребетъ 107.
Ленское море 54.
Линь, рыба 73.
Линная Самоѣдь, см. **Самоѣды**.
Липсій, Юстъ (Justus Lipsius) (132), 181.
Лисицы (vulpes) 35, 69, 73, 74, 77, 78, 91, (123), 168, 173.
Ловля рыбная (piscatio) (131), 178, 179.
Лоджанъ ханъ, см. **Саингъ**.
Лодки, лодьи, ладьи (scaphae) 12, 17, 61, 75, 111, (120, 121, 124, 130), 165, 166, 170, 178.
Ложки при богослуженіи ламъ 98.
Лопяне, нар. 75.
Лоси 73.
Лососи 90.
Лошади, кони (equi), 58, 64, 74, 76—78, 94, (134), 184.
Лыжи 14, 61.
Лѣсъ, лѣса 5, 19, 61, 79, 85, 90—94, 109, 111.
Лѣтняя, р. 52.
Лѣтописи Есипова Саввы, Ремезовская, Строгановская VII.
Люди воинскіе, ратные 26, 28, 29, 58, 63, 65, 67, 68, 94; воинскіе китайскіе 34, 49, 90; воинскіе русскіе 34, 49, 90; всякаго чина 25, 58, 63, 95, 96; гулящіе 20; государскіе 74, 79; знатные, именитые (viri nobiliores, ljûdi imeniti) (120, 139), 165, 190; посольскіе 45; приказные 18; пріѣзжіе 46; промышленные 21, 85; торговые 21, 32, 33, 45, 81; служилые 9, 14, 15, 17—19, 21, 22, 28, 31, 33, 35, 48, 53, 77; ясачные 62, 72—75, 79, 80, 84, 85, 87.
Людоѣдство IV.
Лютеръ, Мартинъ (Luterus) (149), 202.
Лягушки, пища Китайцевъ 97.

М.

Магометане (Machometani) (127), 174.
Маковское зимовье, острогъ 30, 47, 82.
Малгонзеи, см. **Самоѣды**.
Малосаки, см. **Сочиво**.

Мангазейка, р. 61, 75, 85.
Мангазейское, Мангазинское море 36, 49, 51, 61, 62, 75.
Мангазея, Мангазейскій городъ, Мангазейское укрѣпленіе (Mangazia munitio, Molgomzaia), г. IV, 20—22, 36, 37, 51, 61, 75, 84, (124), 170.
Мангазея (Mangazia), полуостровъ (124), 169.
Мандза (mandzà), манжа-лама, жрецъ простой, нѣвчій 97, 100, (127), 175.
Мантуриха, р. 83.
Маркевичъ, Арсеній VIII.
Масло деревянное 99; изъ кедровыхъ орѣховъ (oleum) (126), 173.
Маслянна, р. 28.
Мастера оружейнаго дѣла (ferri fodinarum operarii) (139), 190; серебряныхъ дѣлъ (fabri argentarii) (141, 145), 192, 198.
Медвѣди 43, 73, 111.
Moerupgarde (118), 163.
Мечети, см. **Божницы**.
Микрелій, Іоаннъ (Micrelius, Ioannis) (149), 201.
Милость государская 70.
Митрополитъ Тобольскій (episcopus metropolitanus) (125), 171.
Михаила Архангела гавань (Michaelis Archangelis portus) (116, 159), 215.
Мишиха, р. 83.
Мни, рыба 73.
Могилы (sepulcra) (140), 191.
Moldavia 139.
Molgomzaia, см. **Мангазея**.
Монастыри (coenobium) и пустыни: Богоявленскій Спасскій на р. Невьѣ 27, 43; Троице-Сергіевъ 70; Троицкій Котскій 36, 50; Троицкій на р. Киренгѣ 32; Троицкій на р. Н. Тунгускѣ 51; Троицкій Рафаиловскій 43, (139), 190; Успенскій Далматовъ 28, 29, 44; іезуитскіе въ Китаѣ 95, 96; ламскій въ Бороиталѣ 99.
Мордва, пар. 59.
Море 32—35, 46, 49, 53, 111—113; море океанъ великій 99; студеный 82, 85, 87, 88; теплый 84—86, 97. См. еще **Ледовитое** море.
Моржъ 85, 111.
Морозовъ, Борисъ (Morozius. Boris), боярипъ (132), 181, 182.
Москва (Mosqua), г. VIII — X, 10, 11, 19, 20, 61, 68 — 70, (118—120, 122, 126, 134, 138, 139, 141—143, 156, 157), 162—164, 167, 173, 183, 189, 190, 193—195, 212, 213.
Москва, р. 61.
Москвитяне (Mosci), пар. (122, 124, 125, 131—136, 140, 155, 158), 168 — 171, 180 — 182, 184—187, 210, 211, 214.
Московское государство (Moscia, Moscicum regnum) 57, 58, 60, 61, 95, (119, 120, 156), 163.
Мразцы, пар. 79.
Музей Румянцовскій VI, VII, 23, 55.
Мука (farina) въ калмыцкомъ преданіи (128), 175.

Мука, р. 32, 52, 87.
Мунгалы (Mungali), Мунгальскіе народы, Монголы, нар. 36, 45, 78, 80, 106, (131), 180.
Мунгальская земля 79—81, 83, 99.
Мунгальскіе улусы 35.
Мунгутъ, г. китайскій 33, 49.
Мундусцы, нар. 50.
Муратъ (Murat, bucharus). бухарецъ (139), 191.
Мурзинская слобода 27, 43.
Муса, р. 51.
Мусикія въ Китаѣ 96
Мускусъ 78.
Мусука, р. 87.
Мутиха, р. 87.
Мушкеты 65, 67.
Мѣха 20, 78, (123, 124, 126), 168—170, 173.
Мясо 4; звѣриное 74; оленье (caro cervina) 3, 6, (123), 169; птичіе 74; соболи 5.

Н.

Наковальни 79.
Налимы: изъ ихъ кожи дѣлается одѣяніе и обувь 73.
Намѣстники, начальники (palatini triennales) (125), 171.
Нанабора, р., см. **Анабара**.
Нарты 9, 17, 18, 20, 21, 33, 61, 74, 81, 111.
Нарымскій острогъ, Нарымъ 19, 30, 35, 46, 50, 81.
Наунскій хребетъ 109.
Наунъ, Наулъ, р. 33, 49, 108.
Невья, р. 10.
Невьянскій острогъ, Невьянскій острожекъ 10, 27, 43.
Нерпа 82.
Нерча, р. 31, 47, 48, 88, 106.
Нерчинская область (provincia Nercinensis) (159), 215.
Нерчинскій острогъ, Нерчинскъ (Nercinus) 31, 48, 88, 89, 106—108, (120, 155, 156), 164, 211.
Нижнее зимовье 33.
Никанское царство, Никанія (Nicania), Великая Хина 34, 86, 87, 101, (158—160), 214—216.
Никаны (Nicani). Никанскіе люди 107, (155), 211.
Ница, р. 12, 13, 27, 42, 61, 62, 68.
Ницинская Верхняя слобода 26, 42.
Ницинская Нижняя слобода 42.
Ницинская-Ощепкова слобода. См. **Ощепкова-Ницинская**.
Новая Земля (Nova Zemla) (124), 170.
Новгородъ, г. 59.
Ногавицы 5.
Ножи (cultri) (123), 169.
Носъ каменный 54, 84—86, 111.
Нѣмецкая слобода (suburbium Germanicum) (142), 194.
Нѣмцы, нар. 113.
Нюкря, р. 33.

О.

Обдорская застава 36.
Обдорское зимовье, Обдоръ, г. 19, 20.
Обдоръ, р. 61.
Обряды очистительные у Калмыковъ (expiationes) (128), 175.

Обская застава 36.
Обская протока 17.
Обувь 73.
Общества: Археологическое Московское III; Русское Географическое X.
Общество Іисусово (societas Iesu) (156, 157), 212.
Обычаи погребальные у Татаръ 190.
Обь (Obia), р. III, 5, 17, 19, 20, 30, 35, 36, 46, 50, 51, 61, 62, 72, 74, 75, 80—82, (124, 127, 159), 169, 174, 215.
Овощъ русскій 34, 38.
Овцы (oves) 77, (130), 179.
Огонь, изъ земли исходящій, 52, 53.
Огурцы 34.
Одежда, одѣяніе (vestimenta) 73, (121), 166.
Озера (lacus) 29—31, 33, 36, 37, 41, 50, 60, 76, 91, 106, (130, 135), 179, 184.
Ока, р., притокъ Ангары 31, 47; притокъ Волги 61.
Олекма, р. 32, 33, 52, 87.
Оленекъ, р. 88.
Олени (cervi) 3, 6, 73, 74, (123), 169.
Олотовъ камень 44.
Ommanî Batmechû, молитвенное обращеніе у Калмыковъ (128), 175.
Омолоха, р. 88.
Ононъ, Оной, р. 48, 89, 105, 106.
Органы въ Китаѣ 96.
Орда (orda) 63, 68, (135), 185.
Орлы 73.
Орудія (iacula), оружіе (arma) огнестрѣльное (a. ignivoma, tormenta) 65, 77, (121, 122, 125, 139, 155), 166, 167, 171, 190, 211.
Орѣхи (nuces) кедровые (126), 172, 173; лѣсной орѣхъ (nux avellanea) (137), 188.
Оса, г. 59.
Осетры 73, 90.
Остроги, острожки (munitiones) II, IV, 15, 26, 28, 41, 90, 91, (155), 210, 211.
Остяки (Ostiáci), нар. 17, 18, 20, 21, 73, 75, (124), 170.
Охота, р. 84, 109.
Охотники ямскіе 12—14.
Очирой, ханъ Мунгальскій 79, 83.
Ощепкова-Ницинская слобода 27, 43.
Ощепкова-Пышменская слобода 27, 43.

П.

Палатки (tentorium) 71, (129, 131), 177, 179.
Палаты каменныя 84, 92; холщевыя 73.
Панцыри 71.
Папа (papa, pontifex) (147, 149, 150, 154), 202—204, 209.
Парижъ (Parisiae), г. (118), 162.
Парчи 109.
Пашковъ, Аѳанасій 106.
Пашни 35, 86, 87, 91.
Пекинъ, см. Камбалыкъ.
Пелымскій уѣздъ 12, 18.

Пелымь, Пелымскій городъ 10, 12—14, 18, 19, 26, 46.
Пелымь, Пелынька, р. 26, 62.
Пенжинъ, Пенжонъ, р. 84, 110, 113.
Перевозъ на р. Алданѣ 32, 52.
Переволочна(Perevoloczna)(127), 174.
Переграда каменная 54.
Переемная, р. 83.
Перешеекъ (isthmus) (127), 174.
Переяславль, г. 70.
Пермь Великая, см. **Зыряне**.
Persae 126.
Персія (Persia) (157), 212.
Песокъ серебряный (limatura argenti) (142), 193.
Песцы 4.
Петрушка, тунгусъ оленной 107.
Петръ, католикъ (Petrus catholicus)(149—154), 202, 207, 209.
Печера, р. 20, 51.
Piniolae 126, 173.
Писаніе Священное (Sacra Scriptura) (149—153), 203, 205—208.
Письмена китайскія (characteres sinenses) (156), 212.
Пищали (fistulae) 60, 65, (135, 155), 185, 210.
Платье лисье 111; оленье 3, 6; соболье 3, 5, 6, 111.
Плотица 73.
Погодинъ, М. П. IV, V, 1, 7.
Погостъ, погосты 32, 41.
Подземелье, гдѣ живутъ Самоѣды, 5.
Подкаменная, р., см. **Тунгуска**.
Подолія (Podolia)(139, 143), 194.
Подъячій(secretarius) (133), 182.
Покровская архіепископля слобода 26, 41.
Полба 77.
Польская земля (Polonia) 95, (126).
Полянъ военачальникъ (Polonus tribunus) (157), 213.
Пороги 30, 47, 83.
Португальцы(Lusitani)нар.(158). 214.
Посады 58, 91.
Посланники: венеціанскій (orator venetus) (143), 194; калмыцкій (legatus) (133, 134), 182, 183; китайскіе 101, (156), 211; московскіе, (134, 156), 184, 212.
Посольство (legatio) московское въ Китай (156, 157), 212.
Постъ Петровъ 101.
Потиръ великій 98, 99.
Потоцкій (Potocius), каштелянъ Каменецкій (143), 194.
Пошлина государская 85.
Поясъ-камень 88.
Праздникъ первопрестольныхъ Апостоловъ (festum principum Apostolorum) (118), 162.
Престолы: высокій кутухты 98; папскій (sedes apostolica) (156), 212.
Пригородъ(suburbium)(133), 182.
Приношеніе идоложертвенное 99.
Припасы воинскіе всякіе 58, 60; съѣстные (cibaria, commeatus) (121, 123), 166, 183.
Промыселъ (negotiatio) 85, (120). 165; ратный 62; рыбный 11.2

Прорва, р. 83.
Пророчество далай-ламъ 100.
Просо 77.
Прютцъ, К. И. (Prütz, C. I.) IX, X.
Птицы (aves, volucres) 73, 74, 76, 77, 80, (126), 173.
Пулуй, р. 20.
Пустозерскій острогъ, Пусто озеро 61, 62, 75.
Пустозерскій уѣздъ 20.
Пушки (tormenta) 60, 68, 108, (135, 155), 185, 186, 210.
Пшеница 77.
Пыжи, молодые олени 4.
Пыжма, Пышма, р. 27, 43.
Пьяная, р. 88.
Пѣніе у ламъ 98.

Р.

Рабы и рабыни (servi et ancillae) изъ Калмыковъ (135, 136), 185, 186.
Разбои (latrocinia) (120, 136), 165, 186.
Разбойники (latrones, praedones) (120, 121, 127, 134, 142), 166, 174, 184, 194.
Разрядъ Тобольскій 15, 62.
Рама, р. 84.
Ревень 78.
Режа, р. 27, 43.
Римляне (Romani), нар. (132) 180.
Римъ, г. VIII, 95, 196, 198.
Рогдуга: продѣлываютъ же тѣ кожи рыбьимъ жиромъ ани „рогдуги“ мягкостію 74.
Рожь 90, 92.
Розенкрейцеры (fratres Roseae Crucis) (140), 193.
Росольная, р. 53.
Россійское государство, Россія, Русія, Русь (Russia) I, II, 20, 57, 63, (119, 126, 160), 163, 172, 216.
Россомахи, росамаки 73.
Ростовъ. г. 70.
Руда (lapis lucrum) (139, 142), 190, 191, 194; златая, мѣдная, серебряная 97.
Рудознатецъ (metallarius) (140—142), 193, 194.
Рудоплавы (metallarii) (116, 117, 138, 140), 161, 190, 192.
Ружье, см. **Орудія**.
Рукавицы 5.
Русскіе люди (Russi) II, VII, 21, 34, 53, 75, 76, 87, 90, 108—110, 112, (122, 124, 125, 137), 168, 170, 171, 188.
Рухлядь мягкая, см. **Мѣха**.
Рыба (piscis) 3, 4, 31, 34, 49, 73, 74, 76—78, 80, 82, 88, 90, 111, (123), 169: волжская 31, 48.
Рыбная, г. 59.
Рыси 78, 92.
Рѣки (flumina) IV, 29, 30, 33, 35, 41, 46, 53, 59, 72, 91, 92, 97, 101, (122, 123, 130), 168, 169, 179.

С.

Сабли (frameae, siccae) 94, (132), 180.
Сазаны, рыба 90.
Саингъ-Лоджанъ, ханъ Мунгальскій 79, 81.

Саксонія (Saxonia) (141), 193.
Салда, р. 42.
Салдинская слобода 42.
Самаровскій ямъ 30, 36, 46, 50, 72, 74, 81.
Самоѣды, Самоѣдь III, IV, 3, 4, 6, 61, 72, 75, 81.
Сани (trachae) (123, 126), 169, 173.
Сарапуль, г. 59.
Сарацины (Saraceni), нар. (132), 181.
Саянскій камень 77.
Саянцы, нар. 50.
Сборъ ясачный, см. **Ясакъ**.
Свѣтлая, р. 52.
Святой носъ 111.
Селенга (Selenga), р. 31, 47, 83, 106, (134, 158), 184, 214, 216.
Селенгинскій Новый острогъ 31, 47, 83, 105.
Серебро (argentum) 34, 38, 49, 72, 78, 86, (139—142), 190—194.
Сибариты (sybaritae) (123), 169.
Сибирскіе города и остроги 9, 10, 15, 19, 25, 62, 69, 84.
Сибирцы, нар. 76.
Сибирь (Sibir), г. (122), 167, 168.
Сиверная, р. 51.
Силинъ, г. китайскій 38.
Симбула, жена Кучума 64, 68.
Симеонъ, царь Казанскій 57, 59.
Сина, см. **Китай**.
Синара, р., см. **Сынара**.
Скиѳія (Scythia) (119), 163.
Скиѳъ, Скиѳы (Scytha, Scythae) (129, 130, 132, 140, 158), 181, 191.
Скопы, птицы 73.
Скотъ всякій 76 — 78, 92 — 94, 100; вьючный (iumenta) (121, 131, 134, 135) 166, 167, 180, 184, 185; рогатый (pecora) (135), 185.
Славяне (Sclavini), нар. (132), 181.
Сласти (melotes) (135), 185.
Слободы 25, 41.
Служба церковная іезуитовъ 96; идольская 97, 98.
Снѣгъ первый, въ преданіи Калмыковъ (nix prima) (128), 176.
Снѣжная, р. 83.
Собаки (canes), ѣзда на нихъ 3, 6, 9, 17, 18, 20, 21, 74, 81, 111, (123, 126), 169, 173.
Собачина, пища Самоѣдовъ 6.
Соболи 3—5, 35, 69, 73, 74, 78, 79, 168, 173.
Собская застава 50.
Собь, р. 17, 50.
Соколы (falcones, kreceti) 73, (126), 173.
Сокольники царскіе (falconarii regii) (138), 189.
Соленое озеро 184.
Соль (sal) 15, 37, 44, 53, (130, 131, 135, 136, 159), 163, 165, 179, 185, 186, 216; соль-буза 76.
Соль-Вычегодскъ, г. 42, 51.
Соль-Камская (Salinae Camenses), г. 11, 12, 27, 42, (119), 163.
Сосва, р. 36, 50, 51, 74, 75.
Сосуды желѣзные (lacus ferrei),

для выварки соли (119), 163; золотые, серебряные (vasa argentea, aurea) (139, 140), 190, 191.
Сотники у инородцевъ 73.
Сотниковы юрты 17.
Сочиво-малосаки, употребляется при богослуженіи ламъ 99.
Спасскій, Григорій Ивановичъ VI, VIII, IX, 39, 103.
Спаѳарій (Spatharios), Николай, (156, 157), 212, 213.
Среднее, зимовье 32, 33.
Степь (campus) 26, 30, 35, 37, 44, 45, 60, 64, 79, 91, 106, (127), 174.
Стерляди, 73, 90.
Стерхи, птицы 73.
Столбъ каменный 54, 110.
Стриндбергъ, Г., шведскій ученый X.
Строгановы (Strogones) 11, 59, 60, (120, 121), 165, 166.
Строгановы острожки 11.
Струги 9, 12, 14, 18, 20, 61, 65, 71, 76, 77, 80—83, 87.
Стрѣлы (sagittae) 5, (132), 180.
Стрѣльцы (miles gregarius, milites mosci) (123, 140, 158), 169, 191, 213.
Стѣны каменныя, стѣна городовая Китайская (moenia, muri sinenses) 45, 46, 78, 86, 92, 94, 97, 113, (134, 155, 157, 158), 183, 211, 213.
Суда (naves, navigia) 10—13, 15, 16, 21, 35, 50, 51, 58, 61, 71, 79, 84, 106, 108, 112, 113, (135, 136, 160) 184—186, 215.
Сукно (pannus) 78, (131, 132), 179, 183.
Сулимы, сулемы (sulimae) 94, (132), 180.
Султанъ Турецкій (Turcus) (126), 172.
Сургутъ, Сургутское зимовье 17, 18, 30, 36, 46, 81.
Сургутскій уѣздъ 17.
Сучанъ, г. китайскій 38.
Сынара, Синара, р. 29, 44.

Т.

Табакъ (tabacus) (135, 137), 185, 187, 188.
Табаринская область 12, 13, 18.
Табаринская слобода 26.
Тавда, р. 13, 18, 26, 41, 46.
Тавдинская слобода 46.
Тавуй, р., см. **Товой**.
Тагилъ, р. 9, 10, 27, 42.
Тагильскій острожекъ, слобода 10, 27, 42.
Тадуй, Тодуй, р. 84, 109.
Тазъ, р. III, 21, 36, 51.
Таймени, рыба 73.
Таймура, р. 52.
Тайши или князья Калмыцкіе (taisa sive dux) 76, 77, 80, 81, 99, 106, (129, 131—136), 176, 180—183, 186.
Тангутская земля 38, 81, 89, 99, 100.
Тангутскій городъ 36.
Тангуты, Тагуты, нар. 78.
Тара (Tara), Тарскій городъ 14, 15, 19, 37, 44, 45, 75, 76, (125, 135), 171, 184.
Тара, р. 86.

Таргачинскіе люди 31, 108.
Тарскій уѣздъ 15, 19.
Тарханка, р. 28, 43.
Тарханскій острожекъ 16, 43.
Татарія Сѣверная (Tartaria Bigorialis) (131), 180.
Татары (Tatari), нар. 14, 16—19, 26, 72, 75, 79, 80, (121, 122, 124—128, 132, 135, 136, 139, 167, 170, 171, 173—175, 177, 178, 181, 185, 186, 190, 214.
Тача, р. 88.
Тебендинскій острожекъ 16.
Теленбинскій, Телентинскій острогъ 83, 88.
Теленгуты, нар. 50.
Телецкое озеро 35.
Тереникская волость 19.
Терсукъ, р. 28.
Тетеря, р. 51.
Ткани бухарскія (les estofes de Buchar) (136), 187.
Тоболъ (Tobol), р. 14, 16, 18, 26, 28, 41, 43, 46, 61, 62, 64, (119, 121, 127), 164—168, 174.
Тобольскій уѣздъ (districtus Tobolensis) V, 15, 26, 27, 43, 62, 75, (139), 190.
Тобольскія горы 65.
Тобольскъ (Tobolinum), г. V, VIII, 10, 13—18, 21, 23, 25, 26, 28—30, 37, 41, 43, 44, 46, 62—72, 75, 76, 81, (119, 120, 124, 125, 133, 136, 139, 140, 147, 156), 164, 169, 171, 182, 186, 187, 190, 191, 200, 212.
Товаръ (merces) 3, 5, 6, 58, 78, 83, 87; товары драгоцѣнные 101; бухарскіе (135, 136), 187; сибирскіе (134), 183.
Товой, Тавуй, р. 84, 109.
Тодуй, р., см. **Тадуй**.
Тола, р. 83.
Толбузинъ, Ларіонъ, сынъ боярскій тобольскій 31.
Тонца, р. 83.
Тома, Томь (Tomus), р. 35, 50, 78—81, (127), 174.
Томскъ, Томскій городъ (Tomium), г. 19, 20, 35—37, 50, 76, 78—81, (125), 171.
Тонгусы, см. **Тунгусы**.
Топоры (secures) (123), 169.
Торгъ, торговля (mercatura, mercatus, negotia) 4, 33, 53, 87, 101, (120), 165; мѣновой (136), 185, 186; нѣмой IV; поволь. ный 76, 78.
Травы благовонныя 86; пища Китайцевъ 97.
Трубы, трубки: желѣзныя, изъ конхъ стрѣляютъ Самоѣды 5; трубочки для куренія табаку (fistulae aereae) (137), 188; трубы при богослуженіи ламъ 98; трубы водопроводныя 37.
Тубинцы, нар. 79.
Тугирскій острогъ 87.
Тугирь, р. 87.
Туйманъ, р. 91.
Тула (Tula), г. (139), 190.
Тунгуска, р., см. **Ангара**.
Тунгуска Нижняя, р. 35, 51, 52.
Тунгуска Подкаменная, р. 21, 35, 82.

Тунгусы, Тонгусы, нар. 107, 108.
Тура (Tura), Турка, р. 9, 12—14, 26, 27, 41, 42, (119, 127), 164, 174.
Туринскій острогъ, Туринская слобода 9, 10, 12, 13, 27, 42, 70.
Туринскій уѣздъ 13.
Турки (Turci), нар. (128, 132, 142), 175, 181, 194.
Туруханъ, Туруханское зимовье (Turuchano), г. 21, 22, 35—37, 51, 82, 84, (123), 169.
Туруханъ, р. 21, 22.
Тюбитскія кочевыя 45.
Тюбитцы, люди китайскіе 45.
Тюмень (Tumenum), г. 10, 12—14, 19, 26 — 28, 30, 41, 42, 44, 62—64, 70 (125), 171.

У.

Уда, р. 83
Ужи, пища Китайцевъ 97.
Узбекъ (Uzbek), царь Бухарскій (136), 186.
Ukraina 139.
Украшенія конскія (ornamenta equorum) (139), 190.
Уложеніе царское (statuta regni) (121), 166.
Улусы (ulus) 73, 74, 77, 111, (135), 185.
Улуча, р. 89.
Улья, Илья, р. 53, 88.
Унга, р. 82.
Унеря, р. 89.
Урка, р. 48, 89.
Урлуковы улусы 44.
Урунга, урочище 45.
Уса, р. 20
Усть-Ницинская слобода 42.
Усть-Ницинская Нижняя слобода 26.
Усть-Ирбитская слобода 27, 42, 43.
Устюгъ Великій, Великой Устью, г. 11, 59.
Утаень великій 111.
Утка, р. 61, 62.
Утки 73.
Уфа, г. 14, 44.
Ухта, р. 51.
Учирь, р. 87.
Учуги, нар. 50.
Ушура, Ушарь, Шура, р. 34, 49, 91, 109.
Ушья, р. 26.

Ф.

Feltrum 131, 180.
Фениксъ (phenix) (144), 197.
Ферерскіе острова (insulae Foerenses) (118), 163.

Х.

Хамунское устье 49.
Хамунъ, р. 34, 49, 91, 109.
Ханъ Крымскій (Hanus) (126), 173.
Ханъ, ханы 98, 99.
Хвалынское море 60.
Хилка, р. 31, 47.
Хина Великая, см. **Никанское** царство.
Хлопокъ (gossipium) (136), 187.
Хлѣбъ 34, 38, 49, 74, 77, 78, 90, 92, 93.
Христіанство, христіанская вѣра

(fides christiana) 66, (149, 151), 177, 203, 205, 207.
Хромая, р. 88.

Ц.

Цапли 73.
Царевна китайская 95.
Царица китайская, жена Абдуры хана 94; царицы 98.
Царь Китайскій (rex Cataiensium, Cataii) 37, 45, 46, 85, 87, 93, 97, 101, (155, 156), 210, 211. **Царь** Московскій (rex Moscorum, Moscus), государи великіе 29, 35, 50, 70, 71, 76, 80, 81, (120—122, 126, 131, 133, 134, 141, 142, 156—158), 165—168, 173, 180, 182—184, 192—194, 212—214. **Царь** Никанскій 87. **Царьки** Татарскіе (reguli Tatarici) (125), 171.
Центуріи Магдебургскія (Centuriae Magdeburgenses) (148), 201.
Церковь Богородицы Абалацкія 64.
Цесарки, казарки 73.

Ч.

Чай китайскій, тея (cia sinensis, the) 78, (136), 187.
Чартково, Чартковская область (Czartkovo, Czartkoviensis curia) (143), 194.
Часовня (oratorium) на р. Мукѣ 32, 52, (129), 177.
Чаши при богослуженіи ламъ 98.
Челики, птицы 73.
Черемиса, нар. 59.
Черепахи 97.
Черная, р. 48, 88.
Чертежи Сибири, см. **Карта** Сибири.
Чертово городище, г. 59.
Чикой, р. 106.
Чоса, р. 87.
Чубаровская слобода 13, 26, 42.
Чундокъ, Чудонъ, Чулданъ, р. 84, 110.
Чусовая, р. 11, 12, 29.
Чусовской волокъ 12.
Чучуй, Чучуйна, р. 32, 52, 87.

Ш.

Шадринская слобода 28.
Шайтаны (seitannici) (124), 170.
Шаманы (samani) (123, 125), 170, 171.
Шангаръ, р., см. **Шингалъ**.
Шапка у Самоѣдовъ 4.
Шарики молитвенные у Калмыковъ (globuli praecatorii) (128), 175.
Шафранъ 86.
Шахъ Персидскій (rex Persarum) (126), 173.
Шелкъ (sericum) 34, 50, 86, (128), 176.
Шерсть (lana) 5; коровья (pili vaccarum), овечья (131), 179.
Шилка, р. 31, 48, 106, 107.
Шингалъ, Шингальскій городъ, г. китайскій 92, 93.
Шингалъ (Singâlus), Шангаръ, Шонтія, р. 33, 34, 48, 49,

91, 92, 105, 107—109, (155, 159, 160), 210, 215, 216.
Шишкина деревня, урочище 65.
Школы (scholae) (153), 207; іезуитовъ въ Китаѣ 96.
Шкуры, см. **Мѣха**.
Шонгія, р., см. **Шингалъ**.
Шура, р. См. **Ушура**.

Щ.

Щуки 73.

Ю.

Югорьская земля 3, 6.
Юраки, нар. III.
Юрты 13, 14, 16, 73, 74, 110.
Юфти 78.

Я.

Яблоки 34.
Ягоды 90.
Ядомамая, р. 87.
Язычники, см. **Идолопоклонники**.
Яикъ, р. 30, 44, 60.
Якутскій острогъ 32, 33, 52, 53, 87.
Якуты, нар. 87, 88.
Ялуторовская слобода 28, 43.
Ялъ, р. 108.
Ямышъ, озеро соленое 15, 37, 44, 75, 76.
Яна, р. 32, 88.
Янъ, озеро 38.
Янтари 78.
Ярмарка (nundinae) (135, 136), 185.
Ярославль Великій, г. 70.
Ясакъ 22, 33, 35, 50, 53, 59, 62, 74, 76, 79, 80, 81, 84, 85, 107, 108.
Ясанъ, озеро 45.
Ястребы 73.
Ясырь 76, 78, 96.
Яумундусцы, нар. 50.
Ячмень 187.
Ящерицы 97.

Ѳ.

Ѳива Великая 61.

ОПЕЧАТКИ.

Верхняя цифра означаетъ страницу, нижняя—строку.

	Напечатано:	*Должно быть:*
26 / 26, 28	Корхинскіе	Кирхинскіе
27 / 12, 13	Арамашевы	Аврамашевы
27 / 17, 18	Курянскіе	Куярскіе
31 / 26	Саларъ	Кайларъ
35 / 23	ночюютъ	кочюютъ
50 / 28	Собъю-	Собъю,
61 / 18	Обдоръ рѣка	Обдоръ рѣка,
72 / 28	сомней	со мней
76 / 22	великихъй государе	великихъ госУдарей
90 / 12	лосей	ло(со)сей
103 / 4	XII вѣка	XVII вѣка
125 / 12	epicopus	episcopus.

W 62/260

Sud. (!)

Kimasso ie kizoj
G. Kolsky
G. Zialin
Zuhchu
Tangúzka
Sembla ie Länder
Kokokitaj
Sestafnoj
kitaiskaija.
katlar.
Sclenginska
Nortschinsche.
G. Lapkoy.
Simosche
os. Baikal.
Orkenshoj
Workolimshoj
Wostok ie öster
Wolok ie öfverfort
Krasnoja
G. kurebskoj
G. Tonoka.
Makofskoj
G. Kitaiskoj
G. Gonisoiskoj
G. Norim
Wolok. ie. öfverfart
Kraliersköj
Wischar Tiugúska
Semla Sybyr
of. Taas.
G. Siroüshi
Skoin Poverko.
Semla
Turuz
Kchalkoj.
176. åhr
Uppå den Store Herrezars
och Storfurstes Alexei Mihailowitz
öfverallestor, mindre oeh höyt Nåd:
land. Samoderset att befall.
ning ür denne afritning på detta ha
pperet uti Tobolskij effles Stol.
nik oeh öfwer öfwers Påle
denows anordning med sine Lamenter
Skala
Miliar. Moscow
Jakutschköj
Oleneh
Pezigda
Jl. Gerische.
Nova Zembla
Ziewer. i e. Nov.
Samojats.
Pomore i e. hafvet.
Glaciale.
Mare i e hafvet
M. Kro a Way i e blgi ström
M. kotskaj
Mongasky
Kolyj
Beresoff
Tobolsky.
Turskoj kamen.
Jl. yrtisch.
Birzhottüre
Zsosia
Baskirtschs
Jl. Jetscha
Jl. Sniaja.
Jl. Noschorskj
G. Dalmatsche
Jl. Neschet.
Monych
G. Schala.
G. Astrakan.
Chirkis
Kagaj.
G. Wolga
Ural kabilj.
Bucharskij
Poldin ie öder
Kutshokowij
R. Toboli.
Kalmüky
Konschachini
Ablatwij
Saganaj
Kirgisy
Mugeltaj
Kama.
Kamien
G. Kosan
Jl. Irlyt.
Jl. Nina
G. Ichamen
Pokrot.
G. rasda.
Jl. Kúma
Perm.
G. Schiarskoj
Sapad. i. e. Wester
G. Arina
Kolmogord.
G. Archangel
M. kotelskoj
M. Petscherskoj
Kolskoj
Zopari i. e. Lappland.
Ost.
Ouest.
S
W.
O

Copiée a Muscow 1664 sur la carte de Gudenow par C.J. Prütz (Suisse)

Nord (!)

ΚΑΡΤΟΓΡ. ΣΑΦ. Α. ΚΗΛΙΝΑ СПБ.

2007111170